

Фаталь и Юласси

Среди бескрайних просторов саванны жил небольшой кочевой прайд, состоявший из четырех львиц и старого льва. Этой саванной был Морлай — та местность, где живет множество маленьких, дружных прайдов, которые путешествуют, когда им вздумается, и остаются там, где им захочется. Если при этом не мешают соседям. Но, как правило, хорошему соседству лишь рады — тогда есть с кем поболтать о жизни, о добыче, о любви и прочем. Морлай богат пищей и водой, стада проходят здесь чуть ли не круглый год, а потому жить здесь хорошо.

Но еще эти места — родина и жилье для множества сильных, умных и свободных шамани, которые полны дерзости и упорства, и достигают высот знания — поодиночке и вместе. Здесь можно встретить шамани самого разного толка и характера: от простых целительниц до недоступных львов-одиночек, которые могут делать такое, что об этом даже страшно упоминать. Свободная земля делает таким же и дух ступающих по тропе знания, а потому нет лучшего места, чем Морлай, чтобы стать одной или одним из них.

И вот, в этом прайде, однажды утром появилась на свет Юласси́. Старая и очень опытная шамани этого маленького прайда, Эльра́ра, вырастившая много учениц, которых давно уже отпустила в Большой мир, тут же молвила Мааларе, матери:

— Да она просто создана для пути знания. Никогда у меня не было такого сильного *хламая*, — молвив это, сильно задумалась, долго глядя на новую жизнь.

Хламаем здешние шамани называют то особое предчувствие, которое овладевает амара́х — наставницей или наставником — в тот момент, когда смотришь на кого-то, и вдруг совершенно точно понимаешь, что этому будущему льву или львице суждена судьба шамани, и никак иначе. Добровольно и по своему желанию очень немногие могли стать ими, ведь только сами амарах-шамани выбирают учеников. Придти и предстать с требованием «Хочу быть шамани!» — почти невозможно, поскольку в подавляющем большинстве случаев для того, кто может принять такое решение, уже слишком поздно учиться. Тропу знания надо поймать еще в раннем детстве — таков опыт многих поколений. Эльрара иногда говорила при случае:

— Лишь безумец может добровольно пойти по пути знания, — и вздыхала, смотря вдаль.

Конечно же, Юласси стала ученицей Эльрары. Живая и жизнерадостная, она оказалась очень способной и приятной ученицей, талантливой и умной; схватывая всё на лету от наставницы, путешествуя вместе с нею и со своим прайдом по огромному Морлаю и окрестностям, общаясь с самыми разными шамани, львами, львицами, детьми, она обрела неоценимый опыт и знания, широкий кругозор и свободу мысли. Эльрара, переживающая закат жизни, действительно гордилась своей последней ученицей. Она очень старалась ради Юласси, много сильнее, чем для прежних учениц: обучала всему, что знает; ходила с нею в дальние и близкие путешествия ко своим бесчисленным знакомым; водила к Шаналу́, отшельнику, которого было очень трудно найти и выловить, для того, чтобы Юласси научилась азам древнего языка; оставляла на попечение Ави́ше, которая знала почти всё о травах, корнях, снадобьях и прочем, которая могла сделать что угодно, от ужасного яда до отличного лекарства.

Будучи вместе, сильная, авторитарная Авиша и свободная, независимая Юласси часто спорили, и ни дня у них не проходило без приключений. Но так им даже нравилось.

— Смотри. Бросив корень трамы в уже готовое наралэ, ты сделаешь его вкус не таким гадким... — медленно, со знанием дела говорила Авиша.

— Я знаю это, госпожа Авиша, — нетерпеливо повела хвостом Юласси. — Но лучше тростник, разве не так?

Испытующий, скептический взгляд, который ученица без труда выдержала.

— Знаешь? Ах, она знает. Тогда беги, мне найди ибogu, да быстро.

— Да здесь нету поблизости. Где же я достану эту кору? Разве нет у вас в запасе?

С ворчанием из пещеры был вынесен небольшой кусочек.

— Тогда бери. Жуй, — бросила Авиша его на землю.

— Мы будем делать наралэ? — удивленно спросила Юласси.

— Не исключено. Давай, — махнув лапой, сказала Авиша.

— Сначала для наралэ нужны семена, тростник...

— А ты начнешь с коры, — решительно кивнула Авиша.

— Но нужен панцирь или лист хум... — недоумевала Юласси.

— Давай!

— Как скажете.

Юласси принялась за дело.

— Быстрее, быстрее, — властно подгоняла ее наставница.

— Ну вот, снова весь рот немеет... Не могу быстрее... Очень немеет, моя госпожа... — последние слова были сказаны вот так: «Моооа гоосшаа».

— Ага... Ну вот, полюбуйтесь — знает она. Если бы ты вместе с корой начала жевать траму, то всё было бы гораздо лучше. Теперь ты говорить не сможешь четверть дня. Некоторые глупые шамани так и делают — жуют ибogu, а потом говорить не могут нормально. Какая нелепость, — с небрежной усмешкой говорила она бедной Юласси, которая уже не могла сдерживаться и неприкрыто скалилась от горечи этой гадкой коры. Что уж говорить, теперь она точно будет знать, как правильно жевать кору ибogi для наралэ — одного из особых наркотиков, которые делали для себя шамани.

Так и училась Юласси, верно и хорошо.

— Для чего шамани делают всё это? — однажды спросила ученица.

— Что «это»? — спокойно сказала Авиша, размешивая черный сок хирайи в панцире.

— Ну, лекарства, снадобья и всё такое... Это ж не имеет отношения к нашему знанию.

— Имеет. Это знание о мире, — спокойно ответила Авиша.

— Но что оно нам дает?

Авиша удивилась:

— Знание непременно и сразу должно что-то давать?

Потом добавила, бросив свою работу:

— По крайней мере, ты сможешь помочь тому, кому хочешь. Тому, кого любишь.

Это был очень весомый аргумент; Юласси не знала, что сказать. Но не сдавалась:

— Хорошо. Но всё же.

Авиша вздохнула, зная жизнь не понаслышке.

— Так тебе будет проще жить в мире. Так проще жить в любом прайде. Кто такие шамани для обычного льва или львицы? Те, кто дают нечто гадкое, когда болит голова. Вот и всё. Да, он или она знают, что шамани чем-то занимаются, какими-то непонятными вещами. Но лишних вопросов не возникает. Ну и пусть, думают

они, главное, что ты — целитель, а всё остальное — причуды и странности. Вот так... А жить вне прайда, даже маленького, много труднее, поверь. Потому всегда лучше быть в прайде, а еще лучше быть ему полезной — быть целителем. Кроме того, первые шамани были целителями. От них и начинается путь.

— Но хорошо. Тогда для чего наше знание скрывать, защищать? Зачем таиться, от кого, почему? — удивлялась Юласси.

— Никто особо не таится. Просто остальные питают равнодушие к нему, — Юласси показалось, что Авиша разозлилась. — Но если они вдруг начинают вмешиваться... Не спорь с опытом множества поколений. Лишнее внимание и лишние вопросы никому добра не принесут.

Юласси не сдавалась:

— Нет... Шамани нечего в себе защищать, а потому нет никакой разницы, скрываться или нет, показывать знание или нет, делать, что вздумается, или нет, и...

— Моя Юласси, ты не знаешь жизни... Позволить себе не скрываться могут лишь те, кто живет в безмятежном одиночестве. Только очень сильные видящие... Это часть судьбы шамани — так или иначе скрываться и делать то, что помогает другим. Так исполняй же эту часть безупречно, как и всё остальное.

— Но! Но...

Юласси вдруг четко поняла, что хватит говорить на эту тему — Авиша посмотрела на нее так, что немного закружилась голова и будто сдавило горло. Никакого вреда она таким образом не желала причинить, а просто хотела сообщить: «Хватит!».

Видимо, это было немного слишком; потому Авиша тепло, жестом, позвала к себе Юласси, и обняла.

— Тебе не нравится, как я учу тебя? — очень печально спросила она. — Или тебе не нравится помогать другим, делая для них снадобья?..

— Что вы! Что вы! Не хотела вас обидеть. Никогда, Авиша, нет! — Юласси не хватало слов. В знак преданности и расположения она спряталась у нее под шейей, закрыв глаза. Но всё равно Юласси не была согласна с Авишей. «Как же так? Зачем таиться, зачем прятать свое знание? Откуда взялся этот обычай? Ведь Эльрара говорила, что нет ничего такого в душе шамани, что нужно защищать! И не пострадает от открытости знание, о нет! Так ведь будет только лучше... Да, не стоит рассказывать обо всем первому встречному. Но и скрывать то, кто ты есть, и что ты умеешь на самом деле — как-то глупо... Говорить, что ты — лишь целительница, и больше ничего — значит просто лгать, ничего более», — упрямо думала она, не желая смириться со словами Авиши.

Но это не заняло ее ум надолго, поскольку в мире еще было множество других вещей.

Впрочем, она пребывала с Авишей лишь небольшое время; по крайней мере, Юласси очень хотела остаться, но Эльрара была непреклонна и не дала этого сделать. Видимо, были еще другие ученики, которые желали поучиться у Авиши. А может, Эльрара просто приревновала свою ученицу? Кто знает. Юласси спросить не решилась.

— Береги себя, дитя мое, — в совершенно несвойственной ей меланхоличной манере, молвила на прощание Авиша. — Будет много неприятностей у тебя из-за характера и упрямства...

Юласси не придавала этому особого значения, поблагодарила за всё и лизнула на прощание в щеку.

Вскоре она приняла необычное решение покинуть Эльрару, маму и свой небольшой прайд. Маму это очень огорчило. Сыновья уйдут, это точно; дочери же,

как правило, остаются, чтобы скрасить закат жизни. Но вот Юласси уходит, и нельзя ее удерживать, поскольку традиция велит отпускать в Большой мир с радостью, но не сожалением.

— Но почему же? — спрашивала амарах, которая всё же не хотела отпускать Юласси, потому как привыкла к ней, как к дочери.

— Я уже кое-чему научилась. Хочу на мир посмотреть, себя показать.

Ничего не оставалось, как только смириться.

— Что ж... Ты знаешь, куда отправишься?

— Нет, понятия не имею. Наверное, на юг, — беззаботно махнула хвостом Юласси.

— Ну тогда рано или поздно попадешь на земли Союза, а потом будут низкие горы, за которыми очень бедные земли, — Эльрара говорила так, словно хотела убедить ее никуда не ходить, пугая опасностями.

Юласси смело махнула лапой.

— Зайду, посмотрю, как там живут. Я же никогда ничего подобного не видела. Потом пойду дальше.

— Будь осторожна на тех землях, — глаза Эльрары были тревожны и заботливы.

Но о какой осторожности идет речь, если ты молодая, красивая охотница, которая умеет очень многое?

— Но вы же говорили, что там можно спокойно проходить и даже посещать их прайды, если не делать ничего дурного.

— Мало ли. Вещи меняются.

Попрощавшись и пообещав их навещать, Юласси отправилась навстречу судьбе.

Путешествие совсем не тяготило; напротив, она наслаждалась свободой, одиночество шло только в удовольствие, хотя она привыкла к общению и компании. Юласси определенно казалось, что она поняла, почему некоторые шамани решают жить вдали от всех. В этом было нечто безбрежное, притягательное. И еще больше удовольствия доставляла мысль, что можно, при желании, вернуться назад или же найти себе новый прайд, ведь Морлай — богатая земля, здесь много «теплой крови», как принято говорить, много живого.

Никаких обязательств. Только путешествие без бремени и забот. По пути она *сновидела*, когда хотела и как хотела; несколько раз она посетила таким способом свою наставницу, и та точно каждый раз ее замечала. Впрочем, общения у них не получилось: то ли Эльрара этого не желала, то ли Юласси еще не хватало сил.

«Ну, наверное, тут практика нужна. Ведь Эльрара не учила, как беседовать в сновидении», — думала Юласси, ища брод через большую реку. Местные рассказали, что эта река называется Большой Маар. «Не такой уж он большой», — улыбнулась себе юная шамани. Думала уж переплыть, как тут вдруг повстречалась со львицей-одиночкой и двумя львятами при ней.

— Извините, госпожа, подскажите, где могу я найти здесь брод через реку, — обратилась к ней Юласси и подмигнула львенку. Просто так, из озорства. Но тот, наученный жизнью подозрительности и неверию, враз заважничал и постарался выглядеть рассержено-недовольно.

Мать оказалась более дружелюбной, чем сын:

— Нет, милая, нету здесь брода поблизости. Придется реку переплывать.

Нахмурившись, она добавила:

— Вообще-то брод есть, но он далеко вниз по течению.

— А как вас зовут, госпожа?

Юласси села.

— Арана. Просто Арана.

По нескольким мелким, но весьма хорошим признакам шамани сразу поняла, что имеет дело со львицей, которая когда-то жила в большом, солидном прайде; возможно, она даже принадлежала к высокому роду. Юласси многое знала, слышавшись самых разных историй от бесчисленного числа львов и львиц, многие из которых путешествовали почти всю жизнь. Когда Арана представлялась, то, наверное, совсем неосознанно приложила лапу к сердцу, что принято в некоторых больших прайдах. Да и эти слова «просто Арана» значили лишь одно — бывает и «не просто».

Да и чутье шамани шептало то же самое. Юласси стало любопытно, и она решила проверить свою догадку.

— Юласси. Рада знакомству. Только как ваше полное имя?

Арана несказанно удивилась, приглянулась: может, когда пересекались? Откуда ж эта львица знает, что у нее есть еще имя рода? Ведь она всё врёт о своей судьбе, рассказывая, что родилась в маленьком прайде из четырнадцати голов, выдумав целую правдоподобную историю, в которой были и частицы правды о ее жизни, но лишь частицы... Только ее дети знали свое происхождение, но это была глубокая тайна, и мать приказала хранить ее, как жизнь.

Из-за спины матери выглянула любопытная мордочка еще маленькой львицы.

— Полное имя? Имя рода? Арана Неррасу-ла. Но откуда ты знаешь? — она решилась раскрыться Юласси.

— Просто догадалась, это ж заметно, — собственная догадливость развеселила Юласси, и она просияла. Львенок смотрел на незнакомку уже с нескрываемым любопытством.

Развивать эту тему не стали. Поговорили о том, кто куда держит путь. Выяснилось, что Арана идет из земель Союза, которые совсем рядом.

— Как там? — оживившись, спросила Юласси.

Арана сразу ответила:

— Хорошо. Они не любят только большие компании львов и стаи гиен, а львицы с детьми могут спокойно бродить по их землям. Можно даже зайти в прайд, если очень хочется.

— Как интересно... Что это, вы поранились? — озабоченно спросила Юласси, глядя на лапу Араны, которой она увлеченно махала во время рассказа.

— Неужели еще одна шамани? — удивленно спросил львенок, переглянувшись с матерью. Любопытная львица уже полностью выпрыгнула из-за матери, чтобы лучше разглядеть Юласси.

Теперь пришла ее очередь удивляться.

— Но откуда вы?..

Арана весело засмеялась и рассказала историю о четырех шамани Союза, которые, увидев ее беду, помогли, причем даже остались с нею и детьми на целых три дня.

— Они просто замечательные, шамани Союза. Я даже не думала, что такое возможно. Их имена: Иримэ, Нарра, Шелли... и...

— Аврина, — подсказал львенок.

— Да.

Юласси, разглядев лапу, отметила, что сделано было всё хорошо, на совесть и со знанием дела. Рана была уже совсем не опасной и зажила. Решение заглянуть на земли Союза превратилось в решимость попасть в один из его прайдов.

— ...они были из прайда Юнити, если я не путаю название, — молвила Арана. — Везет же нам на шамани! Позавчера нас покинули одни, так вот сегодня еще одна.

— Что ж, если вы не против, я вас немного попытаю вопросами о Союзе.

Арана согласно кивнула, растянувшись на земле.

— Но сперва я познакомлюсь с этим взрослым львом и этой милой львицей, — сказала Юласси, погладив львенка по спине лапой, слегка выпустив когти. Так принято гладить будущих львов.

— Сеймур, — представился он.

Шамани посмотрела на дочь Араны.

— Мартиэль, — представилась она точь-в-точь так, как и ее мать, приставив лапу к сердцу.

Юласси впервые в жизни пережила это. Наставница, и не только она, много рассказывали об этом моменте, очень много; она всё расспрашивала, но Эльрара говорила, что говорить об этом невозможно, как и о видении. «Безмолвное знание о тропе». Так называют его шамани. Это — хламай.

И теперь Юласси пережила настоящий хламай, глядя в карие глаза Мартиэль. Словно во мгновение прожив всю ее жизнь, а потом разом всё позабыв... Остались лишь скупые слова да непреклонная уверенность в том, что будет с этой маленькой львицей.

— Мартиэль, ты станешь великой шамани, — закрыв глаза и сев от тяжести впечатлений, низким голосом сказала Юласси.

— Юласси, что-то случилось? — участливо спросила Арана.

Но та только нетерпеливо замахала лапой.

— Слушай же, Арана: дочь твоя будет шамани.

— Она? Да нет... Не может быть, — у Араны не было доверия к этим словам.

Смотря в глаза испуганной Мартиэль, Юласси, словно сама не своя, молвила:

— Прими же этот путь. Так будет.

Возникла неловкость. Пока Арана думала, что же ей сказать, Мартиэль ничего вообще не думала от испуга, и только прижалась к земле, а Сеймура просто распирало любопытство.

— Извините... — искренне сказала Юласси, когда хламай бесповоротно ушел, словно его не было. Не зная, как быть, она спросила: — Так Союз совсем рядом, прямо на юг?

— Да. За рекой, можно сказать, начинаются земли Союзного прайда. Я не знаю его названия, — ответила Арана, решив не цепляться к странным словам львицы. Ее дочь не может быть шамани. Она не отдаст. Да и кто ее будет учить?

Юная шамани чувствовала себя странно и неуютно; нет, их компания была вполне приятной, только она понимала, что сейчас общение не завяжется, и нужно побыть наедине.

— Большое спасибо. Удачи вам в Большом мире, — сказала Юласси, уверенная, что больше их не увидит. Она поняла, что оставаться смысла больше нет.

Арана была настроена на интересный разговор, а потому ей стало жаль, что шамани уходит; ведь не так часто можно поболтать о том, о сем с кем-нибудь умным и приятным, странствуя со своими детьми по огромному миру. Сеймур был явно огорчен, а Мартиэль, видимо, обдумывала неожиданные слова Юласси.

Они попрощались; Мартиэль обернулась, когда шла рядом с мамой, и Юласси — тоже; и долгий прощальный взгляд, от которого Марти тут же всплакнула, уже не от испуга, а от того, что никогда больше не пересекутся их пути с Юласси, и пророчество больше не пугало и не заботило ее...

Впечатление сильно повлияло на юную шамани, потому она решила уснуть, переплыв через реку. Вопреки ожиданиям, это удалось почти сразу. Сплошное небытие охватило ее, и никаких снов...

Она проспала всю ночь и встала уже подавно после рассвета. Тут же наткнувшись на старого бородавочника, поймала и позавтракала. Двигаясь вглубь территории союзного прайда, удивлялась обильности и красоте этих земель. Нельзя сказать, что Морлай беден, но такого не было, чтобы добыча выскакивала прямо из-под лап, как здесь. «Потому и такие большие прайды», — подумала она.

Выкарабкавшись на странного вида большой камень, оглянулась. Вдали, прямо на юге, возвышались небольшие холмы; справа была небольшая речушка, видимо, приток Большого Маара; а еще был лев, который медленно шел по низкой траве.

Он пока не замечал Юласси. Она внимательно огляделась по сторонам, наострила уши и принялась — следует опасаться групп львов. Поодиночке они не особо опасны, но даже небольшая шайка — совсем другое. От Араны она уже знала, что союзные не терпят таких вот групп, и встретить их тут очень сложно, но всякое бывает. Не заметив никого другого, Юласси успокоилась, и продолжала спокойно восседать на камне.

Лев флегматично брел, разглядывая землю, видимо, задумавшись. Потом неприлично сладко зевнул. И в это же время заметил одинокую Юласси. Сначала непонимающе смотрел, будто на чудо, потом решительно затрусил к ней. Юласси неподвижно сидела, спокойно ожидая, что будет дальше; только подобрала хвост и заставила свисать самый его кончик с камня, считая, что так будет лучше и красивее. Инстинкт велел понравиться.

Когда подошел ближе, то увидел красивую, молодую львицу, которая своими загадочными карими глазами без страха глядела на него; ему понравились ее светлая, очень гладкая шерсть и то, что она — небольшого роста, тонкого сложения. Всё это заинтриговало.

— Здравствуй.

— Ну здравствуй, — ответила Юласси.

— Смею спросить, кто львица такая? — вежливо обратился лев. Он был молод, не очень велик ростом, но всё же выше Юласси, с небольшой рыжей гривой в черных пятнах, и с огромным шрамом на левом плече и лапе. Юласси уловила его доброе расположение.

— Я из Морлая. Зашла на ваши земли, потому как слышала, что это разрешается.

— Хм... А куда львица держит путь?

— Никуда, просто брожу по Большому миру. Мне рассказывали много интересного о Союзе.

— Что же именно? — лев подошел ближе и сел у подножия камня; теперь Юласси смотрела на него сверху вниз.

Она даже не нашлась сразу, что сказать.

— У вас очень большие прайды... Огромная территория. Отличные шамани.

— Ты можешь бродить по нашим землям сколько угодно, не причиняя никому вреда и зазря не распуская добычу.

Лев замолчал и выкарабкался на камень. Распластавшись на земле в прыжке от нее, вздохнул.

— Что такое? — спросила Юласси, уловив усталость.

— Обход... — изрек он единственное слово. Потом живо посмотрел на нее: — Но теперь мне есть с кем поболтать. Как правило, такие как ты вообще не хотят ни о чем говорить. Удирают, и всё тут.

— Такие как я? — подняла бровь Юласси.

— Ну да. Чужие. Те, кто вне Союза, — немного подумал лев, подбирая слова: не хотел обидеть ее бестактностью.

— Почему?

— Не знаю. Боятся, наверное.

— А стоит? — блеснула глазами Юласси. Лев заулыбался.

— Нууу, как сказать, — немного подумав, рассматривая ее, он поднялся, и распластался уже совсем рядом. — Сейчас, думаю, нет. Как тебя зовут?

— Юласси.

— Валран, к твоим услугам, — сказал он и решил прижать лапой кончик ее хвоста, но она ловко его убрала. Юласси уже поняла, какие мысли вертятся в его голове. Решил, что она заигрывает.

— Ну почему все львы обязательно стремятся наступить тебе на хвост? — с улыбкой спросила она.

Тот повел ушами.

— Не знаю. Просто почему-то хочется, — Валран сделал ударение на «хочется», еще раз попытался поймать хвост. Это не получилось, но он как будто нечаянно поставил лапу сверху на ее.

— Валран, я знаю, о чем ты думаешь, — молвила Юласси и забрала лапу. Она не боялась: он определенно не был наглым хамом.

Он, опешив от такой прямоты, удивленно сказал:

— Вот как. И о чем же?

— Только не сегодня, — засмеялась Юласси.

— О, что, завтра?

— Нет и еще раз нет.

— И когда?

— Глупый, вот что львица тебе должна ответить на такой вопрос? — она потрепала его по гриве. Это была вольность при таком коротком знакомстве, но Юласси хорошо чувствовала натуру Валрана, и знала, что этим она еще больше ему понравится.

— Выходит, никаких шансов, — озадаченно вдохнул Валран.

— Почему же. Я такого не говорила.

Они долго смотрели друг на друга. Юласси чувствовала, как он стремительно падает в пропасть ее обаяния, что доставляло чуть щемящее удовольствие.

— Ты такая интересная львица! — искренне сказал он, вставая. — И ты очень красива.

— Спасибо, Валран, — Юласси благодарно приняла комплимент. — Можно тебя кое-что спросить?

— Конечно.

— Я слыхала, что можно заходить в ваши прайды. Меня примут как гостью?

Вместо ответа он спрыгнул с камня и кивком позвал ее за собой. Видя, что Юласси медлит, добавил:

— Не бойся, следуй за мной.

— А куда мы идем? — спросила она после изящного прыжка.

— В прайд. Ты же сама спросила. Кстати, а зачем тебе?

— Хочу посмотреть, — уклончиво ответила Юласси, следуя его быстрой трусце.

— И всё?

— Я слышала, у вас отличные шамани. Было бы честью с ними познакомиться.

— Хммм... Сейчас мы пойдем к дренгиру, он решает такие вопросы. Думаю, он разрешит тебе остаться дня на три, — задумчиво протянул Валран.

— Кто такой дренгир?

— Глава прайда.

— Почему именно на три?

— Таково правило для гостей и посыльных.

Они обменялись взглядами. Юласси хитро сощурила глаза, потом отвела взгляд, потом снова посмотрела, резко и глубоко, как учила Эльрара. Таким приемом проще кого-то захватить. Юласси совсем не хотела его захватывать ради корысти; скорее, он просто понравился, и она хотела подразнить.

— Не смотри на меня так.

— Как? — Юласси само удивление и невинность.

— Не то наброшусь на тебя, — Валран словно не расслышал вопроса. — Я предупреждаю.

Юласси повела ушами в знак деланного непонимания.

— А кто правитель в твоём прайде? — Юласси решила зазря не играть со львом.

— Дренгир Тамалу́.

— Выходит, это прайд Тамалу.

Немного осмыслив ее слова, Валран молвил:

— Нет-нет. Прайд имеет собственное имя. Все прайды Союза имеют имена.

— И каково название?

— Не название, так не принято говорить. У прайдов есть имена, но не названия. Имя моего — Иллари, — оно было сказано с чувством.

— А сколько прайдов в Союзе вообще?

Валран перешел вброд небольшой ручеек, Юласси перепрыгнула через него.

— Зачем ты всё это спрашиваешь?

— Я просто любопытствую... Извини, если тебе нельзя об этом говорить, или же ты не хочешь, — серьезно сказала Юласси.

— Семь прайдов: Иллари, Регноран, Хартланд, Юнити, Хлаалу, Велари, Делванни.

— Видишь ли, у нас в Морлае прайд называют по имени того, кто правит, — объяснила ему свое любопытство Юласси.

— Если бы я имел прайд, то он бы назывался прайд Валрана?

— Да.

— Надо же, — засмеялся он. — Прайд Валрана... Звучит!

— А сколько у вас шамани в прайде?

Валран безразлично ответил:

— Четыре.

— Ого! И что, так много в каждом прайде Союза? — наострила уши шамани.

— Да я, если честно, не знаю... А зачем они тебе нужны? Тебе плохо? — участливо спросил он, стараясь проявить заботу.

Юласси засмеялась, игриво посмотрела на него и, остановившись, провела левой лапой по левой щеке.

— Нет, я сама есть шамани.

— Вот как! Не ожидал. Впервые вижу такую!

— Какую? — подняла она бровь с улыбкой.

— Ну, они зануды такие... Извини, если что. А ты такая обаятельная и хорошая, что просто не знаю!

— Даже неприлично после этого тебя не поцеловать, — и она легко лизнула в щеку приятного удивленного льва. — Странно. Шамани редко бывают занудами, — молвила она сразу после этого.

— У нас такие... Правда, приходили однажды из прайда Юнити, так они были куда интересней. Дружелюбней. А у нас — скучные, — улыбнулся Валран. — Ну да ладно, ерунда. Наверное, вам будет о чем поговорить.

Юласси поняла, что они уже вошли в прайд. В тени деревьев от солнца прятались львицы, преимущественно постарше, с детьми. Их всех было много, около двух десятков, считая львят; Юласси не привыкла видеть столько львиц сразу в одном месте. Они провожали незнакомку взглядом, но, впрочем, без особого интереса. «Видимо, незнакомцы в прайде — привычное дело», — подумала Юласси.

Тонкий слух уловил обрывки тихих фраз:

— ...новая посыльная...

— ...нет... из делванийцев наверное...

Они с Валраном приблизились к двум каменным столбам. Такого Юласси раньше никогда не видела: будто из земли росли каменные деревья без веток и листьев или кто-то огромный поставил два длинных камня вертикально, как игрушку.

Возле этих столбов было два льва; Валран подошел к ним, Юласси же осталась ждать на почтительном расстоянии. Увидев, что она осталась позади, Валран позвал ее:

— Юласси, подойди сюда.

Она подчинилась: быстро подошла и села. Львы немигающе уставились на нее.

— Мой дренгир, — обратился Валран ко льву постарше и побольше, — я встретил эту львицу на границе, и она изъявила желание придти в прайд.

— Валран! — выжидающе, с неким упреком обратился к нему второй лев.

— Да?

Юласси уловила досаду и раздражение Валрана. Она сочувственно посмотрела на него.

— Ты еще здесь? Ты мог просто указать ей путь.

Валран тут же молча ушел.

— Зачем вы так? Он очень приятный лев, — встала на защиту Валрана бесстрашная Юласси.

— Обход нельзя бросать, юная львица, — смерил ее взглядом лев.

— Кто ты? — спросил ее дренгир.

— Я из Морлая, мой господин. Шла через ваши земли и...

Тут же этот лев поднял лапу.

— Беременна, — утвердительно сказал он. Его скверный характер не понравился Юласси; она подарила ему пока еще не тяжелый, но недружелюбный взгляд. — И хочешь, посему, остаться в прайде, потому как самой тебе не справиться, да?

Дренгир недовольно скривился; непонятно, то ли от его слов, то ли от присутствия Юласси.

— Нет, лев, я не беременна. Просто решила зайти в гости из любопытства, но если меня здесь не желают видеть, я уйду.

— Постой. Значит ты свободная львица, которая просто решила погостить в прайде Союза? — удивленно-недоверчиво спросил дренгир, поглаживая гриву.

Юласси решительно ответила:

— Да. Я слышала много хорошего о ваших шамани. Решила их увидеть, если это возможно.

— Зачем они тебе? — смешливо спросил второй лев. — Ты ж не беременна.

Юласси прижала уши и сказала дренгиру:

— Вижу, в прайде Иллари не знают гостеприимства. Что ж...

— Погоди, — властно махнул лапой дренгир. — Но, действительно, зачем тебе наши шамани и наш прайд? Пойми, не так часто приходят к нам незнакомки из Морлая, чтобы на нас поглазеть. Точнее сказать, впервые в моей жизни.

— Я — шамани. Мне интересен их опыт.

И Юласси привычно отметила эту фразу, проводив левой лапой по левой щеке. Видимо, это что-то таки значило для дренгира, потому как он мгновенно переменялся в морде, и тут же спешно сказал:

— Ты вполне можешь остаться. Как твое имя?

— Юласси.

— Меня зовут Тамалу́, а это мой ярл и помощник Сагва́р.

Тот попеременно бросал взгляды то на Юласси, то на дренгира. Быстро поднявшись, Тамалу тронул ее за плечо.

— Пошли, мне нужно с тобой поговорить.

— Да, господин.

Они начали идти. Юласси старалась почувствовать и понять, что за личность этот Тамалу, но пока это не удавалось. Они всё шли и шли, она уж начала беспокоиться — не подвох ли здесь какой?

— Я вижу, ты действительно свободная, — внезапно начал дренгир.

— Так у вас называют тех, кто живет в Большом мире?

— Ну, скажем, называют тех, кто не входит в прайд, а живет сам по себе. Извини, если для тебя это обидно.

— А по чём вы видите?

— Львица Союза никогда не будет идти рядом с дренгиром, а тем более впереди него. Кроме того, она будет идти слева, а ты сейчас — справа. Это входит в привычку и не осознается. Нарушение этого воспринимается как грубость и невоспитанность.

— У вас что, львицы ходят только слева от львов? — с легкой иронией спросила Юласси, но послушно начала идти слева и немного позади.

Тамалу отрицательно помотал головой и начал пространно объяснять:

— Нет. Скажем, друзья могут идти как угодно. Это довольно тонкий момент. Общее правило для этого: если львица сильно моложе льва, либо же он ярл или дренгир. Тут есть определенные условности.

— Что значит «ярл»?

— Глава яскарла.

— Понятно, — сказала Юласси так, будто ей действительно стало понятно.

— Так ты говоришь, что ты шамани, да?

— Верно. Поверьте, господин Тамалу, я не имею дурных намерений. Я просто ушла от своего маленького прайда в Морлае после того, как наставница всему обучила меня. Зашла я в Союз чисто из любопытства. Если тут так не принято, то я всё пойму. Кроме того, повторяюсь, я слыхала много достойного о ваших шамани. Потому захотела их увидеть.

Тамалу вздохнул, потом сощурился, что-то глубоко обдумывая.

— Кто это тебе сказал, что в нашем прайде хорошие шамани?

Юласси ответила, сворачивая за дренгиром с тропки к большому одинокому дереву:

— Ну, именно о прайде Иллари не могу сказать... Но о союзных шамани я слышала еще в Морлае. Кроме того, мне кое-что поведала одна львица, которую я вчера встретила недалеко от вашего прайда. Это укрепило мой *ахмар*, ой, то есть решимость...

— Ты знаешь древний язык? — удивленно спросил Тамалу.

— Немножко. Но это слово все шамани Морлая используют, если хотят сказать «намерение», «решимость». «Воля».

— Даже так, — он был удивлен.

— Вот, и та львица рассказывала мне о шамани прайда... Юнити, если не ошибаюсь. Судя по ее словам, они действительно хороши.

Тамалу необычайно сильно, с одобрением кивал в такт ее словам, что было весьма непонятно для Юласси. Реагировал он уж как-то слишком преувеличенно. Немного помолчав, дренгир медленно, словно тщательно подбирая нужные слова, сказал:

— Юласси, а как ты можешь доказать, что ты — шамани? — и остановился.

Она недоуменно подняла бровь и повела ушами.

— Хм... Какое доказательство вам нужно? Подойдет любое?

Дренгир словно растерялся.

— Ну... Я не знаю. Абсолютно любое. Должно же что-то быть такое, что отличает, скажем... настоящую шамани от обычной львицы, верно? Вот... Докажи мне.

Юласси никогда не сталкивалась с такого рода просьбой, но очень быстро нашлась. Нужно доказать? Это можно.

— Конечно, мой господин. И это рядом, совсем рядом, мой господин. Вот посмотрите на тот куст, маленький кустик, вот, видите? — Юласси указывала лапой на куст акации неподалеку, справа от дренгира. — Смотрите, смотрите на него.

Тщетно напрягая зрение, Тамалу долго пытался рассмотреть нечто невероятное в этом кусте, тихо ожидая некоего чуда. Но ничего не было, куст не менялся, солнце не гасло. А тем временем Юласси всё повторяла:

— Видите, видите? Смотрите внимательно! Видите?..

Разочаровавшись, Тамалу с недовольством сказал, будучи уверенным, что его просто глупо дурачат:

— Не вижу ничего.

И отвел глаза от куста, а потом встретился взглядом с Юласси.

Какой-то озноб, словно в глубоком детстве (именно так подумалось Тамалу), прошел сквозь спину. Глаза Юласси были непривычно темны и неестественно блистали.

— Теперь снова смотри на куст, — властно молвила она.

Он послушно посмотрел, ожидая чего угодно. Появился какой-то странный звук, будто гудела земля или воздух.

— Смотри на меня, теперь смотри на меня, смотри в левый глаз...

Этот эффект перевода взгляда туда-сюда как-то враз украл рассудок и силу внимания Тамалу. Он начал безвольно проваливаться куда-то вглубь и назад, безропотно отдав волю Юласси.

— Левый глаз, смотри в левый глаз... Ты смоооотришь, — долго и очень томно протянула юная шамани, что враз сделало мир нереальным и абсолютно сноподобным; сила осознания Тамалу иссохла, как ручеек, и теперь, отрешенно и очень слабо чувствуя, что тело его где-то там, очень далеко, падает, плыл в этой безбрежной и приятной сероватой пустоте, в которой были только он и простые, понятные

узоры. Они имели смысл, полно смыслов, но уловить Тамалу их не успел, потому как сам для себя исчез.

...кто-то зовет.

— Господин Тамалу...

Сознание тяжело возвращалось назад, словно его удерживали; это было словно растянутое во времени пробуждение, которое обычно почти мгновенно. Долгое и не очень приятное вхождение назад, в мир.

Лев ощутил, что некто лижет ему щеку и ухо, а еще самым наглым образом в него дует, что крайне неприятно, к тому же ощутимо трясет за плечо, впившись когтями.

— Что?.. — он недовольно махнул лапой. — Что такое?

Юласси ловко увернулась от лапы.

— Что такое? — снова повторил он.

— С возвращением, господин Тамалу, — молвила Юласси, слегка склонив голову набок, улыбаясь и сощутив глаза.

Тот долго сидел, справляясь с телом, которому возвращалась послушность, и усердно вспоминал, что и как здесь происходит.

— Аааа... Да. Юласси, что это за...

— Вы просили у меня доказательств. Я выбила ваше сознание ненадолго из мира. Извините, что не могу быть в двух местах одновременно либо же исчезнуть прямо перед глазами. Я еще недостаточно сильна и показала вам эти скромные умения, потому что иными не владею, — весело ответила она.

— Куда выбила? Зачем? — тупо спросил Тамалу, растирая щеку лапой.

— Никто не знает. Никуда, можно сказать. Зачем? Вы просили доказательств.

— Хууу... Да. Да. Мда.

Небольшое мгновение молчания, во время которого Тамалу осматривал мир вокруг себя, словно желая убедиться, что он реален.

— Так теперь мне верят или нужно что-то еще?

— Нет-нет, Юласси, вполне и абсолютно верю. Ты очень сильная шамани, — уважительно молвил он, продолжая тереть щеку.

— Пффф... — прыснула она, но остепенилась. — Эммм... Поймите правильно, оценить меня полностью смогут только ваши шамани. Да и в этом не есть наша суть — сдвигать чужое сознание. Дело совсем в другом...

Словно маленький львенок, Тамалу очень живо спросил:

— А что, действительно есть такие, которые могут исчезать? Или, как ты говорила, быть в двух местах?

— Да, — очень просто ответила Юласси.

— Оооо... Надо же. А вот слышать мысли — можно?

Юласси совсем не боялась открывать знание, ибо была убеждена, что ему никогда ничего не грозит; ведь нужно понимать, как сделать его силой, а без этого понимания оно — ничто. Никаких тайн.

— Даже самая сильная шамани, скорее всего, не сможет услышать чужих мыслей, потому что они будут совершенно непонятны и неясны. Толку в этом-то особого нет... Можно уловить лишь их течение, их настроение... Сложно правильно рассказать. Я как-нибудь покажу, если представится случай.

— Это впечатляет, Юласси.

— Что вы, мой господин...

— Ну перестань меня называть «мой господин», — с недовольством молвил дренгир. Потом мирно добавил, чтобы не казаться грубым: — Тут так не принято, понимаешь.

— Да, мой господин... Ой, — она испуганно прикрыла рот лапой.

И они рассмеялись, а потом пошли назад, в прайд. Досаждала жара. Совсем недалеко из зарослей, будто из-под земли, появился отряд львиц. «Видимо, с охоты», — подумала Юласси. — «Но... нет, вряд ли». Слишком поздно для возврата с охоты: в полдень охотиться неприятно и трудно.

А вот эти львицы уже со значительно большим интересом смотрели, с кем и зачем идет их дренгир.

Юласси услышала, как он еле слышно выругался. Но тут же обратился к ним с просьбой подойти поближе, потом представил Юласси и огласил, что она изъявила желание погостить в прайде и пообщаться с шамани их прайда. Десяток пар любопытных глаз уставились на Юласси, отчего стало слегка неудобно. После всех этих вежливостей они все вместе возвратились в прайд, к камням, которые, как уже поняла Юласси, были центром его жизни.

— Послушай, у меня к тебе будет небольшая просьба, — обратился к ней Тамалу, когда они остались ненадолго наедине.

Юласси ощущала, что он то ли нервничает, то ли просто тема для него важна, потому стала вся внимание:

— Да?

— После того, как встретишься с моими шамани... зайдешь ко мне ненадолго, на пару слов? Я хочу знать, что ты о них думаешь. Что скажешь?

Не совсем понимая, что именно дренгир хочет, Юласси всё же кивнула, не задавая лишних вопросов:

— Хорошо. Я пойду их искать.

Слух о странной незнакомке в прайде разнесся очень быстро. Юласси, кроме львиц самого разного возраста, наконец-то увидела львов, прибыв на водопой — обычное место для разговоров и общего сбора. Свои поиски шамани прайда Иллари она решила начать именно оттуда. Предварительно расспросив у весьма милой особы нехитрый путь, она его быстро нашла. Водопой здесь представлял собой небольшой, очень чистый родник, всего в два прыжка шириной, который густо порос камышом. Вода в таких очень хороша и вкусна. Такие родники — то, что надо, поскольку в них никто не топчется, не купается, а тем более это неподходящий водопой для добычи, где вода всегда мутная и неприятная. Оглянувшись по сторонам, Юласси хотела найти того, кто может ей рассказать о шамани, но всё решилось само собой:

— Юласси!

Удивилась, услышав свое имя. Подошла к группе из четырех львов: трое молодых и один уже в годах.

— Откуда знаете, как меня зовут?

— Так... Красивое имя под стать красивой львице, — тут же начал наступление самый находчивый лев с длинной гривой.

— Приятно мне знакомиться с настолько догадливыми львами.

Все заулыбались.

— Мы слышали, ты пришла из Морлая.

— Именно, — кивнула Юласси, рассматривая их всех.

— Нечасто к нам приходят оттуда, — важно заметил он.

— Я пришла пообщаться с вашими шамани, о которых слышала много достойного, — сказала уже заученную фразу Юласси.

— С нашими-то? — с неким сарказмом молвил второй, прекратив вылизывать лапу. — А кто тебе о них рассказывал?

— Ну... сказали. Мне говорили о шамани Союза вообще. Не подскажите, где мне их найти?

— Умрал, где они? — спросил первый.

— Откуда я знаю, — ответил тот, что отвечал со сарказмом.

— Ушли куда-то. К вечеру будут, — молвил самый старший, и, видимо, самый главный. Всё же было заметно, что остальные ведут себя весьма сдержанно в его присутствии. — Они иногда вчетвером куда-то уходят.

— А как их зовут, можно ли узнать?

— Почему же нет... Эллази, Беата, Амарель и... кхм... Малу, — отчего-то упоминание этого имени вызвало смешки у всей остальной компании.

— У вас есть и лев-шамани? — удивилась Юласси. Львы-шамани редко, крайне редко оставались в прайдах, жили очень сумбурной и непонятной жизнью, любили странствия и одиночество; все, которые попадались Юласси, были весьма пугающими, оригинальными и непредсказуемыми личностями. Она знала, что у львов, в целом, много больше силы и стремления, но им не хватает уравновешенности, отчего с ними трудно сладить.

— Да уж, представь себе, есть, — с издевкой молвил тот самый лев с длинной гривой, что сделал ей комплимент. Но его издевка была направлена совсем не на Юласси, а на того, неизвестно в чем провинившегося Малу. Но старшой понял это наоборот:

— Но-но, Алмар, не груби нашей гостье.

— Нет, нет, я не это хотел сказать, — искренне оправдывался тот. В подтверждение своих слов слегка дотронувшись до плеча Юласси, он молвил: — Честно, это я о нем так говорил...

— Ах, ты! Так я тебе и поверила, — юная шамани не могла удержаться от кокетства; Алмар сразу понравился ей, с первого мгновения знакомства. Просто понравился, и всё тут, в жизни так бывает. — Раз так, то я пойду их ждать.

И она, на небольшой, точно рассчитанный миг подарив Алмару огонь глаз, развернулась и начала уходить. Сзади раздался дружный хохот.

— Стой, Юласси, погоди! — тот сорвался с места. Видимо, он действительно хотел ее остановить, так как сделал несколько странных движений лапой, будто хотел поймать ее хвост, которым она притворно дергала из стороны в сторону в знак обиды. Эти странные жесты Алмара вызвали еще одну волну веселья у его друзей.

Она обернулась, всем видом демонстрируя немой вопрос: «Чего тебе?».

— Эм... — слова кончились, Алмар так и стоял, беспомощно махая лапой в воздухе. То ли он забыл, что сказать, то ли не знал. — Да я не то хотел сказать... Ладно, ты обращайся, если что.

Его друг Умрал подхватывал каждую его фразу, смешно ее перекручивал, что доставляло остальным развлечение.

На них оборачивались львицы.

— Хорошо, Алмар. Если что, то обращайся, — сказала Юласси таким тоном, что он понял: таки обратится.

Успокоившись, он вернулся к своим. Вскоре львы ушли прочь. Юласси осмотрелась вокруг. С водопоя все ушли спать до вечера (а кое-кто и до завтра), осталось только две львицы. Неподалеку играли львята. Из-за суматошной игры казалось, что их там не меньше десятка, хотя на самом деле было-то три или четыре хвоста. «Вот уж непоседы!».

Юласси решила спросить правила охоты для нее, которые дренгир почему-то забыл объяснить. Вдруг нельзя просто так охотиться? Также вспомнилось, что нелишне было бы дренгиру рассказать о приличиях и правилах поведения. Теперь же Юласси пребывала в неловкости, подходя к двум львицам, не зная, как лучше всего к ним обратиться. И предчувствия не подвели.

— Извините...

Пришлось выдержать два изучающих и не слишком дружелюбных (как она ощутила) взгляда.

— Подскажите пожалуйста, как мне отыскать шамани вашего прайда, — очень вежливо сказала Юласси, приняв покорный вид.

Надменная, стройная, высокая львица сразу же ответила:

— У нас не принято говорить «вы», если прежде не было знакомства. С тобой мы не знакомы, львица.

— Извините еще раз. Мне не объяснили здешних правил, — ответила Юласси, всё также сохраняя кротость. — Буду рада узнать, как же правильно обращаться.

— Стоило сказать примерно так: «Не подскажут ли львицы, как мне найти шамани прайда Иллари?».

Именно! Юласси вспомнила, как некогда Эльрара рассказывала, что в Союзе принято обращаться к кому-то незнакомому или важному так, будто ты говоришь о ком-то другом. Вторая львица, доселе молчавшая, спокойно и со вздохом молвила:

— Они сейчас ушли. Будут ближе к вечеру.

Потом оценивающе глянула на Юласси.

— Расскажи о себе.

— Мое имя Юласси, я пришла из Морлая пообщаться с вашими шамани, а также посмотреть на Союз.

Львица, которая сперва показалась Юласси очень надменной, тут же замахала лапой и забила хвостом по земле.

— Нет, не так, Юласси. Неверно. Смотри: если ты скажешь «с вашими шамани», то получится невежливо; следует говорить «с шамани прайда Иллари». Ибо слово «вашими» подразумевает «вы», а это не очень хорошо при небольшом знакомстве, — у нее был впечатляющий, хорошо поставленный голос, который хотелось слушать и подчиняться.

Юласси, смотря в ее зеленые глаза, уже знала, что эта львица — очень важная персона в прайде.

— Спасибо, что львица объяснила.

— Вот! — тут же довольно молвила вторая.

Прежде они обе стояли прямо у воды, и Юласси находилась на приличном расстоянии от них, полагая, что стоит сохранять дистанцию.

— Так зачем тебе наши шамани? — продолжила любопытствовать первая, приблизившись вплотную, а вторая последовала ее примеру. Потом она благожелательно улыбнулась и кивком пригласила Юласси идти за собой. — Не бойся, я не собираюсь тебя обидеть.

— Я не боюсь. И знаю, что львица добра ко мне.

— Оооо, и откуда же Юласси это знает? — с изрядной долей иронии спросила львица.

— Могу узнать имя львицы? — ответила вопросом на вопрос юная шамани.

— Конечно. Я — Аралса́, а это моя сестра, Амалса́.

— Рада знакомству. Львицу можно называть просто Аралса?

— Вполне. Конечно. Имя — это всегда имя, ничто не должно омрачать его, — молвила Аралса.

— Так вот. Я знаю, поскольку ощущаю это.

Сестры переглянулись.

— И как же? — с улыбкой спросила Амалса. Кстати, Юласси понравилась сразу эта львица, как и Алмар; всем своим видом и существом она излучала спокойствие и доброе расположение к миру вообще. Шамани так же заметила за ней смешную привычку постоянно отряхивать уши; нечто похожее было и у Аралсы, но уж не так часто.

Юласси сперва немного удивилась такому вопросу, но потом спохватилась. Они ж не знают, кто она.

— Я — шамани. Мы ощущаем такие вещи.

Сестры переглянулись. Аралса переспросила:

— Ты есть шамани?

— Да, — после небольшой паузы молвила Юласси; она быстро, на ходу, провела левой лапой по левой щеке. — Впрочем, в ваш... пока я в прайде Иллари, то мне, наверное, стоит нанести полоски на щеку. Чтобы сразу все видели.

— Но разве ты можешь ощущать, что думает кто-то другой? — непонимающе спросила Амалса. — Что за нелепость?

Вот, снова! «И эти сомневаются, что я что-то могу!», — удивленно подумала Юласси.

— При случае я покажу недоверчивым львицам, что я шамани.

— Да нет, этому мы верим. Но то, что ты можешь знать расположение к себе других, звучит... немного странно.

Юласси вконец запуталась в словах и решила доказать им на деле, уже раздумывая, как это сделать. «Почему они удивляются такой ерунде?». Конечно, Эльрара не одобрила бы такой шаг — доказывать что-то кому-то, ибо это глупость, — но выбора не было. «Видимо, это какого-то рода проверка, хотя и весьма смешная. Нелепая даже».

Вот, как раз навстречу им по тропе шли трое: две львицы и лев, все юные и симпатичные. Они очень оживленно разговаривали; одна со всех сторон крутилась вокруг льва, вторая чинно шла в сторонке. Лев, наверное, рассказывал что-то очень смешное, потому как львицы в ответ смеялись без умолку.

— ...Да, представьте себе! А он говорит...

Когда они шли мимо Юласси и сестер, то притихли, вежливо кивнув, причем кивок напоминал легкий поклон. Те сдержанно кивнули в ответ.

— Привет! Я — Юласси.

Сбитая с толку внезапным обращением, веселая компания непонятливо уставилась на шамани.

— Я пришла с Морлая. Могу узнать имена льва и львиц?

Они, не ожидая такого напора, без лишних слов по очереди представились:

— Найриш, — молвил лев первым.

— Мариэль.

— Ланшана, — это был звонкий, плавный голос симпатичной львицы с милыми черненькими ушами.

— Вот и будем знакомы. Да, конечно же, будем знакомы... Это хорошо. Очень хорошо... Прошу извинить, не смею задерживать, — молвила Юласси эту странную речь в не менее странном для сестер тоне. Она растягивала слова; Аралсе подумалось, что так говорят, когда очень хотят спать, Амалсе — что та же львица нежно обращается ко своему льву, мирно покоясь на нем.

Вежливо кивнув, Найриш пошел прочь, то же сделала Мариэль; но Ланшана, плененная взглядом Юласси, продолжала стоять. Шамани не желала этого; она все-

го лишь старалась бегло изучить суть ее существа, взглянув в водную гладь души — глаза. Вообще же, первые мгновения знакомства важны, и можно узнать очень многое за очень короткое время; кроме того, о незнакомых прежде львах и львицах легко и просто рассказывать другим, редко можно ошибиться таким способом. Юласси совсем не собиралась захватить Ланшану, но так получилось само собой. Видимо, та принадлежала к особо внушаемым львицам, Эльрара о таких говорила «легкие жертвы».

— Ланшан, ты идешь? — окликнул ее Найриш, успев отойти на добрых десять прыжков.

— А?.. Да...

Чтобы как-то оправдать для себя и других свое поведение, Ланшана нашлась:

— Извини, Юласси. Я подумала, что когда-то тебя встречала...

И растерянно последовала за своими друзьями, кои уже успели порядочно отойти, особо ее не дожидаясь.

За это время Аралса и Амалса не проронили ни слова. Без предисловий Юласси начала, закрыв глаза, стараясь вложить ощущения во всегда беспомощные в таких случаях слова:

— Ланшана. Кроткая, тихая, весьма ранимая; суть ее — нежна и печальна, а воспитание — от строгого отца. Очень любит Найриша, вот что скажу я. В любви дает очень много. Что-то ее беспокоит, но не могу знать что. В детстве очень сильного чего-то испугалась... В ней сидит ужас, омрачает ей жизнь. Она винит себя в чем-то... Может стать прекрасной матерью, любит возиться с львятами. Ну, говорить о ней можно весьма долго. Трудно сейчас ей, плохое время для нее, она грустит и печалится. Подозреваю почему. Потому как есть Найриш. Эгоистичен, видит лишь свое. Ланшану не любит, нет, она его раздражает, хотя их связывают какие-то отношения. Больше ничего не знаю. Мариэль. Оооо, та не промах. Шустрая, мыслит быстро и верно. Наверное, отличная охотница. В связи с Найришом: они на короткой лапе; похоже даже, любовники, но не уверена, — без страха и упрека выдавала Юласси чужие, глубокие тайны. Добавить было нечего, юная шамани вздохнула и открыла глаза.

Сестры сидели и слушали, не веря своим ушам.

— Вот. Аралса и Амалса наверняка знакомы с ними, а потому я старалась показать свои небольшие возможности. Теперь львицы мне верят? Я хоть и скромная, но шамани.

— Аааа...

— Стой, стой, — тут же перебила сестру Аралса. — Откуда ты всё это знаешь? Кто тебе сказал?

— Я же шамани, — и снова повторилась Юласси.

— Эй, но как же так? Ведь Найриш должен принести клятву вместе с Ланшаной! Как же, он ее не любит, выходит? — удивленно смотрела то на шамани, то на сестру Амалса.

— А я давно это подозревала... Дочь брата дренгира, еще бы... — злобно молвила Аралса.

Начался малопонятный диалог, в котором Юласси принимать участия не пришлось:

— Но Мариэль?!

— Мда...

— Моя Ланшани, как же жаль.

— Найриш всегда таким был, как и его папаша. Я-то его знаю, хорошо знаю.

— Да уж... Верно, она замечает это...

— Но любит его. Вот подонок!

— Точно говорю, знала я это.

Сестры серьезно, с уважением посмотрели на Юласси. Их вид свидетельствовал, что юную, но сильную шамани не подвели силы; для нее это не особенно трудно, это предрасположение Юласси — хорошо чувствовать души. Так всегда говорила ей Эльрара и всячески старалась развивать этот талант.

— Да, был у нее испуг в детстве. Ее мать убили гиены, это была трагическая случайность. Ланшана, совсем еще маленькая, ясно видела, как они сделали это, и убежала в прайд со всех лап. Я помню... Я держала ее, а она плакала и просила, чтобы отнесли ее туда, к маме. Ланшани хотела остаться, чтобы гиены снова пришли и убили ее, чтобы уйти вослед за мамой... Она всегда винит себя, что не осталась с нею до конца... Ой, не могу... — сдержала слезы Аралса, отвернувшись.

Юласси грустно молчала. Амалса безучастно притаптывала кротовью нору, думая о своем.

— Я не хотела причинить боли.

— Ничего. Ты, наверное, великая шамани, раз можешь делать такие вещи.

— Нет, что такое львица говорит, — равнодушно махнула Юласси лапой. «Чего они все заладили — великая да великая?».

— Обращайся на «ты», — молвила Аралса.

— Хорошо. Нет, я только начала свой путь, ничего особого в этом нет, — снова небрежно махнула Юласси.

Аралса встала, ее примеру последовала сестра.

— Не знала, что шамани могут такое... Что ж. Чувствуй себя как дома. И, пожалуйста, никому ничего не говори о том, что ты знаешь.

— Ни в коем случае. Эту тайну я раскрыла только для того, чтобы не быть голословной.

— Теперь мы вполне верим тебе.

— Уж точно, — добавила Амалса.

— Извини, мы пойдем в прайд, есть кой-какие дела... Охоться, если желаешь, сама, либо же иди с группой. Также вполне можешь угоститься общей добычей, но я бы просила не делать этого. Сейчас у охотниц тяжелое время: пищи маловато.

«Нууу, они не знают, что такое действительно маловато», — отметила Юласси.

Они быстро ушли; видимо, им не терпелось обсудить услышанное. Юласси осталась наедине с собой, небом, водой. Захотелось отдохнуть, прилечь, расслабиться... Вскарabкавшись на теплый, плоский камень прямо у самого ручейка, она начала дремать. Юласси легко остановила внутреннюю болтовню, дыхание было ровным и покойным, слух обострился до предела. Видимо, сила сегодня выведет ее на сновидение, хотя это не очень хорошо получалось днем. День — шумен, битком набит всякими полезными и бесполезными заботами, многословен и постоянно чего-то хочет, требует; но ночь — настоящая, она нежна и спокойна, именно тогда появляется ощущение тайны жизни и мира. Юласси, как и все шамани, любила ночь, очень любила ночь. «Сновидение днем сумбурно и лишено воли... Лучше ночь...». Юласси решила не насиловать себя, а просто вздремнуть — пусть мысли вяло текут куда им угодно. Не надо их останавливать. Они могут быть приятны и ненавязчивы, главное — дать им течь, дать им свободу...

«Действительно, несчастная Ланшани... Наверное, нужно ей сказать. Нет, намекнуть, какое там сказать...», — думала Юласси. Но ведь Эльрара говорила, что

следует таить всё, что ощутила, и ни в коем случае не вмешиваться в подобные дела.

— Не вздумай, никогда, запомни это!

— Но Эльрара, ведь всякое бывает, — пыталась протестовать Юласси.

Эльрара тыкнула лапой в нос, да больно.

— Не в этом случае. С такими вещами следует быть очень осторожной и осмотрительной. Старайся держать свои ощущения и порывы «сделать как лучше» при себе.

— Но шамани ведь целители обстоятельств!

— Где ты это услышала? — после мгновения молчания спросила наставница.

— Я знаю это.

— Так говорят только те, кто просто слишком потокает себе и своим миражам. Я знаю только одно: шамани — безжалостны. И к себе, и к другим. Если ты будешь это помнить, то отпадет много ненужного.

— Но...

— Юласси, запомни главное — не говори никому ничего о том, что ощущаешь, ради простого интереса и ради чего-либо другого... Будь осторожна...

«Но я сегодня рассказала, и многое. Ну да ладно. Это лишь для того, чтобы тут мне поверили. Пусть знают...». Юласси сострадала печальному сердцу Ланшаны, потому решила при случае с ней поговорить, необязательно об этом, а вообще, обо всём на свете. В конце концов, Юласси ведь властелица мира, как и любое существо, одаренное сознанием; она может принять какое угодно решение и следовать ему... Мысли начали блуждать в лабиринтах сознания, попадали в очень неожиданные и странные места, причудливо смешивались и разделялись. Остатками контроля юная шамани отметила: «Дремлю...». Юласси ушла от мира.

Кто-то начал плескаться в воде... Раз, потом еще раз. Какой-то треск, который решительно прогнал дрему прочь. Потом снова всплеск, да такой, что брызги достали аж до нее, спящей высоко на камне. Неприятно, а потому Юласси открыла глаза, чтобы посмотреть на виновника сего безобразия.

Виновник в одиночку плескался прямо в роднике для питья, что само по себе весьма и весьма плохо. Видимо, его умурило жара, этого львенка; Юласси отметила весьма крупные лапы (видимо, вырастет большим львом) и еще совсем-совсем маленькую, еле заметную, но гриву, резкие и решительные движения. Юласси он то ли не замечал (ну это вряд ли) или же не хотел замечать.

— Ты что делаешь? — с укором спросила шамани, свесив лапы с камня и положив на них голову.

Он испытующие, злобно посмотрел на нее, словно хотел усмирить взглядом.

— Не твое дело, львица, — сказал он с чувством превосходства самца над самкой.

И назло топнул лапой прямо по воде.

— Ты кто такая? Из какого прайда пришла? — требовательно спросил он.

— Я из Морлая, — добродушно ответила Юласси.

— Какого еще Морлая?

— Это на севере, — она махнула лапой в сторону своих родных мест.

— Так ты не из Союза? — удивленно спросил он, наострив уши.

— Нет. Я сейчас вне любого прайда вообще.

Львенок фыркнул, а потом, наконец, вылез из воды.

— Тогда веди себя как подобает гостье. Сиди и молчи.

— Какой ты хам. И грубиян, — притворилась глубоко обиженной Юласси.

— Я знаю. Иначе нельзя. Задержают. Все только и ждут, чтобы тебя одернуть или что-то там указать, — раздраженно заметил он.

Львенок никуда не спешил уходить. Он важно разлегся у самой кромки воды, несмотря на мокрый песок. Он крайне неприятен на шерсти, доставляет много хлопот, а еще мокрый песок трудно смыть; но, видимо, будущий лев хотел показать, что ему всё нипочем. Юласси тем временем внимательно смотрела на него, изучая, просто из любопытства; конечно же, она заодно старалась ощутить его натуру. Это пока особо не удавалось, львенок старательно прятал глаза, избегая прямого взгляда. Наконец, он не вытерпел:

— Ну, чего ты таращишься?

— Зачем ты так обижаешь меня? — Юласси обиженно посмотрела в сторону.

— Я ведь просто смотрела на тебя.

— Незачем на меня смотреть.

Видимо, он пожалел о сказанном, и решил пойти на мировую, насколько это позволяла гордость:

— Как тебя зовут?

— Юласси.

— Меня Алаас. А зачем ты пришла?

Юласси обратила на него взор.

— Ты действительно хочешь это знать?

— Да, — кивнул Алаас. — А что такого?

Шамани приставила лапу ко рту, потом ко лбу, и осматривалась по сторонам с таинственно-задумчивым видом, словно ее действительно глодали страшные сомнения.

— Ну, вообще-то это тайна. Я не могу...

Алаас даже привстал от любопытства, переполнявшего его.

— Я сохранил любой секрет.

И ожидающе уставился на Юласси. Та не реагировала. Он перескочил через ручей, запрыгнул на камень, но она и дальше хранила молчание. Немного погодя, он добавил:

— Но если тебе нельзя говорить об этом, то ладно. Я сразу заметил, что ты какая-то необычная, — молвил он с детской непосредственностью. Его, как и всех детей, манили тайны и приключения, а потому он уже давно забыл о своей глупой грубости к этой милой львице.

— Ладно, я доверюсь тебе, — вздохнула Юласси, поманив его лапой. Тот был тут как тут. Наклонившись к его уху, она не слишком сильно, но ощутимо подула ему в ухо. От неожиданности Алаас отскочил, отряхиваясь.

— Эй! Что это было!

— У тебя была муха на ухе, — крайне серьезно сказала Юласси. — Почему ты отскочил? Иди сюда, если хочешь узнать.

Он смотрел на нее, думая, шутит она или нет. Серьезный облик Юласси ясно говорил, что шутки отставлены в сторону. Потому он снова наклонился к ней.

Юласси наклонилась еще ближе, уже ко второму уху, и немного слабее, чем прежде, проделала то же самое. Теперь Алаас только отряхнулся, но не отскочил. Что, проклятье, делает эта странная львица?

— Да что ж это такое?

Юласси улыбнулась и игриво молвила, очень легко и нежно дотронувшись лапой к его плечу:

— Я играю с тобой.

— Не надо со мной таких игр...

А Юласси снова слегка проделала это, теперь уже и с одним, и со вторым ухом; а чтобы он никуда не делся, обняла его лапой.

— Эй, я сейчас... — и попытался вырваться, но слабо, ибо было нечто очень приятное и нежное в этих объятиях. Нечто давно заброшенное и забытое овладело им... А Юласси всё продолжала, но каждый раз неприятный ветер все больше превращался в медленное, теплое дыхание, звук которого в ухе завораживал, и озноб пробирал Алааса с макушки до кончика хвоста. Она, закрыв глаза, дышала на каждое ухо поочередно, всё медленнее и глубже. Ритм его дыхания совпал с ее, он окончательно утратил волю и силы что-либо говорить. Или думать... Вдруг он весь расслабился, весь лег на ее грудь; Юласси же бережно положила его возле себя, спереди, прикрыв левой лапой от всего жестокого мира, потом сама растянулась на камне.

— Шшшшшшш... — очень тихо прошипела Юласси на левое ухо Алаасу. Это доставило ему странное, непередаваемое удовольствие. Он не дремал, не спал. Это было странное состояние безмыслия, защищенности от всего, удобства, нежности и теплоты. Мир больше не требовал от него ничего и Алаас ничего не хотел от мира.

— Мне не хватает мамы... — вдруг сказал он, спокойно и бесцветно, тихо и неразборчиво, но Юласси всё услышала.

— Я знаю, мой маленький лев...

Юласси сама до конца не понимала, зачем сделала это. Не было у нее предварительного плана или намерений. Возможно, это был материнский инстинкт, возможно, это из-за отзывчивого сердца шамани, ведь она ощутила, что злобный и неприкасаемый Алаас на самом деле — жертва строгой судьбы, которая лишила его матери; с самого раннего возраста не знал он тепла, и это сразу пронзило Юласси.

Она так и заснула вместе с ним, обняв лапой.

Охотничью группу, которая медленно собиралась на вечернюю охоту, ждало действительно невероятное зрелище: Алаас спал вместе с новой гостьей на камне у водопоя. Ничего особо странного в этом не было, если бы львицы прайда не знали сквернейший и вреднейший характер Алааса, который только и делал беспорядки, козни и уж тем более никогда никого не слушался, которого все называли не иначе, как... Но ладно, не стоит ругаться. Он мог огрызнуться и нахамить, причем со смелостью, граничащей с безрассудством, потому часто получал сильную трепку. Но ничто не могло исправить его характер; отец же, Сагвар, был постоянно занят, не мог управиться с сыном, да и сам сильно переменялся в характере после смерти своей львицы. Ему не раз советовали не глупить и взять себе другую, хотя бы во благо единственного сына, но Сагвар отказывался. Да и с Алаасом никто бы не управился, это точно...

А потому львицы прайда, пытавшиеся не единожды дать ему хоть немного заботы или же хотя бы присмирить, остановились поглазеть на это странное зрелище.

— Вы только посмотрите на них...

— Это как так?

— Какие милые...

— Кто же эта львица?

— Говорят, с Морлая пришла. Но, мне кажется...

— Что?

— ...что это неправда. Наверное, она из Хартланда с каким-то поручением. Я уверена.

— Да, я сама видела, как с ней дренгир куда-то уходил...

Позади раздался голос Сагвара, который неожиданно оказался здесь:

— Что там такое?

Вместо ответа главная хозяйка охоты, Амалса, молча пригласила его поглядеть. Сагвар как увидел, так и застыл. Как так? Сын сбегает от него, а потом спокойно спит с какой-то незнакомой чужачкой? Кроме того, что за разнеженность?!

— Алаас!

— Сагвар, да тише! — шикнули на него львицы, но было поздно. Голос отца тут же разбудил, как жало: Алаас дернулся и быстро встал. Тем самым он ощутимо стукнул по подбородку Юласси; от этого ей тоже стало не до сна. Львенок сразу молвил, но тихо, чтобы не слышал отец:

— Прости.

— Ты что это делаешь? — сделал отец несколько шагов вперед. Потом с рыком закричал, будто отдавал команду яскарлу, отчего некоторые аж вздрогнули: — А ну, иди сюда!

Львицы прайда молчали, недобро глядя на Сагвара. Вместо того, чтобы виноваться, Алаас сорвался с места, и в несколько прыжков оказался во высокой водной траве.

— Стой!

Но Алааса уже и след простыл.

Юласси мало что поняла. Она заметила, что спереди собралась приличная компания, которая глядела на нее. Оглянувшись по сторонам (может, не на нее смотрят?), встала, отряхнулась и молча начала уходить.

— Так, эй ты. Что это было? — перешел в наступление Сагвар, сделав несколько шагов к Юласси. Он был готов почти ко всему, но Юласси, следуя прямо на него, вдруг от чистого сердца четко молвила:

— Дурак.

Потом подарила взгляд, от которого ему чуть не стало дурно, и ушла прочь. Львицы стояли, с интересом и страхом ожидая продолжения, которое, впрочем, не последовало — Сагвар стоял, как камень, провожая взглядом уходящую по тропе Юласси.

«Как безжалостна и слепа бывает судьба», — думала она, следуя большой тропе, которую топтали тысячи лап уже много лет. — «Но ничего не поделать». Возникла мысль уйти поохотиться, но растворилась в лени, темном сплине и печали; кроме того, кушать не очень-то и хотелось. Путь привел шамани к месту общего сбора, к двум вертикальным камням, где было много больше голов, чем сегодня утром. Тут же к ней подбежал незнакомый лев-подросток:

— Львицу просят подойти к Аралсе.

Юласси начала искать ее среди толпы, но тот кивнул совсем в другую сторону. Аралса находилась возле дренгира. Шамани поняла, что она — его львица.

Юласси подошла, потом ее представили всем собравшимся. Это не был весь прайд, но его значительная часть. Было объявлено цель ее пребывания и то, что она является гостьей прайда Иллари. Шамани стояла и улыбалась присутствующим; они, в большинстве своем львы, не оставались в долгу. После этой небольшой формальности все разбрелись прочь. Юласси уж думала пойти спать, как тут подошел Валран и спросил:

— Ну что, как дела?

— Ой, Валран, как тебе сказать...

— Да так и говори.

— Так и скажу. Отлично. Но вот еще не дождалась ваших шамани. Сижу вот, волнуясь.

— Это чего же?

— Как знать, вдруг они сильны и опытны, и не будет у них времени со мной болтать.

Валран пренебрежительно махнул лапой:

— Это я сомневаюсь. Пошли прогуляемся?

— Ну, если ты настаиваешь...

— Настаиваю!

— Даже не знаю...

— Давай! — Валран понял, что уже сломил ее сопротивление.

— Тогда ладно. Но только недалеко! Вдруг они сейчас придут.

А почему бы и нет? Пойти себе, погулять с этим львом. А вдруг он ее чем-то удивит!

— Ну конечно, конечно!

Видимо, у Валрана были какие-то очень хитрые планы, но они вдребезги разбились, когда к ним через мгновение подошел Алмар с Ланшаной и Найришем. Досада так проступала у него на морде, что Юласси чуть не засмеялась, но сдержалась.

Затеяли разговор, удобно примостившись в полукруг под баобабом, который уже видал многие виды. Юласси расспрашивали о Морлае, о жизни и ее прошлом. Она охотно, много и красочно обо всем рассказывала, мало что скрывая. Когда она упомянула об одном старом шамани, который мог быть в двух местах одновременно, Найриш перебил:

— Ну, это уже чересчур. Вранье.

— Почему же. Некоторые очень сильные шамани могут делать это. У них много силы, — возразила Юласси.

— Я никогда такого не видел. Нет у шамани никакой силы.

Тотальное местное недоверие к вещам, которые в Морлае казались вполне не то что обычными, но реальными, всё больше удивляло Юласси.

Шамани посмотрела на Ланшану, которая сидела рядом с Найришем, потом молвила, не отводя от нее взгляда:

— Говоришь, нету никакой силы?

— Я бы так не говорил. Кое-что они знают. Но некоторые вещи, что ты рассказываешь — действительно чересчур, — высказался Алмар.

Юласси посмотрела на Найриша, не в глаза, а на горло. Смотрела долго и пристально; для остальных это не значило ровно ничего, но он вдруг ощутил тошноту, неудобство, давление под горлом. Ощущение было очень неприятным. Найриш провел лапой по горлу, но ничего, кроме гривы, там не было. На мгновение он испытал нешуточный страх, но Юласси прекратила, и всё благополучно прошло.

Найриш еще раз провел лапой по горлу. Его поразила эта странная вещь; он не находил, что сказать.

— Ну, может и так... — молвила Юласси как ни в чем не бывало. Внезапно Алмар встал, глядя в сторону.

— Вот, они возвращаются.

— Кто? — спросила Юласси.

— Наши шамани.

Совсем недалеко из-за небольшой скалы появились три львицы и лев. Шамани посмотрела левее — там было две львицы, но они уходили. Она даже оберну-

лась, но там никого поблизости не было. Юласси не ощущала, что рядом другая шамани, как обычно.

— Да вот же они! — показал лапой Алмар, заметив ее растерянность. Он указал на эту четверку. «Странно, странно...». С такого расстояния можно распознать даже маленькую ученицу; для этого вовсе не нужны полоски на щеке, дело в ином: у шамани особый дух, движения, походка, глаза и даже повадки. «Они что, так тщательно скрываются?», — удивилась Юласси. — «Но это весьма трудно. Если вообще возможно...». Присутствие рядом другой, даже вполне заурядной шамани, можно ощутить даже с закрытыми глазами.

Алмар позвал их.

Ничего Юласси не ощущала, даже когда все они подошли вплотную.

— Эммм... — сначала, видимо, он хотел представить Юласси, но передумал. — Мы вас оставим... Пошли, — обратился он к своим друзьям.

Все поднялись и начали уходить. Алмар, уходя, смотрел только на Юласси, а она ответила еле заметной улыбкой вместе с движением хвоста со стороны в сторону — своеобразный знак внимания и заинтересованности.

Но флирт потом, а сейчас нужно перейти к более важным вещам. Перед Юласси предстали три львицы и один лев. Две — постарше, уже в годах; Юласси очень удивило то, что одна из них нарисовала себе полоски черной глины с обеих сторон, да так много, что это выглядело немного забавно — от щек до плеч. У второй же какой-то простой, глуповатый и незапоминающийся вид. Третья львица молодая, в самом расцвете — похожа на Юласси, только ростом повыше. Длинный хвост и очень светлая шерсть говорят, что у нее есть часть крови львов-северняков, или же Саргали — так они себя называют. Юласси иногда встречалась с ним; они живут в гористой местности, на восток от Морлая. Лев же не представлял никакого интереса; кроме того, Юласси была абсолютно уверена, что он — не шамани. Она слишком хорошо знала, что такое лев-шамани, а потому подумала, что Алмар ошибся и перепутал его с настоящим Малу.

Как бы там ни было, все они пылливо глядели на Юласси, ожидая ее слов. Она начала, привычно проводив лапой по левой щеке:

— Меня зовут Юласси, я пришла с Морлая. Мне рассказывали много хороших вещей о Союзе, также я, — она сделала нечто небольшого поклона в знак уважения, — слышала много достойного о шамани, которые живут в его прайдах.

Они смотрели внимательно, но в этих глазах юная шамани не находила никакого понимания. Поэтому находилось всё меньше слов:

— Я... просто желала вас увидеть... Возможно, среди вас есть видящие, и я смогу получить ответы на некоторые вопросы... Возможно, я даже смогу сновидеть вместе с вами...

— Мы не живем в прайде. Мы служим ему. И Союзу, — начала та, что была вся в черных полосках. — Но я не понимаю, о чем ты говоришь и чего тебе нужно.

— Сновидение? — спросил лев. Потом глупо хихикнул. — Причем здесь сны?

— Могу ли узнать имена? — сразу молвила Юласси.

— Меня зовут Эллази, — молвила та, что с полосками.

— Беата, — равнодушно молвила вторая львица. — Ладно, Эли, ты разберись, чего ей надо. А я спать пойду.

— Давай.

И она действительно ушла.

— Амарель, — без особых эмоций представилась юная львица, но и без враждебности.

— Ну а я буду Малу, очень рад знакомству! — отвесил неуклюжий и дурашливый поклон лев.

С безумным разочарованием Юласси спросила:

— Так ты и есть Малу?

— Он самый, — довольно молвил тот. — А что?

— Да так...

— Тебе обо мне рассказывали?

— Ну, в общем, да...

— А то. Потому как я совсем скоро смогу стать учителем. Ты пришла к нам, чтобы стать шамани, да?

— Нет, я и... — действительно растерялась Юласси, так как она явно дала знать, что она — шамани. Об этом догадался бы кто угодно.

Тем временем львица с полосками, видимо, самая главная, начала ходить кругами возле Юласси.

— Понимаю, понимаю, — недобро заулыбалась Эллази. — Чужая решила стать нашей ученицей? Ты таким образом хочешь попасть в наш прайд? Ну уж прости. Это вряд ли.

— Но почему же, наставница Эллази, может у нее и есть способности? — веско добавил Малу и разлегся.

— Что у нее точно есть, так это много наглости, с которой она пришла в прайд и обращается со всякими просьбами, — Эллази тоже легла на землю.

— Я ничего не просила, — спокойно ответила Юласси.

Амарель выбрала момент и тут же вставила:

— Пусть наставница извинит, я пойду.

— Хорошо, иди. Так говоришь, не просила, — сощурилась Эллази. Потом дернула хвостом и прижала уши, зашептав громким шепотом: — Ну а кто просил о том, чтобы я предсказала будущее? Да, я видящая, я могу видеть будущее. Но тебе я не скажу ничего, поскольку в тебе нет смирения и уважения.

«Какое, проклятье, будущее?», — Юласси аж вздохнула от ее глупости.

— А поспать с нами можно, — засмеялся Малу. — Будем смотреть сновидения, ха-ха.

— Замолчи, — махнула лапой Эллази. Тот сразу притих. — Так что советую тебе завтра утром пойти куда-то дальше. Стать шамани могут только избранные, ты для этого никуда не годишься...

Шамани нечего в себе защищать, потому Юласси спокойно слушала ее недалекие слова.

— ...поскольку общаться с духами, предками, лечить болезни могут только особенные львы и львицы. Думаешь, ты сможешь сразу понять, что кроме обычного мира существует невидимый? Думаешь, сможешь запомнить все семь видов духов?

— А что за духи? — безучастно спросила Юласси. На самом деле ей было всё равно, что говорить. Величайшее разочарование овладело ею.

— Тихо! Одно упоминание их в сумерках может навлечь на тебя беду! Вот пустая голова.

Юласси не знала, что сказать. Медленно опускалась спокойная ночь, уже всю трещали цикады.

— Не смей больше о них упоминать.

— Разве львица с ними не справится? — плохо скрытая ирония таилась в словах Юласси.

— Я-то смогу поговорить с ними... Но ты? Так, давай, уходи, не надоедай своими глупостями.

Юласси молча встала и ушла. Такого глубокого разочарования она давно не испытывала. Она ожидала интересных и сильных шамани, на которых пребывание в Союзе могло оставить свой, неожиданный след (именно так говорила ей Эльрара), а вместо этого получила кучку невнятных безумцев. «Ну, нет, скорее Малу просто дурак, Эллази больна манией величия, о Беате вообще сложно что-то сказать... Самой приятной оказалась Амарель: хоть ни одной глупости не сказала... Нет, они, наверное, могут быть целителями: научить делать рамзану или душить сок из хирайи можно кого угодно. Но они вообще не шамани». Хвост безвольно тащился по земле.

Юласси почувствовала усталость — за день было много увидено и пережито. Следует куда-то прилечь, где удобнее... Завтра дальше в путь — больше ей здесь делать нечего. Хотя, можно бы остаться на денек, ведь спешить совершенно некуда. «Неужели шамани Союза на самом деле только так называются?». Юласси впервые с таким сталкивалась — тот, кто называет себя шамани, таковым вообще не является. Это было настолько странно и непонятно, что оставалось только одно — взять и заснуть. Сновидеть не стоит, слишком много сил ушло на этот день...

Юласси прилегла далеко в сторонке от всех, просто под первым попавшимся деревом. Она привыкла спать где попало и как угодно, ведь на равнинах Морлая укрытий мало, приютом могут стать лишь деревья да густые кусты. Она хотела найти кусты погуще, но здесь вокруг их не было. Ну и ладно. Но было неуютно: слышались далекие разговоры, чуткий слух улавливал шорох близких и далеких шагов. Это раздражало, а потому она вскоре поднялась и убежала куда подальше.

Она поднялась на лапы еще до рассвета. Очень хотелось есть, а потому Юласси убежала на охоту. Оказалось, что она весьма ошибалась насчет чересчур уж легкой охоты. Пищи было много, но далеко от прайда. Вокруг него не было ничего, только пустые земли: ни гиен, ни бородавочников, ни даже кроликов. Видимо, добыча и гиены с шакалами старалась избегать земли прайда. Потому отрядам охотниц нужно проходить приличное расстояние, прежде чем выйти на охотничьи угодья, кои воистину огромны. Это не Морлай, где можно проснуться и тут же сходу броситься на зазевавшуюся старую корову.

Потратив много времени, она наконец поймала детеныша антилопы. Еще раз удивившись тому, как же долго нужно уходить назад в прайд, Юласси резвой следовала небольшой тропке, видимо, протоптанной охотницами. Так и было — навстречу следовал их отряд и четыре льва. Сдержанно пожелав доброй охоты, юная шамани разминулась с ними.

Следуя тропе, она вдруг узнала, что дренгир ее ищет. Сказали это старые львицы, которые решили погреться в лучах солнца на больших камнях у реки. Это ее Юласси видела в самом начале, когда познакомилась с Валраном. Выяснилось, что путь вел к этой реке, а не к прайду — он находился в другой стороне. Тут же Юласси узнала, что река называется просто Маар и есть притоком Большого Маара, ну а чистый ручей прайда Иллари — приток этого самого Маара. Юласси дали совет следовать ручейку, чтобы быстро попасть в прайд. Что она и сделала.

Но когда она подошла к двум каменным столбам, центру прайда, то не нашла Тамалу. Расспросы вывели ее на открытую саванну на юге, где одни львы образовали довольно большой круг — в его центре происходила борьба. Такое Юласси видела и раньше.

Но вот яскарл она видела впервые. Это было десять львов и три львицы. Они не делали ничего особенного — просто бежали трусцой, выстроившись в ряд, за львом. Во льве Юласси узнала Сагвара. Но ее поразило другое — очень ровный ряд

и то, что все они бежали почти лапа в лапу, в одном темпе. Такого она никогда не видела.

«И зачем им эта чепуха», — подумала Юласси. — «Хотя смотрится красиво».

Яскарл совершал частые повороты то вправо, то влево, которые смотрелись особенно эффектно. Тот, кто бежал на том фланге, куда будет поворот, останавливался полностью, на противоположном же фланге начинали описывать круг с прежней скоростью. Пару раз яскарл разворачивался в противоположную сторону. Для этого все просто останавливались и разворачивались на месте. Сразу никто не шел — ждали, пока глава яскарла, ярл, выйдет впереди них. Юласси заметила, что никаких указаний Сагвар не отдает. «Они, наверное, всё наперед продумали, как и когда поворачивать», — рассудила она.

Так получилось, что, маневрируя, яскарл начал бежать на Юласси. Она сначала не забеспокоилась, но потом увидела, что тот никуда не сворачивает. Странное чувство: на тебя бежит такая большая группа львов и львиц. Юласси отметила, что с каждым их шагом ей всё больше становится не по себе. Их морды были абсолютно бесстрастны и равнодушны, но каждый шаг был уверенным, в чем-то даже грозным. Фатальным.

Она поспешила быстренько отскочить в сторону. Но не тут то было. Видимо, Сагвар хотел напугать Юласси, потому как яскарл очень быстро снова начал набегать на нее. Маневрировали они быстро и слаженно, что вдребезги разбило предположение Юласси о том, что они договорились, как и когда поворачивать. Они, к тому же, сильно растянулись, а ведь прежде бежали бок о бок. Юласси еще раз отскочила с их пути, теперь уже порезвее и подальше.

Но они снова повернули прямо на нее и оказались уже совсем близко.

«Что за игры...», — подумала Юласси.

Вдруг раздался очень резкий окрик Саргаса, а потом совершенно безумный рык. Юласси слабо верила в то, что видела, но они явно бросились на нее! Их злость и ярость выглядела настолько реальной, что у нее не осталось сомнений на сей счет. Она попятилась, но всего лишь на пару шагов. Зубы оскалились сами собой, когти ощутили землю. Юласси подалась назад, прижав уши, словно хотела прыгнуть на добычу с высоких кустов. Отступить она не собиралась, хоть это и глупость.

Но в смелости всегда есть примесь глупости.

Совсем не сбавляя темпа, они неслись на нее. Осталось четыре прыжка, три... Юласси зарычала.

С непривычки она закрыла глаза в последний момент, но решимости не потеряла. Она ощутила, как мимо нее пронеслись, а потом легкий удар. Открыв глаза, Юласси увидела прямо перед собой Алмара. Он всё-таки остановился, по инерции слегка столкнувшись с ней. Так получилось, что именно он стал тем, кому суждено было бежать прямо на нее. Юласси заметила его только сейчас.

Убрав когти и оскал, она серьезно спросила, всё еще прижимая уши:

— Вы меня убить собрались?

— Нет, Юласси, это просто...

— Алмар, ты почему остановился? — раздался недовольный голос Сагвара. Юласси обернулась. Все уже прекратили бег и сидели.

— Тут была она. Юласси, — Алмар показывал на нее.

— Это ее проблемы, что она оказалась на пути у яскарла! Чего она тут бродит?!

— Сагвар, ты же направлял нас на нее, — молвила большая, мрачного вида львица из яскарла.

— Нет, она сама оказалась у нас на пути! И не хватило ей расторопности, чтобы быстро уйти!

— Сагвар, — молвил лев, уже отнюдь не молодой. — Прекрати. Так и было. Зачем пугать бедную гостью?

Тот ничего не ответил. Видимо, для него слово равных по возрасту имело вес.

— Так почему же вы сами не остановились, если не хотели меня пугать? — смело и громко бросила яскарлу Юласси.

— Не можем, — ответил кто-то из львов.

— Нельзя, — подтвердила мрачная львица.

— Нельзя, Юласси. Когда бежишь с яскарлом, то не думаешь вообще, — тихо сказал Алмар, сев рядом с ней. — Видишь только ярла и слышишь только его... Ты не думай, что мы хотели на тебя броситься. Это просто как привычка — выполнять приказ. Над ним никто не думает. И...

— Но ты-то остановился.

Он посмотрел в сторону.

— Я не мог иначе. Это означало бы очень сильно ударить тебя.

— Так ударил бы! Подумаешь, какая мелочь, — с обидой в голосе молвила Юласси. Впрочем, на самом деле она ничуть не обижалась, хотя от всего этого стало неловко и чуть неприятно.

— Юласси, прости, — искренне сказал Алмар. — Сагвар дурак.

— Я ему уже говорила.

Они немного помолчали.

— А ты почему не отскочила?

— Да я отскакивала. Уклонялась. Но вы таки решили меня достать. Тогда уж берите Юласси, если сможете.

Он с большим интересом посмотрел на нее.

— Алмар, иди сюда!

— Сейчас, — неохотно ответил тот.

Юласси зашептала ему на ухо:

— Так перепрыгнул бы через меня, и всего. И этот ваш дурацкий Сагвар ничего бы не заметил.

— Нет, Юласси, не перепрыгнул бы, — покачал головой тот.

— Почему?

— С детства учат не перепрыгивать, а бить головой, низко нагнувшись, чтоб сбить с лап. Или же навалиться в прыжке лапами. Перепрыгнуть нельзя, опасно в бою. Так сразу убьют, — серьезно ответил тот.

— Но это был не бой.

— Всё равно. Это как привычка. Лучше остановиться, честное слово.

— Какие вы странные, — чуть прижала уши Юласси.

— Я тебе скажу, что ты тоже очень... загадочная.

— Так значит, тебе стало меня жалко? — она сначала смотрела вниз, но потом, в точный момент, подняла взгляд.

— Конечно. Ты же хорошая.

— Как знать... — теперь она смотрит в сторону.

— А я знаю. Когда смотрю в твои глаза, то мне кажется...

— Алмар! — требовательно прорычал Сагвар.

— ...что начинаю потихоньку сходиться с ума, — искренне сказал тот, не обращая никакого внимания. Он решил не тратить время попусту, которого было слишком мало: — Ты очень милая львица.

— Алмар, ты...

— Не уходи сегодня. Останься хотя бы еще на день. Дай мне хоть запомнить тебя, — он положил лапу ей на плечо.

— Я...

— Алмар!! — ярл уже шел к ним.

Алмар улыбнулся Юласси и пошел навстречу злому ярлу. Юласси наблюдала, как они все встали и просто ушли в сторону прайда, обычной толпой, а не в стройном ряду. «Ну, можно и остаться на денек...». Оглянувшись по сторонам, она, наконец, заметила Тамалу вместе с Аралсой. Они были неподалеку, возле места борьбы.

— Добрый день, Юласси! — первой молвила Аралса, когда к ним подбежала шамани.

— Добрый для Тамалу и Аралсы!

— Прости нашего Сагвара за несдержанность. Я всё видел; правда, был слишком далеко. В оправдание разве скажу, что крайне нервным он стал после смерти своей любимой львицы, — сказал дренгир.

— Ерунда, мне не причинили вреда.

— А ты смелая, — заметила Аралса, глядя ей в глаза. — Не отступила.

— Я пыталась уйти с их пути... Но они не давали. Шамани должна быть очень смелой. Ну, а это — чепуха.

— Зачем шамани такая смелость? — удивленно спросила Аралса.

— Следуя нашей тропе, мы можем сталкиваться с такими вещами, что несущаяся на тебя группа львов покажется детской игрой.

— Эта группа называется «яскарл», — поучительно заметил дренгир.

Юласси призадумалась.

— Теперь я поняла, кто такой Сагвар, — наконец, заметила она.

— Что ты имеешь в виду?

— Вчера, как я только пришла, лев сказал, что Сагвар — ярл. Теперь я поняла, кто это.

Тамалу засмеялся.

— Ладно, перейдем к делу. Я искал тебя.

— Что же угодно Тамалу?

— Насколько я знаю, ты вчера встретила с нашими шамани, — издали начал Тамалу.

Юласси вспомнила о просьбе дренгира. Только как ему всё правильно объяснить?.. Подумав немного, она решила рассказать, как есть.

— Нет, нет, пусть лев меня извинит. На самом деле они никакие не шамани. В прайде Иллари их нету. Они лишь только так называют себя... — твердо молвила Юласси, ожидая реакции Тамалу и Аралсы.

А она оказалась ну очень неожиданной.

— Значит, ты хочешь сказать, что мои шамани — не совсем шамани, правильно? — дренгир совсем не выглядел раздосадованным, скорее, наоборот. Юласси ощущала его радость. «Странно, очень странно», — подумала она. — «Какие здесь все странные».

— Да, именно это я хочу сказать.

— Превосходно, — он переглянулся с Аралсой. Они явно понимали, почему это так превосходно. Аралса обратилась к ней необычно торжественным тоном:

— Юласси, я оставлю вас наедине, у меня еще дела. Мой Тамалу поговорит с тобой, — потом улыбнулась и быстро ушла в прайд. Юласси провожала ее взгля-

дом, закусив лапу в раздумьях. Детская привычка не ушла и в таком возрасте. От мысли отвлек дренгир, тронув лапой за плечо.

— Юласси, пойдём со мной. Снова надо поговорить.

Они медленно шли куда глаза глядят, в бесконечную даль саванны.

— Расскажу тебе всё, как есть. Слушай внимательно. Около луны назад я был в нашем главном прайде, Хартланде. Это большой прайд, где живет конунг. Правитель Союза, — сказал он, тщательно подбирая слова. — Его зовут Кигали. Так вот, мы сидели с ним, болтали о пустяках. Вдруг он мне, совершенно внезапно, молвил: «Я поведаю кое-что важное».

Дренгир сделал заминку, чтобы была ясна важность и тяжесть этих слов. Юласси кивнула.

— Он сказал, что шамани в моем прайде — ненастоящие. Понимаешь?

— Нет, — искренне призналась Юласси.

— Вот и я ничего не понял. До этого вообще меня мало интересовали шамани и всё, что с ними связано. Я думал, это просто целители для прайдов. Я сказал: «Мой конунг, о чем ты?». Он сказал, что ему вряд ли удастся объяснить это. Сказал: «Пошли, тебе объяснит Анлиль, шамани веларийцев». Велари — наш прайд на юго-востоке от Хартланда. Мы находимся на север от веларийцев, — увлекшись темой, он начал грубо рисовать когтем на ближайшем термитнике. Но он был твердым, потому Тамалу начертил три кружочка на голой земле около него. Тыкая в податливую землю, он показывал: — Вот мы, вот Хартланд, вот Велари...

— Прости Тамалу, это сейчас не самое важное.

— Да, ты права... Я спросил: «Что Анлиль делает в Хартланде?». Зная, что это очень старая львица, которая уже и не помнит, сколько ей лет, очень удивился. В общем, мы пришли к Страшной скале. Там есть такая скала. Вот такое название...

— Надо же. Что ж там такого?

— Ничего. На самом деле — очень красивое место. Вот, мы встали у подножия; Кигали вдруг как закричит: «Анлиль! Анлиль!». Он кричал может пять, может шесть раз. Я пошутил, что она глухая от старости, нас не услышит. Конунг очень грубо меня оборвал на этих словах. Сказал, что я не знаю, с чем играю. Так вот, вдруг из-за дерева вышла Анлиль. Я ее не узнал — это была походка и повадки совсем молодой, сильной львицы. Она со смехом спросила, для чего Кигали звал ее. Он ответил: «Вот, объясни Тамалу. Я не смогу, он мне не поверит». Она обратилась ко мне: «Ты дренгир, ты должен это знать, поскольку грядет время перемен. В прайдах Союза шамани почти не осталось. Настоящие шамани есть только в Юнити, Хлаалу, Велари и Регноран. В Юнити их пятеро, в Хлаалу — две, Регноран — три, Велари — только я. Всё. В остальных — ненастоящие. Почему? Скажу только одно — их наставники решили в свое время не обучать их знанию, а только учили делать лекарства». Я спросил, что это за знание. Вдруг...

Тамалу вздохнул, растерянно почесав гриву. Юласси захватил рассказ.

— ...у нее глаза стали сверкать, ну вот прямо как огонь, честное слово! Видела когда-то огонь?

Юласси кивнула.

— Вот, такие глаза, честно, не вру! Анлиль сказала странным голосом, что некогда шамани помогали дренгирам и конунгам, их было много, они были сильны. Но теперь время упадка. Она сказала, что вскоре всё изменится, но она не доживет до этого. Анлиль сказала: «Храни то, что я сказала, в тайне, а особенно от тех, кто называет себя «шамани». Помни об этом и наостри уши. Возможно, судьба даст тебе знак, и ты ощутишь начало перемен». Я тогда не понимал, о чем она. Потом... словно у меня провал в памяти. Словно я с ней разговаривал, а потом вдруг взял, да

и проснулся. А ее уже нет. Я спросил у Кигали, где она. Он сказал: «Анлиль, наверное, ушла». Потом мы, как ни в чем не бывало, вернулись в прайд. Кигали еще сказал: «Мне очень нужна шамани в прайде. Она будет мне помогать. Мои ведь тоже ничего не умеют, как и твои». Я ушел домой, очень долго думал надо всем этим и понял, что остается только ждать. Что я могу изменить? Ничего...

Ни капли лжи или хитрости не было в словах Тамалу. Юласси знала это.

— Безумно интересно. Это была очень сильная шамани. Огонь изнутри — это очень, очень сильно...

— Огонь изнутри?

— Да. Ну, как лев сказал: «Будто глаза горят». Это оно и есть.

Тамалу согласно закивал.

— Верно, Анлиль очень сильная.

— Значит, всё же недаром я пришла... Навестить бы эту Анлиль... Как и говорила Арана... — задумалась Юласси. Потом встрепенулась: — Так, в прайде Юнити настоящие шамани?

— Да. Анлиль говорила, что да.

— Всё верно. Это они излечили Арану. Всё сходится, — обрадовалась юная шамани.

Тамалу не понимал, о чем она, но расспрашивать не хотел.

— Ну... Так вот... — замылся дренгир. — Я думаю, что это как раз и есть знак...

Юласси наострила уши.

— Пусть лев извинит, не пойму.

— Твой приход в наш прайд. Слушай, Юласси, — решил он, еще не зная, как она отреагирует. — Я предлагаю тебе остаться у нас. Ты можешь быть львицей прайда Иллари, львицей Союза. Конечно, если ты только этого захочешь...

Наверное, все молодые львицы, которые одиноко странствуют по миру, желают попасть в какой-нибудь хороший прайд. Так думал Тамалу. Предложение заманчивое. Но как знать... Особенно, если это шамани.

— Это... очень неожиданно. Я должна подумать, — растерянно сказала Юласси. Она совсем не ожидала такого поворота событий.

— Я не скрою. Мне нужна шамани в прайде. Мне нужна такая как ты, Юласси.

Это не так просто, как кажется. Юласси не вполне представляла, как жить в таком большом прайде.

— Но разве остальные не будут против? Как же я смогу правильно войти в прайд, да смогу ли...

Тамалу небрежно молвил:

— Предоставь это мне. Против не будет никто. Ты очень быстро войдешь в нашу жизнь.

Юласси чуть недоверчиво посмотрела, снизу вверх.

— Тамалу так думает?

— Уверен, — сказал, как откусил, для убедительности стукнув лапой по дереву.

— А что же ваши, если можно так сказать, прежние «шамани»? Как с ними?

— Не знаю. Что-нибудь придумается. Я поговорю с ними, — видимо, дренгир не считал это проблемой.

— Пусть только лев не вздумает говорить им правду! — обеспокоенно сказала Юласси, дотронувшись до гривы Тамалу. Она знала, что делать это ни в коем случае нельзя.

— Естественно. Я ничего им не скажу.

— Это как случайная добыча. Очень неожиданно. Я должна всё... обдумать, — она чуть прижала уши.

— Подумай. До этого можешь оставаться в прайде сколько хочешь. Правда, гостевое право — лишь три дня. Но я что-нибудь придумаю, не переживай.

— Хорошо. Кстати... а Аралса разве всё знает?

— Да. Мы с нею — одно целое. Я верю ей больше, чем своей глупой голове.

— Это очень хорошо, дренгир Тамалу. Это очень хорошо... Я всё обдумую.

Дренгир улыбнулся и ушел.

И как теперь? Право, всё это — неожиданно и резко. Юласси знала, что Тамалу говорит правду. Какая интересная история... Хочет ли Юласси принять предложение дренгира, которое изменит всю ее жизнь? Сложно сказать. Юная шамани понимала, что это влечет за собой большую ответственность: никогда она уже не будет прежней, если согласится жить в этом прайде; наверняка нужно будет служить Тамалу и прайду, и делать это нужно не по принуждению, а по доброй воле, иначе утрачивается весь смысл. В жизни нужно делать то, что нравится, а иначе года будут в тягость. Пойти в прайд Союза — серьезно. Это принять на себя многие обязательства, а шамани должны держать слово и исполнять взятые обязанности, следовать данным клятвам, помнить свой долг. Ведь иначе быть не может...

Но ей хотелось изменить свою жизнь. Юласси искала это в путешествии. Эта мысль всегда на мгновение пролетала пред взором сознания. Изменить жизнь... Вот сама судьба дарит это изменение. Самые важные вещи происходят спонтанно... Принимать ли его?

Юласси всегда немного завидовала тем, кто жил в больших прайдах. Это интересно, в этом много жизни; всегда есть кому помочь и с кем поговорить... А тем более Союз! Юласси знала, что у нее будет особый статус, если она согласится. Ей рассказывали об этом еще в Морлае. У нее будет много времени для знания, много возможностей. Много всего.

Кроме всего прочего... Проклятье, она не очень-то и хотела себе признаваться, хотя шамани и должна быть с собою абсолютно честной, но здесь львы... Это не свободные львы, это львы прайда. Они знают, что такое надежность. Конечно, не каждый может быть с шамани, далеко не каждый. Но, вот даже взять Алмара... Он ничего, очень даже ничего... «Так, хватит об этом думать!.. Я ему очень нравлюсь... Не о том думаешь!.. А грива у него какая, темная, длинная, так бы и утонуть в ней... Всё!».

Юласси пошла в одиночку побродить по саванне, и высокая трава скрывала ее. Несколько раз она вылезала на старые поваленные деревья, чтобы осмотреться и не потеряться в мире. Вот, очень далеко, идет небольшая группа. Наверное, охотницы. Она провела их взглядом, потом пошла дальше.

Ее восхитила эта незнакомая Анлиль. Из слов Тамалу получалось, что она действительно представляет собой нечто из ряда вон выходящее. Услышать зов обычного льва и придти на него в теле сновидения, как его называли шамани, «другом теле», которое, опять таки, сможет увидеть обычный лев — даже страшно представить, сколько в этом силы... Нужно будет непременно посетить ее. Хотя... «Постой. Ее можно попробовать вызвать... Имя у меня есть, а это самое главное. Вдруг она сможет и захочет придти на зов», — поразили собственные же мысли. — «Как-нибудь попробую».

Погуляв немного, она соскучилась по компании и разговору, а потому пошла назад. Хотелось вместе с кем-то поохотиться, с кем-то поболтать или сделать нечто приятное, потихоньку вливаясь в жизнь нового прайда. Юласси знала, что ее ответ

на предложение Тамалу скорее «да», чем «нет». Стало даже чуть стыдно: как быстро она перестала желать свободного странствия. «Видимо, такова моя природа», — думала Юласси, разглядывая вечность неба. — «Да и к чему свобода, если не знаю, что с ней делать?».

Это было время отдыха, ни о какой охоте и речи не могло быть (сухой сезон, полдень!) — все попрятались в тени. Надо же такому случиться — под баобаб, где притаилась Юласси, в одиночку пришел тот самый злобный Сагвар. Юласси в это время созерцала горизонт, прекратив внутренний диалог — очень полезное упражнение; его приход оживил внимание, потому продолжать было невозможно. Шамани заметила краем глаза, какая печаль проступает на нем; он не был глупым или жестоким, скорее, нервным и надломленным от тяжести жизни. Трудно сказать, почему он ее не замечал, ведь Юласси не пряталась.

Он почему-то постоянно держался за левую сторону челюсти, потом вдруг застонал и уткнулся лбом о выступающий корень.

— Что случилось со львом? — спросила Юласси, приблизившись к нему.

— А... Это ты. Чего тебе? — вздрогнул от неожиданности.

— Со Сагваром что-то не так?

— Давно уже. Иди, милая, не тревожь меня.

— Болит?

Он молчит.

— Челюсть болит? — скорее утвердительно, чем с вопросом, молвила Юласси. Тот ничего не отвечал.

— Зуб.

— Зуб, — эхом ответил Сагвар.

— И давно уже? — Юласси положила лапу на гриву.

— Давно. Дня три-четыре.

— Почему лев не ходил к шамани? — настойчивая Юласси не давала льву покоя

— Терпеть их не могу, — прорычал он.

Она повела ушами. «Его можно понять».

— Что, всех?

— Беату и Эллази точно. Раздражают до безумия. Пусть идут к гиенам.

— Но остаются Малу и Амарель.

— Издеваешься? — он, наконец, взглянул на нее.

— Ничуть. Почему лев так думает?

— Малу это посмешище прайда, его нужно было удавить при рождении. А идти к молодой львице и жаловаться на боль — позор какой.

Юласси вздохнула и подошла к нему с другой стороны.

— Глупость какая, вот что я скажу. Пусть лев даст мне посмотреть.

— Не дам, — заупрямился, точно как львенок, Сагвар.

— Лучше не будет, если это не лечить, — разумно заметила шамани, пытаясь осторожно дотронуться к его подбородку.

— Не надо.

— Ну что ж ты, в самом деле... Если мучаешь свою душу, так хоть не терзай тело, — погладила Юласси его по гриве.

Видимо, эти слова имели вес для Сагвара, потому как он безропотно уступил и открыл пасть.

— Шире... Еще. Вот, — она бережно держала его за шею.

Он вдруг закрыл пасть.

— Слушай, ты разве знаешь, как зубы лечатся?

— Открой, — властно и нетерпеливо сказала шамани.

Он не понял, когда именно они перешли на дружеское «ты», но решил не обращать на это внимание. Почему бы и нет? Хоть кто-то проявил сострадание, и это — чужая, как ни странно.

— Он там шатается немного, вверху, вон там, — всё болтал Сагвар, но пасти не открывал.

Юласси топнула лапой.

— Только скажешь, что там такое, — предупредил он.

Она внимательно всё осмотрела.

— Сделай оскал. Будто рычишь. Всё... Пошли к воде. К водопою.

— Что там?

— Пустяки, одни пустяки. Мне нужен батат... У ваших шамани он должен быть, ну или же они знают, где его искать.

— А зачем он тебе? Что это?

— Он для того, чтобы не было так больно. Пойдем.

«Вроде видела батат где-то, но не помню где...». У нее такая привычка: отмечать, где растёт кигелия, где строфант, где сладкий тростник и всё-всё. Этому учила Эльрара и этим просто до смерти замучивала Авиша. Плохо было дело, если Юласси не могла ответить, встречалась ли трама по дороге или же нет...

— Кто ж тебе сказал, что я мучаю свою душу? — спросил он Юласси так, будто немедленно хотел узнать о чьем-то предательстве.

— Никто. Я вижу. Ты заперся в тесноте своей печали, она прямо вливается в меня. Я сразу ощущаю ее.

Ее слова совершенно поразили; в них было тепло и понимание.

— Это как так? — тихо спросил Сагвар.

— У шамани такая судьба.

Он не стал задавать излишние вопросы, усмехнулся и начал идти бодрее, но только внешне.

— А что ж поделаться? Жизнь такова. Другой не дадут.

— Да уж, от себя не убежишь, — согласно кивнула Юласси, соглашаясь с чистой простотой его слов.

— Юласси, как мне жить? — неожиданно спросил он, тайно ища поддержки и совета.

— Люби своего сына, ему этого не хватает. Когда ты умрешь, то он будет. Найди родную себе львицу.

— Роднее ее никого... Никого! — он неистово выделил «ее» среди своих слов.

— Ты измучишься в одиночестве. Такова твоя натура. Впрочем, закончим с твоим зубом и я скажу тебе кое-что.

Сагвар смолчал, ничего не ответил. Шли они быстро, решительно; лежащие в тени провожали их взглядом. Их всё больше интересовала эта Юласси: кто же она, что тут делает, что ей надо? По прайду уже ползли слухи о том, как до странности много она общается с дренгиром, а еще Аралса и Амалса отзывались о ней лишь в положительном тоне, ну а Эллази очень недовольна ее приходом, но еще все уже слышали, что она — шамани... И так далее, и тому подобное.

— Вот Амарель сидит, если что, — безучастно кивнул в сторону Сагвар.

Юласси спохватилась, начала искать ее взглядом, потом быстро нашла — та нашла себе приют под старым поваленным деревом, и не только она. Около нее было несколько львиц, лвята, и Алмар, весь в пыли и какой-то грязи. Амарель то и

дело проводила лапой по его гриве и шерсти, стараясь очистить и позаботиться, но тот смеялся и не давал ничего сделать.

Юласси подошла к ним, что сразу оторвало от неспешных разговоров и лишило Алмара покоя.

— Привет, Юласси! — первым начал он. Потом громким шепотом спросил, чтобы не слышал Сагвар: — Чего это ты с ним? Что такое? — недобро спросил он, подозревая неладное. — Он кричит на тебя?

— Я всё слышу, — спокойно сказал Сагвар издали. Но Алмар не обратил внимания, смотрел лишь на Юласси, желая ее защитить.

— Нет, Алмар-хороший, нет. Амарель, я к тебе. Нужна твоя помощь.

— Вот как, — молвила та, подняв бровь и не вставая. — Что тебе нужно?

— Мне нужен батат. Подскажи, где его найти, а лучше проведи.

Та повела ушами, дернула хвостом, посмотрела на львицу справа (Юласси заметила их сходство и догадалась, что это ее мать), потом на Алмара, и встала.

— Хорошо. Пошли.

И они действительно сразу пошли, на восток, сквозь заросли.

— Куда это мы? — недовольно спросил Сагвар, раздраженный необходимостью тащить бременное тело сквозь кусты и колючки.

Юласси ответила:

— За бататом. Пусть лев верит — будет не так больно.

— А что болит? — спросила Амарель.

— Зуб, — ответила Юласси.

— Ой, почему же Сагвар ничего не говорил? — удивилась Амарель, наострив уши.

— Времени всё не хватало, — соврал тот.

— Это не дело, зубы — серьезная штука.

— Согласна, — вздохнула Юласси.

Сагвар только посмотрел в сторону, мол, присели на уши.

— Так ты шамани? Я уже об этом слышала, — вовсе без враждебности молвила Амарель.

— Да.

— И о чем же Юласси говорила с моими наставницами?

— Они сказали, чтобы я убиралась из прайда.

— Серьезно? Почему? — удивилась Амарель.

Ее непосредственный тон вверг Юласси в глубокое затруднение: она не знала, что именно следует говорить.

— Не знаю.

— Я слышала о тебе только хорошее. Нечасто у нас такие интересные гости. Видимо, Эллази и Беата как-то неправильно тебя поняли. Так что именно ты от них хотела?

— Просто поговорить. Я брожу по Большому миру, и мне интересно всё, в том числе и другие шамани. Я, наверное, оказалась недостаточно учтивой, — Юласси знала: следовало прекратить эту тему как можно скорее.

Амарель удивленно повела ушами, мило нахмурившись.

— Возможно. Хм. Мне нужно их расспросить, что ж такое.

Спустя мгновение она добавила:

— Видимо, они ошиблись, приняв тебя за обычную свободную.

— Я и есть обычная свободная, — решила установить правду Юласси.

Сагвар молча шел, будто скучая, но по его ушам было заметно, что ему крайне интересен этот разговор.

— Ой, не надо этих шуток. Как же свободная львица может быть шамани? Видимо, ты из какого-то дружественного Союзу прайда. Меня не обманешь. Я же знаю, как дренгир к тебе относится.

Юласси решила промолчать и только улыбнуться, что было лучшим выходом из ситуации.

— И ты пришла сюда с каким-то поручением. Ладно, не беспокойся, — Амарель заметила пытливый взгляд Юласси, — я ничего никому не скажу. Просто это так очевидно, что дальше некуда.

— Ты ошибаешься. Но ладно, неважно.

Амарель с легкостью перескочила на другое:

— Хорошо, что Малу как раз ушел перед твоим приходом. А то поплелся бы с нами.

— Не поплелся, — презрительно плюнул Сагвар.

— А что с ним не так? — осторожно спросила Юласси, из любопытства.

— Он чистейшей воды лодырь и дурак, но Беата для него готова на всё, — равнодушно сказала Амарель, глядя по сторонам. — Он ее племянш. Эллази тоже с ним возится, но хотя бы понимает, что он — бестолочь. Но они всё равно хотят сделать его главным после себя. Почему-то.

— Жуть какая, — не сдержалась Юласси.

— То-то и оно, — добавил Сагвар.

— Нет, ты ничего такого не подумай, — смешливо хмыкнула Амарель. — У меня нет к нему зависти. Я вообще не хочу быть наставницей, мне всё равно. Просто говорю, как есть.

— Я верю твоим словам, — сказала шамани, не ощущая лжи.

Дальше они молча шли сквозь заросли. Юласси смотрела по сторонам и под лапы: вдруг покажутся темные треугольные листья на короткой ножке. Амарель решительно шла вперед с уверенностью, внушающей доверие.

— Это к топям? — спросил Сагвар?

— Да, — кратко ответила Амарель.

Потом пришлось перепрыгивать с кочки на кочку. Они вышли на пустынное, голое место. Среди зарослей акации и чашлы было топкое, вязкое болото и дышащая сыростью земля. Уму непостижимо, как такое может быть в этих, весьма сухих местах. «Это ж не лес! Как так?», — вопрошала себя Юласси. Но ничего не оставалось, кроме как верить глазам.

— Батат любит влагу. И... а вот и он.

Прыгнув на твердую кочку, Амарель сама тут же сорвала низкое растение зубами, потом преподнесла его Юласси. Шамани заметила мелкие бурые пятна на листьях и стебле; это обеспокоило, потому как она не знала, что они значат.

— На нем пятна, — робко заметил она.

Амарель закивала в знак одобрения. Она протянула стебелек Юласси, она тоже взяла его в зубы.

— Это даже лучше. С пятнами крепче берут. Такие намного сильнее.

«Надо же, она определенно кое-что знает. Видимо, целители из них действительно неплохие, что не говори».

— Сагвар, лев должен это прожевать, ни в коем случае не проглатывать, — молвила Амарель.

— А это ядовито? — с недоверием смотрел на маленькое растение лев.

Амарель закачала головой.

— Нет, нет. Глотать его можно, иногда даже нужно, но сейчас нет необходимости. Во рту может немного щипнуть, может быть неприятно и холодно. Так и должно быть.

— Хорошо. Давайте сюда.

Теперь Юласси передала Сагвару; тот тут же начал жевать.

— Ну куда! Я ж не видела, что там случилось с зубом, — ахнула Амарель. Но уже поздно.

— Ничего, я посмотрела. Нужно идти к воде, — многозначительно посмотрела на нее Юласси, кивнув, чтобы тот не видел.

Они долго брели к водопою. Несколько раз Сагвар спрашивал, хватит ли с него этой жвачки, жаловался, но они запрещали и слушать ничего не хотели. Потому он шел и терпеливо жевал, скривившись. Когда, наконец, подошли к воде, то шамани разрешили больше не жевать, с чем он с удовольствием согласился.

— Тьфу, гадость какая. Жуешь эту ерунду, как зебра. Позор какой. Только никому не рассказывайте.

Амарель слегка изменилась в облике. Юласси видела, как она пытается не засмеяться, от этого и самой стало весело и забавно.

Но нужно делать дело; Юласси тщательно мыла лапы, стараясь, чтобы когти были как можно чище. Понятливая Амарель помогала в этом, и даже сама, без спроса, начала ей вылизывать лапу — опыта и своеобразного таланта к целительству этой львице не занимать.

— Что это вы делаете? — с подозрением спросил Сагвар. — Разве не всё?

— Нет. Ведь еще нужно посмотреть, что там к чему.

— А зачем лапы вылизывать?

— Как зачем? Не должны же они грязными быть, — невозмутимо сказала Юласси.

Видимо, такое объяснение устроило Сагвара, он успокоился и начал ждать своей участи, сидя у края воды.

Когда Юласси удовлетворилась чистотой лап и когтей, то попросила льва открыть пасть, что тот послушно сделал. Правую она держала на весу, левую же поставила назад, в ил воды. Негоже было мутить воду, но другого выхода не было, приходилось топтаться прямо в чистом водоеме.

Амарель тоже осмотрела зубы Сагвара. Верхний боковой зуб был явно нездоров, держался очень слабо и десна вокруг него сильно воспалились. Было непонятно, толи это от удара, толи само по себе, потому Амарель задумчиво спросила:

— А льва не били с этой стороны?

— Это же слева. Получаешь удар правой. Как же не били. Самое то.

— Ну вот, — в упрек воскликнула Амарель.

— Что поделать, борьба такова, не без этого. Мы и так когти не выпускаем, а то ходили бы все разукрашенные.

Львицы вздохнули.

— Зуб шатается, так? — для подтверждения спросила Юласси, зная, каков будет ответ.

— Есть немного.

— Пусть лев не боится, я только потрогаю.

Юласси когтем слегка тронула зуб. Тот поддавался весьма легко. Сагвар заурчал от злобы на боль.

— Болит после трамы?

— Чуть меньше. Но болит!

— Хорошо. Еще раз пусть лев покажет зуб... Чуть шире...

Безо всяких предупреждений и предисловий Юласси, поставив левую лапу на его плечо, скрытое гривой, с силой просунула коготь в промежуток между здоровым и больным зубом, что заставило последний сместиться вовнутрь. Больные зубы с плохими корнями именно так и вырывались — вовнутрь, ни в коем случае не во внешнюю сторону, ведь тогда зуб просто сломается, что весьма и весьма неприятно. Сагвар дернулся от неожиданности; но Юласси, не теряя времени, сильно толкнула зуб лапой уже без когтей, что выбило его из места. Иного выхода не было: больное должно быть удалено, потому как могут заразиться остальные зубы.

Юласси тут же одернула лапу, весьма вовремя. Сагвар попросту отскочил в сторону, как ужаленный, ругаясь.

— Что ты сделала? Ты чего? — наконец спросил он, потирая щеку.

— Тише, тихо, — подбежала к нему Амарель, успокаивая.

Всё кончилось. Вскоре Сагвар, понервничав, сел. Осмотрев проделанную работу и подождав, пока остановится кровь, обе шамани заставили его снова побежать за трамой. Трама хорошо снимала боль и воспаление.

— Проклятье, нужно было и вторую взять, а я забыла, — сокрушалась Юласси.

Когда лев ушел, Амарель сказала:

— Что ж. Излечили нашего ярла.

— Да. Слушай, можно тебя кое что попросить? — обратилась к ней Юласси.

— Конечно.

— Расскажи, что с ним приключилось.

— Сагваром?

— Да. Я слышала, что не стало его львицы.

Амарель трудно вздохнула, смотрела в сторону и словно не решалась отвечать.

— До этого он был жизнерадостным и простым. Он сам из прайда Регноран. Когда-то давно пришел сюда по какому-то делу, увидел Майлэру, и остался тут. Я была еще небольшой, когда родился Алаас, его сын. Как раз вокруг земель прайда начали шастать гиены и шакалы, очень большими стаями, неизвестно почему. Никто не мог припомнить такого нашествия. Добычи стало намного меньше; львицы, идущие на охоту, душили их, если могли поймать. Львы тоже день и ночь этим занимались. Видимо, те решили отомстить: сначала убили мать Ланшаны, поймав ее в одиночестве, потом и Майлара стала их жертвой, где-то через неделю. С этого времени характер его испортился... Добавить больше нечего, — махнула лапой Амарель, закончив рассказ.

— Очень печально, — прижала уши Юласси в знак скорби. Выждав, спросила: — А что с гиенами? Не донимают больше?

— Что было с гиенами потом, пусть тебе расскажет любой взрослый лев, — молвила Амарель; Юласси поняла, что она не хочет об этом говорить.

— Спасибо тебе за помощь.

— Да пожалуйста... Вот уж Сагвар. Не мог раньше сказать, может, и зуб бы сохранили.

— Ты хорошая шамани, — серьезно сказала Юласси.

— Ты тоже. Знаешь, странный у тебя взгляд. Точнее... Такое впечатление, будто... я видела тебя когда-то, — видимо, силы Юласси жили своей жизнью, и теперь начинали потихоньку пленить Амарель.

— Возможно, — улыбнулась Юласси.

И Амарель ушла, Юласси же осталась в одиночестве. «Нужно дождаться Сагвара», — подумала она, перепрыгнув ручеек. Жара потихоньку начинала спа-

дать, но всё равно шерсть на солнце неприятно распекалась, потому следовало найти уютную тень. Стоял дневной зной, земля уж давно просила дождя; воздух был полон запахов, и Юласси, сидя в тени причудливо кривой дроматии, с интересом изучала их. Но это занятие быстро утомило, потому она сконцентрировалась на точке над головой — упражнение, которое знают все шамани. Юласси оно очень нравилось: в нем было спокойствие и сила, так она даже несколько раз вылетала из тела, что очень забавляло.

В таком состоянии чуткость очень высока, и она скорее ощутила, нежели услышала, что кто-то пришел. Так и было: среди акаций осторожно крался Сагвар.

— Ах, вон ты где, — увидел ее издали и тут же, сделав несколько больших прыжков, оказался рядом. — Спасибо.

— Всегда пожалуйста. Пусть лев больше так не шутит со здоровьем. Больно?

— Немного.

Юласси выпустила когти и поточила их о дерево.

— Пусть Сагвар обращается к Амарель. Она хорошая шамани.

— Давай на «ты».

— Хорошо.

Он прилег, отряхнулся, расправив гриву, и положил одну лапу на другую — таким образом воцарился над окружающим.

— Ты хотела мне что-то сказать, — Сагвар не забыл их разговор, совсем нет. Ему хотелось поговорить по душам, но он не знал, как и с кем, пока не появилась Юласси.

Вместо ответа шамани смотрела на него, но не прямо, а краем глаза. Этот хитрый взгляд заинтриговал Сагвара, он наострил уши, ожидая, что будет дальше. Она, не изменив взгляда, молвила:

— Моя амарах говорила вот что: родившийся в этом мире, не трать же времени, ведь нет у тебя выбора, кроме как идти дальше. Это очень красиво звучало на древнем языке, но, сожалею — я забыла звучание этих слов. Хотя амарах повторяла это много раз, если я была в печали или досаде. Не мучай себя, — она трогательно погладила его по гриве, — не тоскуй по ней, потому как лишь мгновение пройдет и ты тоже уйдешь вослед.

Сагвар закрыл глаза, прислушиваясь ко смыслу слов.

— Кто такая амарах? — тихо спросил он об этом, потому как остальное не требовало вопросов.

— Наставница-шамани, — Юласси потерлась мордочкой о его гриву в знак поддержки и доброго расположения, потом молча ушла, оставив ярла Сагвара наедине со его мыслями.

Солнце уже начинало краснеть. Юласси помогала двум очень милым старым львицам приглядывать за детьми, пока их мамы занимались более важными делами. От львиц она услышала много интересного и полезного о прайде, Союзе и его прошлом, местной жизни и взаимоотношениях. Львята же сразу полюбили добрую Юласси, особенно им понравилось попадать ей в объятия. Она, сначала немного помучив и поиграв, давала приют у себя на лапах, и как-то так странно напевала нехитрый мотив и гладила, что не уснуть коротким, приятным детским сном было невозможно.

— Как у тебя они послушно спят. Еще не видала такого. Тут мучаешься, мучаешься, их попробуй успокой, — говорила старая Ансарра.

Шамани только улыбалась в ответ.

Потом настали сумерки — самое время для начала ночной охоты. Из простого любопытства Юласси подошла к группе, которая уже собиралась. Ну, и не только

из любопытства — нужно потихоньку вливаться в жизнь прайда, ведь шамани уже внутренне сказала «да» предложению дренгира. Группу вела лично Амалса, главная хозяйка охоты. Выяснилось, в таком большом прайде идти с группой на охоту — дело непростое и ответственное. Во-первых, идти далеко, после того добычу нужно часть съесть, часть принести. В этом отношении ночная охота проще: детей ночью кормили редко. Во-вторых, добычи нужно поймать много, и при этом не ошибаться. Роли были четко распределены, и для Юласси попросту не оказалось свободного места. Кроме того, Амалса и остальные терпеливо объясняли весь свод тайных знаков и жестов лапами, хвостом, головой, ушами. Юласси, как ни старалась, всего сразу не ухватила.

— Ты не переживай, реально используется только «Стой!», «Справа», «Слева», «Вижу!», «Бросаюсь!» и «Эй, ты, я сейчас тебя удавлю!», — смеялись опытные львицы.

Нет, Юласси — хорошая охотница, но привыкла охотиться в одиночку или с небольшой группой, где никто не распределял роли и действия наперед. Было так: поймали — хорошо, не поймали — ну и ладно...

Как бы там ни было, ее без проблем взяли, несмотря на высказанные Юласси сомнения в собственной полезности.

— Пойдешь вместе с загоняющими, — молвила Амалса, определив ей место.

Нужно было решить вопрос со львами, которые тоже пойдут — они хорошие помощники и в загоне, и в перетаскивании туш, ведь могут взять едва ли не в два раза больше львицы. Рык льва куда сильнее пугает добычу, нежели рык львицы; в группе вала, то есть непосредственно поимки добычи, они также полезны из-за силы и веса. Но находились они всегда с трудностями, но тут случилось немыслимое: Алмар сам спросил, не будет ли он полезен. Амалса имела обескураженный и забавный вид от такого чуда. Некоторые особо догадливые смекнули, в чем дело, и с интересом взглянули на Юласси. Ну а та, естественно, делала вид, что совершенно ни при чем.

Сначала с разговорчиками начали бежать трусцой на запад; потом, пройдя какую-то условную черту, враз смокли и больше приникли к земле. Юласси пропустила этот момент, уже было начала что-то говорить, но спереди перебили:

— Тихонько, тихонько. Всё...

Юласси очень понравилось. Видимо, ее предки тоже некогда жили в большом прайде; было в этом что-то смутно знакомое, близкое: луна, хмурые черные облака, запах и силуэты твоих сестер по прайду, которые стелятся по тихой земле, чтобы добыть себе и другим пропитание...

Большинство львиц любит ночную охоту, ее называют охота «для себя». Дневная и утренняя охота суматошны и хлопотливы: нужно накормить всех и вся в прайде, причем есть те, кто сам приходит к месту забоя, а кому надо поднести поближе. В ночной же можно самим наесться до отвала, да и интереснее оно ночью.

Юласси следовала за хозяйкой охоты, которая ловко шла по почти отсутствующей тропке среди акаций и мелких деревьев. Бежали они долго, ей уж успело изрядно надоесть, но вдруг Амалса остановилась. Все замерли; потом, без единого звука или жеста разделились надвое. Юласси знала, что она в загоне, и следовала за своей небольшой группой в четыре львицы. Краем глаза она заметила, что Алмар пошел в группу вала.

Она пока вообще ничего не видела сквозь высокую траву и акации, запахов не ощущала, а потому ей было невдомек, почему они разделились так рано. Но вскоре поняла: все по опыту знали, что на пастбище впереди всегда что-то есть. Сегодня там была добрая сотня зебр вперемешку с антилопами.

Группа загона вела себя нарочито шумно, почти не скрываясь; это претило привычкам Юласси: она старалась бесшумно стелиться по земле в то время как остальные шли, как хотели. Большое стадо уже мычало и ревело, завидев опасность, но еще не слишком торопилось — львицы были пока что весьма далеко. Видимо, наконец они вышли на нужную позицию: главная в их группе, Элза, остановилась.

— Разделим их надвое... — тихо сказала она.

И тут же резкий рывок навстречу стаду, в его центр. Но они бежали слишком медленно, чтобы что-то поймать; для Юласси это было очень непривычно, настолько, что в азарте она перешла на быстрейший бег, хотя всё внутри подсказывало, что делает она это зазря — слишком далеко они начали рывок к добыче. Но Юласси и не думала сдаваться, продолжая бежать. И удача охотницы вдруг улыбнулась: впереди споткнулся и упал жеребенок зебры, а за ним очень сбавила темп взрослая зебра — по всему, мать. Словно раздумывая, оставлять ли дитя на произвол судьбы, либо же спастись, она бежала боком, а потом и вовсе остановилась. Но инстинкт жизни оказался сильнее материнского, она уж пустилась в галоп за сородичами после мгновений выбора. Юласси никакого внимания на жеребенка, легкую и вкусную добычу, не обратила.

Она хотела показать, как валит добычу свободная охотница Морлая. Длинный бег изнурил ее донельзя; Юласси бросилась на спину жертвы из самых последних сил. Зебра оказалась небольшой и нестойкой, вес Юласси повалил ее на ходу, что было весьма кстати. Но ликовать было рано, ведь зебра мгновенно встала; сил у Юласси почти не осталось, в своем прыжке она не успела доскочить до горла жертвы, а потому уцепилась зубами в гриву, а когтями в тело. Зебра так и бежала с этой тяжелой ношей. Юласси с ненавистью подумала, что придется челюсти разжать — все силы иссякли; скользнув на прощание по ее телу когтями, Юласси распласталась на земле от изнеможения, даже не привстав. «Уйдет!», — с невероятной досадой подумала она. И тут же через нее что-то перепрыгнуло.

Ее сестры по охоте не дали уйти жертве Юласси. Крупная Элза мигом ее повалила. Когда с зеброй было покончено, Юласси всё еще продолжала лежать.

— Хамалá! Как там то, малое? Поймала? — спросила Элза, всё еще тяжело дыша.

— Да! — раздался весьма далекий окрик.

— Что, и за жеребенка не забыли? — довольно спросила Юласси, отряхиваясь.

— Не забыли... Ну ты и бросилась! Быстра, очень быстра.

— Тут скорее удача. Счастливая охотница! — сказала львица, имя которой Юласси еще не знала. — Как думаешь, хорошо направили?

Элза спокойно посмотрела вправо, на уже далекое стадо. Луна неполная, слабая, потому видимость не слишком хороша.

— Вполне... Амалса успела сместиться, уверена.

— Уж думали, что ты не достигнешь. Выдержать такой бег... — посмотрела львица на Юласси.

— Да уж, Млиррани, это молодая кровь. Нечего ей среди загоняющих делать, это точно.

— Ну, это Амалса поставила на первый раз...

Сзади раздалось шуршание и тяжелое дыхание — Хамала притащила за шею пойманного жеребенка к ним.

— Что ж, для нас четырех сегодня просто пир, — удовлетворенно молвила Элза. — А то знаешь, Юласси, приходишь к валовым после загона, а они уже почти всё сожрали, — смеялась она.

— Мы что, к ним не пойдём? — с ноткой тревоги спросила Юласси. Нет, ей, конечно же, всё равно, но хотелось увидеть Алмара ещё разок и просто пожелать спокойной ночи.

— Пойдём, пойдём, — сказала Млиррана. — Но потом. Накушаемся и пойдём.

— А они нас искать не будут? Дождаться будут? — тревожилась Юласси.

— Будут ждать... Таково правило: валовые ждут загоняющих, — ответила Элза. Потом посмотрела на брюхо зебры: — Еда стынет... Приступим.

Во время трапезы львицы Иллари начали осторожно расспрашивать Юласси.

— Дренгир рассказал нам о тебе много приятных слов, — сказала Элза.

— Любопытно, и что же? Я польщена...

— Так... В общих чертах, — уклончиво ответила Элза.

— Я слышала, ты Сагвару вылечила зуб, — молвила Млиррана.

— Вместе с Амарель, — заметила Юласси.

— А то, что Амалса сразу же взяла тебя на охоту, это... много чего значит... это почти прием в прайд, — Млиррана внимательно изучала Юласси взглядом. Шамани не могла пока понять и ощутить, к чему именно они клонят: то ли к добру, то ли к неприятию.

— Юласси, скажи нам: ты хочешь жить в нашем прайде? — прямо и как-то очень буднично, даже равнодушно, спросила доселе молчавшая Хамала, львица уже в годах, с опытными, усталыми глазами.

— Я скажу вам правду, — после небольшой, рассчитанной паузы молвила Юласси.

Все львицы наострили уши.

— Мне остаться в прайде предложил дренгир, и... признаться, я хотела бы этого, — решила она. — Он сказал, что прайду будет полезна новая шамани. Я действительно не хочу быть лишней в прайде Иллари. Я буду жить тем, чем живет он.

Львицы со значением переглянулись.

— Видишь ли... это редкость... чтобы свободная львица, вне Союза, становилась членом его прайда, — осторожно сказала Элза.

— Если прайд меня не примет, я всё пойму...

Та замахала лапой.

— Нет, я не то хотела сказать. Поверь, на общем сборе мы скажем только «да», — поспешила поправиться Элза, остальные согласно закивали. — Ты нам нравишься, и дренгир даром такие решения не принимает. Просто... нужно будет изменить... ну... ведь это жизнь в большом прайде и Союзе, а после... свободной жизни это может быть непривычно, — с трудом Элза находила слова, стараясь не обидеть Юласси. — Ведь ты действительно из Морлая?

— Да. Нету здесь никакого подвоха. Я уже слышала разговоры о том, что я не та, за кого себя выдаю. Это не так. Я действительно простая шамани из Морлая. Мать мою зовут Маалара, наставницу — Эльрара. Видимо, чем-то я приглянулась вашему дренгиру; он сказал, что ему нужна молодая шамани, и я гожусь, — тут Юласси не могла говорить всей правды, а потому старалась просто не лгать.

Эти слова пали в душу львиц Иллари, они больше вопросов не задавали.

— Глаза... — внезапно обратилась Млиррана к Юласси. — Такое впечатление, что я тебя когда-то видела, или же давно знаю.

— Да, — немногословная Хамала молвила лишь это одинокое слово, которое могло означать что угодно.

В ответ Юласси смотрела на Млиррану, чтобы та окончательно убедилась во верности своей догадки или же осознала ошибку. «Эта львица прожила трудную жизнь... Умная, сердечная, преданная львица», — ее глаза подарили Юласси это небольшое знание.

— Да, точно то же ощущение... очень давно, в далеком прошлом, — мечтательно протянула Млиррана. Юласси отвела взгляд, на всякий случай; видимо, в последнее время ее силы неожиданным образом возросли, стремились жить сами, без контроля, и захватывали кого ни попадя; она иногда не могла с ними управиться.

— Ты о чем? — буднично спросила Элза.

— Когда-то очень давно, сезонов наверное десять назад, или даже больше, в наш прайд приходила молодая шамани из прайда Юнити, звали ее Шелли. Мы стали хорошими подругами, вместе охотились... Она иногда на меня смотрела точно таким же взглядом. Я прямо в прошлое перенеслась. Интересно, как она поживает теперь... — из ее слов струились сплин и меланхолия о прошлых временах.

— Надо же, — молвила Элза без особого интереса, больше занятая попытками отодрать ногу от зебры, что удавалось плохо.

Хамала заметила:

— Такое бывает.

Раздался далекий рык. Юласси не была уверена в его значении, но львицы Иллари безошибочно определили, что происходит:

— Алмар рычит. Пойдем, нас уже дожидаются, — уверенно сказала Элза для Юласси.

— Еду так и оставим? — спросила шамани.

— Да что тут брать-то... Неожиданную добычу так и нужно бросать, на удачу. Пусть шакалы и грифы покушают.

— На землях прайда Иллари есть шакалы? — спросила Юласси.

— Есть. Шастают понемножку по ночам. Чего ж им не быть, — ответила Хамала, вылизывая лапу.

— Ну я слышала, что гиенам и шакалам житья тут не дают.

— Да разве всех прогонишь... Кроме того, мы на охотничьих угодьях, от прайда далеко, — дала объяснение Хамала.

— И падаль подбирать кому-то тоже надо, — вставила Элза.

Они медленно затрусили в сторону рыка. Все наелись просто донельзя; Юласси даже пожалела об этом, и дала слово, как это всегда бывает, что съела так много в самый что ни на есть последний раз.

— Ох, Юласси, лучше бы ты эту кобылу не валила, — со стоном сказала Млиррана, подтверждая мысли шамани.

Шли они довольно долго. Юласси развлекала себя тем, что осматривала незнакомые окрестности. Потом случилось небольшое происшествие: Элза, идущая спереди, наступила на змею и как молния отпрыгнула в сторону. Остальных это испугало.

— Терпеть их не могу, — оправдалась она, и путь был продолжен.

Немного погодя Элза издала полурыв-полустон, каким обычно обозначали себя либо же звали львят. Ответный рык Алмара раздался совсем рядом; рык был очень громкий и совсем не подходил для такого случая. Видимо, он решил покуражиться и похулиганить. Юласси услышала вдалеке голос львицы:

— Проклятье, Алмар, у меня аж ухо заложило.

Юласси стало смешно и весело.

— Мы вас ждем и ждем. Откуда ж вы загонять-то начали? — удивилась Амалса.

Элза рассказала всем о неожиданной удаче Юласси и почему-то всю нахваливала ее охотничьи таланты, отчего она чувствовала себя неудобно. Рассказ заинтересовал Амалсу (хорошие охотницы ей нужны!); в итоге она похвалила Юласси.

Брать ничего не стали. Обе группы превратились в одну, и все пошли назад в прайд. Юласси следовала в самом конце, рядом с нею шел Алмар.

— Ого, слышал, ты великая охотница, — тихо начал он разговор.

— Да хватит им. Просто повезло.

— Как удивительно и здорово, что ты пошла с нами на охоту.

— Спасибо, — лаконично ответила Юласси, взмахнув хвостом.

— Я слышал от Амарель, что Эллази с Беатой тебе что-то там нахамили и сказали убираться прочь...

— Нет, только Эллази, Беата тогда ушла, — перебила Юласси.

— Ты не обращай на них внимания, они глупые. О тебе в прайде уже все говорят, а этих дур никто не слушает.

Потом добавил:

— Не грусти, в других прайдах тоже есть шамани. Пойдешь в гости к ним.

Юласси смолчала, желая сохранить побольше тайны и неопределенности в их разговоре. Всё остальное время они молчали. Когда отряд пересек реку Маар, то все отмылись от грязи и крови и медленно начали расходиться спать. Только медлил с этим Алмар, Юласси тоже никуда не спешила, делая вид, что тщательно вылизывает лапу.

Когда он подошел к ней, то Юласси игриво тронула его еще мокрой лапой в кончик носа.

— Вот тебе.

Он без предисловий начал:

— Юласси, пойдём со мной. Пойдём погуляем.

— Алмар, я так устала... Ведь пора отдыхать... — в ее голосе неуверенность и сомнение, которые он должен развеять.

— Пошли, совсем ненадолго, всего лишь на самую малость... — тронул он ее мокрым носом в щеку.

Чтобы показать всю свою усталость (а заодно и себя во всей красе), Юласси начала медленно точить когти о ближайшее дерево, даже слишком медленно. Она тянулась всем телом и смотрела на него; так быстро его дразнить собой, может, и не следовало, но Юласси уж не могла ничего поделать.

— Видишь, просто валюсь с лап...

— Совсем чуть-чуть. Пошли!

— Ну ладно.

Они пошли вдоль реки; Юласси и Алмар были близко, совсем близко друг к другу. Видимо, он еще не мог найти нужных слов или темы для разговора, но так было даже лучше — Юласси нравилось просто идти с ним, тем более такая звездная и нежная ночь, и эти грустные звуки, эта полутьма ночи, которая скрывает... Низкие деревья вдоль реки приобрели таинственный, потусторонний вид, вода блистала луной. Юласси даже подумала, что сейчас вылетит в сновидение от всей этой красоты.

Вдруг он остановился и сел; шамани, ведомая им, остановилась тоже. Очень захотелось отдохнуть и понежиться, потому она нашла приют в его гриве, спрятавшись у него на груди, слегка подбивая мордочкой его шею и подбородок в знак тепла и привязанности.

«Как-то я слишком быстро к нему привыкла... Как-то всё слишком быстро... Ах, какая разница», — мысли жили лишь маленькое мгновение и растворились.

Только она хотела сказать о том, как ей хорошо, как вдруг была опережена:

— Юласси, я тебе нечто скажу.

— Да? — мурлыкнула она.

— Я как увидел тебя, так сразу и... это безумие какое-то. Я знаю, что ты завтра уходишь, завтра тебе время уходить...

— Я...

— ...и не увижу тебя больше никогда.

— Но...

Юласси не успела закончить свои слова, потому как он сильно и властно обнял ее, потом горячо лизнул в щеку, в шею, за ушком, еще раз и еще. Юласси подалась и расслабилась, превратившись из грозной охотницы в нежное существо...

— Юласси, я болен тобой. Не прощайся завтра со мной, просто уйди, — зашептал он ей на ухо. — Это будет наше прощание.

— Алмар, хороший, я...

Он не давал сказать ей слова

— Это действительно болезнь... Тебя нужно просто отпустить... Просто знай, — он снова лизнул ее за ушком, — что есть на свете такой Алмар, который будет помнить Юласси.

Шамани слушала теплоту его слов, которые никто и никогда не говорил в ее юной жизни. Она чувствовала его искренность, как только могут чутя шамани...

...так и говорила Эльрара:

— От тебя большинство будут бежать и опасаться, не решаясь на поступок.

Но некоторые будут без ума.

— Почему же так? — удивленно спрашивала Юласси. — Что во мне плохого?

— Это так со всеми львицами-шамани, — со значением кивала головой амарах, смотря далеко в сторону и вспоминая безумства молодости...

— Смотри, какие звезды, — молвила она для него.

— Даа... Завтра будет жарко, — заметил Алмар, не находя в них ничего особенного.

— Не думай ты о завтра, будь здесь, смотри на них, — она трогательно потерлась о его шею. — На них можно смотреть всю ночь, как и на луну.

— Луна красива, особенно в полнолуние. Сияет... Интересно, что же она, для чего?.. Ты никогда не думала об этом?

— Луна — сестра шамани. Так мне говорили мои наставницы.

— Вот как? А может, мать?

— Может, и мать...

— Но почему луна?

— Потому что ночь — время шамани. Вот знаешь, — она доверчиво прижалась к нему, он провел лапой по ее спине от шеи до хвоста, — она влияет на всех нас. Когда полнолуние, тогда в сновидение попасть много легче. И вообще, многое лучше удается...

— Сновидение?

— Да.

— Что это?

— Когда-нибудь расскажу, — Юласси отстранилась от Алмара, чтобы встретиться взглядом. Они смотрели друг на друга: Алмар со страстью; Юласси красиво и загадочно, и в глазах было чуть больше блеска, чем света вокруг, словно не они

отражали мир, а напротив — они освещали его. «Как такое может быть?..», — думал Алмар, но без озабоченности и любопытства, а с восхищением.

Она тронула мордочкой его правое ухо, одарив теплым дыханием, поцеловала в щеку, и медленно ушла из объятий.

— Чуть не забыла. Ты так и не дал мне сказать.

— Что именно?

Юласси вдруг начала идти прочь (нужно всё же быть слегка недоступной; пусть не думает, что уж украл ее на всю ночь!), оставив вопрос без ответа, но после нескольких шагов обернулась:

— Я завтра не уйду. Дренгир сказал, что я стану частью прайда Иллари. Спокойной ночи, мой Алмар.

Он так и стоял на месте, сраженный этой новостью, смотря, как она исчезает в ночи. «Не может быть!», — с радостью подумал он. Впервые он чувствовал нечто настолько родное и близкое в другом существе; Алмар не мог не влюбиться в Юласси, это было невозможно с того самого момента, как увидел ее. Хотя он никогда не верил в мгновенную влюбленность, в мечты, и вообще был весьма далек от всяких особых чувств, пока не появилась она, с черной кисточкой хвоста, красивыми и стройными лапами, еле заметной темной полоской вдоль спины и этим взглядом... Провалившись во влюбленность и грезы, Алмар уже не мог спать, а просто ушел гулять по окрестностям, потому что сон был решительно невозможен.

По правде, Юласси тоже заснула с большим трудом, ворочаясь со стороны в сторону и даже разбудив этим кого-то из охотниц...

Поутру она тут же пошла к дренгиру Тамалу, помня о том, что должна сказать свое решение. Напоследок шамани думала о всех «за» и «против», но чисто для вида и успокоения, потому как всё было решено намного раньше. По пути к двум каменным столбам Юласси заметила Амарель, которая шла навстречу; не нужно быть шамани, чтобы заметить, что та чем-то обеспокоена и опечалена. Амарель увидела Юласси в последний момент, когда они уже разминались по левую сторону друг от друга. Дааа... Амарель уже не была дружественной и приятной, о нет, что-то страшно изменилось; теперь она тщательно держала свою злобу в запасе — Юласси знала это. Теперь у Амарель оценивающий и холодный взгляд. Шамани еще не могла сказать, что именно значат эти перемены. Следуя вежливости и привычке, шамани всё же сказала:

— Доброе утро.

— Доброе, — быстро ответила та, дав тем самым понять, что оно отнюдь не доброе.

«Видимо, Беата и Эллази наговорили ей всякой чепухи. Нужно всё выяснить», — подумала Юласси. Времени для мыслей было немного — через мгновение она встретила Аралсу.

— Доброе утро для Аралсы!

Львица Тамалу была рада ее видеть:

— Доброе, Юласси. Ты ищешь дренгира?

— Да.

— Подожди здесь, никуда не уходи. Я сейчас его приведу.

Аралса ушла, благожелательно кивнув, ну а Юласси-шамани осталась ждать, опершись на один из столбов. Камень был твердым и равнодушным; Юласси начала водить когтем по его поверхности, думая о том, какие удивительные вещи встречаются в мире. Ни к чему они не примыкали, до ближайших скал было сотни три прыжков, не меньше, — они находились на большом и пологом холме к западу отсюда. Там сейчас находилась часть прайда, главным образом, львицы со львятами

— там есть хорошие укрытия от дождя и ветра. «Красиво на этих скалах, наверное», — подумала она. — «Пробуждаешься от того, что солнце светит прямо в глаза».

Юласси только теперь заметила, что она не первая, кто водит когтем по камню; только делала она это без цели и усердия, в отличие от неизвестных, которые нацарапали линии разного размера и формы. Были и более сложные вещи: некто попытался изобразить силуэты льва и львицы (из-за прочности камня и сложности работы они получились смешными); какие-то неровные кружки; странные знаки, которых Юласси не могла понять. Хотя, нет... Юласси возликовала, когда узнала истершийся знак на древнем языке! Старый шамани Шаналу когда-то показывал ей такие знаки, объяснял их значение, что Юласси очень заинтересовало, но он, к ее глубокому сожалению, особо не углублялся в тему.

— Львице они ни к чему, — равнодушно говорил он.

Она всё же кое-что запомнила, обладая хорошей памятью. Юласси помнила принцип знаков языка древних: каждый из них целиком обозначал некое понятие. И вот она узнала знак «мужество, смелость, отвага, бесстрашие». Надо же! Собственная находка очень обрадовала. Но еще больше Юласси порадовалась, когда нашла самый главный для нее знак — «шамани». Его-то она хорошо запомнила в свое время, считая это делом чести.

Особняком от всех красовалась довольно четкая и более-менее ровно выцарапанная гряда знаков на самом верху.

Любуясь всем этим, Юласси и не заметила, как подошел Тамалу.

— Что ты там нашла, Юласси?

— Ой... Пусть Тамалу извинит меня.

— Ничего, ничего... Так что там?

— Здесь такие интересные вещи! Вот, — она указала лапой, — это значит «шамани», вот это — «смелость». Остального я не знаю...

— То, что ты знаешь даже эти знаки древних, поражает, — искренне заметил он.

— Тамалу не скажет, что это значит? Я хотела бы знать...

Он сощурился, глядя на камень.

— Если тебе интересно то, что запечатлено этими старыми знаками, то там дословно написано: «Быть шамани печаль сердца и большая смелость». То есть, на самом деле это значит: «Чтобы быть шамани, нужно иметь печальное сердце и большую смелость». Или же: «Быть шамани означает иметь печальное сердце и большую смелость». И то, и другое будет правильным.

— Надо же... — Юласси провела лапой по знакам. — А кто сделал их?

— Никто не знает... Это единственные знаки древности здесь. Наверное, их в далеком прошлом начертила шамани. Или начертил.

— А насколько далеко? Лев может сказать?

Тамалу нахмурился.

— Ну... Прайд Иллари живет именно на этом месте уже десять поколений, ведь здесь богатые земли. Мой отец, тоже дренгир, говорил, что эти знаки тут были еще до того, как мы пришли сюда. Так ему поведал его отец, то есть мой дед. Но не исключено, что их написала шамани Иллари, которая знала древний язык и его символы. Так что сложно сказать.

— Удивительно... — абсолютно потусторонне молвила Юласси: ее поразило это сообщение от шамани прошлого, которого или которой уже давно нет в живых.

— А знаки в самом верху начертаны уже нами. Они значат: «Прайд Иллари».

— Я таких никогда не видела, — призналась Юласси.

— Это наши знаки, не древние. Их изобрел великий конунг Манаул много лет назад. Очень умный конунг. Вот видишь, этот значок значит «прайд». А эти, что за ним, означают звуки, что мы говорим: «и», «ла», «ри», — подробно объяснял Тамалу. — Каждый конунг, дренгир и их дети должны уметь начертать знаки. Кстати, Манаул также составил основной свод законов Союза, согласно которому ты, Юласси, сейчас и находишься здесь, и согласно которому, твой срок пребывания в прайде заканчивается сегодня...

— Я должна сказать Тамалу, что всё обдумала.

— И что же ты решила? — осторожно спросил он.

— Юласси хотела бы стать частью прайда Иллари.

— Вот и славно. Я знал это, — улыбнулся дренгир.

Юласси с волнением спросила:

— И что же теперь? Как меня примут? Что мне делать?

Он властно поднял лапу, призывая к молчанию и спокойствию.

— На общем сборе, который я проведу завтра, каждый взрослый скажет, за он или против твоей жизни в прайде. Ты будешь принята только тогда, если все скажут «за». Если будут один или двое против, я вправе потребовать от них объяснений, почему. Если больше — ты должна будешь уйти. Но этого не случится, — твердо молвил Тамалу. — Я позабочусь об этом.

Юласси всё же заметила в нем некоторое беспокойство.

— Не знаю, смогу ли я быть полезной прайду...

— О, поверь, ты будешь полезной и нужной как никто.

— Кроме того... Ведь Эллази и Беата вряд ли... Я хочу сказать, что они...

— Понимаю, что ты хочешь сказать. Не волнуйся. Я возьму это на себя.

— Разве всё так легко?

Дренгир долго смотрел на юную шамани, раздумывая, раскрывать ли свои мысли либо же нет. Потом он понял, что ее обмануть значительно труднее, да и смысла в этом немного. Она ощутит его ложь и скрытость... А ему нужно полное доверие и взаимопонимание.

— Есть некоторые трудности. Не все смогут выразить свое мнение: несколько голов, а именно шесть львов и семь львиц находятся вне прайда, на длинной охоте...

— Что это? — сразу же спросила Юласси.

— Длинная охота — охота в местах, далеких от прайда. Там все сами для себя охотятся и просто живут в удовольствие. Ну, так всегда делается, как только есть возможность, для того, чтобы для детей в прайде было больше пищи. Кроме того, это такая традиция... Я стараюсь отослать только молодых львов и львиц, и непременно парами. Вот. Их мнение я узнаю, послав посыльных сегодня же, так что это не слишком большая проблема. Но с моей шамани...

Тамалу почесал гриву в раздумьях.

— Но с Эллази у меня был разговор. Она подошла ко мне вчера. Спрашивала, почему ты всё еще здесь. Я сказал, что ты хорошая львица, и незачем тебя выгонять. Но Эллази настаивала: ты пришла с плохими намерениями, что ты общаешься, — дренгир ухмыльнулся в знак презрения, — с некими темными силами и прочий бред. Я еще раз сказал, что прогонять тебя не собираюсь. В общем, разговора не получилось. Мне, собственно, давно на них плевать, но дело в том, что они с Беатой явно будут против тебя. К тому же, Эллази имеет родню, хоть детей у нее нет, Беата тоже. Они смогут на них повлиять. Потому я предлагаю следующий план действий.

Юласси села, внимая его словам.

— Какой же?

— Им пока что ни в коем случае нельзя говорить правду о них самих, — топнул лапой дренгир.

— Согласна.

— Сегодня я постараюсь с ними серьезно побеседовать и убедить, что ты будешь всего лишь их ученицей, и просто желаешь войти во прайд, не желая никому зла и вреда. Они, наверное, ревнуют... — еще раз он топнул лапой.

— Да.

— Я постараюсь их убедить, чего бы это не стоило. Потому как ты нужна нам, Юласси, — с упорством и решимостью сказал он.

Ей нечего было сказать, она молча смотрела на пыль земли.

— Я говорил о тебе всем и в тоже время расспрашивал о тебе. Скажу вот что: большинству ты вполне нравишься, никто не против.

— Надо же. Чем же я снискала такое хорошее отношение? — искренне спросила Юласси.

Дренгир неопределенно качнул головой.

— Видимо, ты многим помогла. Или же прайд увидел твою хорошую натуру. Это вообще довольно странно. Ведь, как правило, к... чужим относятся настороженно, а тем более к молодым львицам. Но тут, как ни странно, всё даже наоборот. К тебе доверие. Это знак, это меня воодушевляет. Я не ожидал такого...

Юласси прижала уши в знак смущения.

— Слушай. Ты не могла бы на них... как-то повлиять? Ну, думаю ты поняла, как шамани... — живо спросил он под влиянием этой внезапно возникшей идеи.

— Нет, для меня это вряд ли возможно. Это же нужно изменить к себе отношение; я не знаю, как такое сделать со львицами, которые против меня, а потому всегда будут настороже.

— Я понял. Ладно, предоставь это мне. Будь с ними осторожна и обходительна. Всё будет хорошо.

— Думаю, мне не мешает еще раз поговорить с ними. Я постараюсь расположить их к себе. В конце концов... — Юласси небрежно махнула лапой в задумчивости. — Я ведь не знаю точной причины их злобы ко мне. То ли они ревнуют. То ли принимают меня за низкую и подлую особу. Это следует выяснить.

На том и разошлись. Юласси не считала, что это большая проблема; кроме того, она в какой-то мере понимала чувства Эллази и Беаты, которых неким образом, но всё же унижал вход неизвестной, свободной шамани в прайд, причем причины этого им вовсе неведомы. Тамалу не мог поведать им этих причин, Юласси тоже: это означало бы крах всего их статуса и жизни; это значило бы, что они жили миражом и пустотой, а наставники жестоко обманули в свое время. Или же наставники наставников...

Юласси пошла к тем скалам, которые видела сегодня утром находясь возле каменных столбов, — она там еще ни разу не была. Удобно разместившись на большом камне, шамани свысока рассматривала окружающее, купаясь еще не в слишком жарких солнечных лучах. Ни о чем особо не думая, Юласси дремала. «Так, нужно этой ночью посновидеть», — подумала она, чувствуя в этом необходимость. Ничего делать особо и не надо до следующего дня, разве что потом нужно найти Эллази и аккуратно с нею поговорить.

Рядом по скалах бегали маленькие львята; они, уже зная добрый характер Юласси, и особым детским чувством улавливая добрую душу, уже всюю дергали ее за хвост, лазили по спине, хватали за уши и делали прочие веселые беспорядки.

Рядом прошел Алаас, который первым сказал:

— Доброе утро, Юласси.

— О, Алаас, рада тебя видеть!

Поболтав с ним немного о пустяках, как со взрослым, Юласси спросила:

— Что, отец ругался?

Тот с неохотой и равнодушием ответил:

— Сначала да. Но потом почему-то перестал.

Потом быстро добавил:

— Я слышал, что ты остаешься у нас?

«Ну и быстро же расходятся слухи», — поразилась юная шамани, но сама просто ответила:

— Да.

Порадовавшись этому и сделав вид, что у него еще куча очень важных дел, Алаас распрощался с ней. По правде, рядом с Юласси он начинал теряться, чувствовал себя очень странно и боялся признаться себе в том, что еще хочет очутиться в ее объятиях.

Не успела Юласси проводить Алааса взглядом, как тут подошла Ланшана. Вспомнив о своем намерении, Юласси первой начала разговор. Та оказалась вежливой и умной собеседницей. Сев рядом с шамани, она рассказывала:

— Все в прайде говорят, что дренгир решил тебя оставить у нас.

— Да, это так. Я хочу быть в прайде Иллари и принести ему пользу.

Ланшана внимательно смотрела на нее.

— Я — за. Буду только рада иметь такую интересную и необычную сестру по прайду. Уже слышала, как ты усыпила Алааса, как вылечила Сагвара... Ты действительно необычная, я таких еще не видела. Это сразу заметно, — прямо говорила Ланшана. — У нас хороший дренгир. Уверена, он знает, что делает, если берет тебя в нашу... большую семью.

— Спасибо за добрые слова, Ланшани. В ответ на них я хочу искренне дать тебе скромный совет, если желаешь.

— О, неожиданно! Говори, я слушаю, — весело и с интересом молвила она.

— Будь осторожна в любви. Ты очень преданна и чувство твое очень сильно. Этим могут безжалостно воспользоваться, — тщательно подбирая слова, сказала Юласси. Прикусив лапу, умолкла; ей не слишком понравились собственные слова, но лучших подобрать пока не могла.

— Надо же... Точь-в-точь то же самое мне вчера говорила Амалса. Хм... — она вопросительно смотрела на Юласси, ожидая от нее слов объяснения. — Ты не могла бы объяснить подробнее?

— Тут нечего добавить. Будь осторожна и осмотрительна, старайся не обмануться, — уклончиво ответила юная шамани.

От любопытства Ланшана встала и села прямо напротив Юласси, совсем близко от нее.

— Ну расскажи, в самом деле...

Пока Юласси думала, что же ей делать и как правильно говорить, та зашептала, сгорая от любопытства:

— Слушай, ну что ты тогда во мне увидела? И не говори, что ты не знаешь, о чем речь, прошу тебя. Мне Амалса по большому секрету рассказала о тебе: ты можешь видеть других изнутри и предсказывать судьбы. Это так интересно! Давай начистоту, Юласси, прошу тебя, ну давай...

— Я не умею предсказывать, — поправила ее слова Юласси, уже жалея о начале разговора. Он катился куда-то совсем не туда. «А вот это Амалса сделала очень даже зря», — подумала Юласси.

— Ну так что ты тогда увидела? Я никогда не забуду твоего взгляда, сразу поняла, что он необычный...

Юласси улыбнулась.

— Я уже говорила, что ты очень преданна, а чувства твои сильны и нежны. Повезет тому льву, который найдет тебя.

— Но почему же мне нужно быть осторожной?

— Потому что этими достоинствами может воспользоваться лев без чести и стыда.

— А ведь ты не только меня тогда увидела. Там еще был Найриш... А что в нем? — подталкивала ее к основному вопросу Ланшана, поедая глазами. — Пожалуйста, хоть намекни...

— Я не пыталась узнать его сущность, — очень умело солгала Юласси. Что-то, а это шамани умеют делать хорошо.

Тогда Ланшана наклонилась совсем близко к ее уху, перейдя на доверительный шепот:

— Но ты ведь можешь узнать кое-что о нем для меня? — и глаза ее хитро блеснули в предвкушении согласия.

«Проклятье, что же делать? Отказать, согласиться, что сказать...», — юная шамани даже закрыла глаза, вздохнув, а на обличье появилась глубокая тень сомнений и растерянности; слегка отвернувшись, Юласси даже исказилась странной гримасой, словно от боли.

— Нет, нет, Ланшани, не стоит, зачем... — начала она.

— Ну пожалуйста. Всего чуть-чуть, — не отступала влюбленная львица. — Прошу тебя.

Уже наперед зная, что пожалеет о сказанном, Юласси молвила, встретив своей лапой ее лапу:

— Ланшани, Найриш совершенно не любит тебя. Если ты это хотела узнать, то вот оно, — устало сказала правду Юласси-шамани.

Та так и продолжала сидеть, почти не изменяясь, но огонь в глазах тут же погас и предательски дрогнула челюсть. Юласси сильнее прижала ее лапу, молчаливо поддерживая. Но нечто слишком важное оборвалось в ней, потому как спустя мгновение Ланшана встала, растерянно осматриваясь по сторонам, чтобы найти одинокое место для своего горя.

— Ах, даже так... Ты уверена? — Ланшана вовсе не смотрела на Юласси, прятала взгляд подальше.

Шамани только вздохнула от тяжести чужих переживаний и собственной неосмотрительности.

— Спасибо, Юласси... Я поговорю с ним... Да, я... Даже не знаю, верить ли... Ну, я пошла.

Быстрыми прыжками Ланшана убежала прочь от той, которая не смогла солгать.

Тем временем Амарель шла к Эллази; так они вчера договорились, потому что нужно пойти «кое-куда», как сказала ее наставница. Внешне она была весьма спокойна, имела обычный и будничный вид, но на самом деле ревность не давала ни мгновенья отдыха.

Без предисловий и приветствия она сказала, стремительно вскочив в тень разлогого тамариска:

— Да как она смеет?!

Эллази спокойно посмотрела на нее. Улегшись на месте, Амарель нервно дергала хвостом.

— Как это понимать?! Вчера я видела, как эта чужачка пошла вместе с Амалсой на охоту, а с ними — Алмар. А сегодня уже слышу новости — они ночью и гулять куда-то пошли!

Не в силах сидеть, она встала.

— Как так? Быстро же она охмурила его, очень быстро... И Алмар, как же он мог связаться с ней? С чужой кровью? — яростно смотрела она на Эллази. Та имела многозначительный и понимающий вид. — Нет... Я не позволю. Алмар мой. Мой Алмар, — повторяла, как заклинание, Амарель.

— Вот-вот, — наконец изрекла Эллази. — Я же говорила, что всё это неспроста. Сначала она приходит в прайд и покоряет дренгира. Потом под ее влияние попадает прайд. В том числе Алмар. Тут всё ясно...

Амарель нервно стучала лапой по пустому панцирю черепахи, который принесла Эллази.

— Как может вообще чужая идти на охоту с прайдом? Как Амалса допустила это? — Амарель ударила панцирь, отчего он быстро завертелся на месте.

— Недаром же она скрыла от нас, что является шамани. Эта Юласси хитра, хитра... Ты уже знаешь, что завтра будет?

— Что завтра будет?

— Общий сбор. Дренгир хочет принять ее в прайд.

Молодая львица вздохнула от удивления.

— В прайд... — Амарель злобно уставилась в одну точку. — Да сейчас...

— Конечно же, мы будем против. И она не сможет войти в прайд. Таков закон, — всё так же спокойно говорила Эллази.

— Она и не войдет. Пусть оставит Алмара в покое! Да как он мог... — отчаянно говорила Амарель, уткнувшись в землю.

Эллази грустно и умудрено сказала:

— Не вини его ни в чем. Я тебе вот что скажу. Она общается с темными силами, со злыми духами. Я знаю, есть такого рода шамани. Некоторые из них творят ужасные вещи. И эти силы дают ей возможность дурачить всех вокруг. Только мы-то на это не ловимся, — она указала лапой на саму себя. — Мы — шамани прайда Иллари.

— Завтра она уйдет! — уверенно молвила Амарель.

Эллази с улыбкой согласилась:

— Именно. Мы будем против. Я сегодня еще поговорю с Тамалу.

Амарель немного успокоилась, что вернуло ей толику трезвости и ясности ума, которые раньше затмила напрочь всепоглощающая ревность.

— По правде говоря... я не замечала в ней ничего злобного, — Амарель любила быть с собой честной. — Она даже Сагвару вылечила зуб. Что ей надо? Пусть просто уходит...

— Дитя мое, ты ничего не понимаешь. Эта Юласси умело скрывается.

Вдруг подошла Беата. Тяжело плюхнув свое грузное тело, она молвила:

— Слыхали? Завтра будет общий сбор.

— То-то и оно, — кивнула Эллази.

— Ну так что ж... Я слышала, эта Юласси где-то там училась у какой-то шамани. Даже, слышала, Сагвару зуб вылечила. Да, Амарели? — Беата толкнула ее лапой, от чего Амарель стало еще хуже. — Вот, мож возьмем ее в ученицы, а? Чего бы и нет?..

— Беата, ты что!..

И Эллази рассказала ей всё об этой Юласси: она берет силу от темных сил, кои поглотили ее душу; ее цель — одурачить и обмануть весь прайд, что уже проис-

ходит; она хочет стать главной и единственной шамани, это очевидно; а им, настоящим шамани прайда Иллари, в нем места потом не найдется; коварство и расчетливость Юласси нельзя недооценивать. А потому следует как можно быстрее от нее избавиться. Ни в коем случае она не должна войти во прайд.

— Я поговорю с дренгиром. Она должна покинуть нас до захода солнца, — закончила Эллази, строго глядя на Беату.

У той не было собственной головы, она не умела думать, поручая это бессмысленное и трудное занятие Эллази. Для нее всё равно, лишь бы вещи были понятными и определенными.

— Аааа... Ну раз так, тогда понятно. Тогда будем говорить «нет», и на этом конец, — с готовностью произнесла Беата, удовлетворившись ясностью.

«Только не это... Алмар же почти полюбил меня... Что за рок? Почему мне суждено страдать всю жизнь от этой ненавистной любви...», — тяжело думала Амарель, царапая ни в чем не повинное дерево.

**

Юласси сидела в приятном холоде небольшой пещеры, куда ее позвал сам дренгир. Ему потребовалась помощь в одном непростом деле.

— Это случилось где-то луну назад. Три молодых льва и четыре молодых львицы пошли на длинную охоту. К югу, ближе к Хартланду, — начал Тамалу. — Так вот, среди них была Ланшана.

— Ланшана? — робко переспросила Юласси.

— Да. Ты что... знаешь эту историю? — наострил он уши, увидев на ней чувства.

— Нет. Пожалуйста, пусть Тамалу продолжает. Я просто...

— Так вот. Возле их ночлега были высокие скалы. В этом месте они крутые, по ним опасно карабкаться. Когда я был совсем молод, то там разбился насмерть лев из нашего прайда. И наша Ланшана в сумерках залезла на один из утесов, чтобы там себе посидеть, на закат посмотреть... Ну, характер у нее такой, знаешь ли, всякая чепуха в голове, — Тамалу оправдывался за нее, да так, будто самый большой порок в мире есть наблюдение заката со скалы. — Высота была большой — прыжков так пять-семь, как она потом рассказала. Сидела она себе, сидела, замечталась. И вдруг ее кто-то сзади толкнул вниз, совершенно неожиданно, она даже не успела что-то понять. То, что она не разбилась насмерть — просто чудо. Ланшана рассказывала, что приземлилась точно на лапы среди острых камней, на небольшое ровное место, разбив только нос. Оклемавшись, она поспешила к остальным сообщить, что кто-то ее толкнул. Когда все собрались, то взволновались; все недоумевали, зачем кому-то сзади подкрадываться и толкать Ланшану с высоты. Подумали даже, что это ветер, или же Ланшана сама поскользнулась по неосторожности. Но она упрямо твердила и им, и мне, что это был именно сильный толчок. Ланшана очень взволновалась и расстроилась. Она даже тайком бегала, чтобы обнюхать скалы, вдруг узнает чей запах, но тщетно.

— Да, камень плохо держит запах, — заметила Юласси.

— Именно. Она никого не винит, но с тех пор я заметил в ней перемену... Я же очень сильно подозреваю, что это сделали свои же, как ни прискорбно. Только хоть убей меня, не знаю кто и зачем. Очень непонятная история... Я даже прямо спрашивал, кто толкнул, но бесполезно — у всех были лишь удивленные глаза и много обиды. Ланшана — дочь моего брата, поэтому это имеет для меня совершенно особое значение.

— Понимаю. Это очень плохая история... А дренгир расспрашивал их всех или по отдельности? Может, кто куда-то отлучался от общей компании в это время? Тамалу понял, куда она клонит.

— Стой, не продолжай. Нет... В том то и дело, что все они были в разных местах. Хлассар и Анная говорят, что на закате пили воду и отдыхали у нее; Мариэль охотилась; Ирана говорит, что дремала; Найриш охотился; Валран говорит, что гонял гиен от нечего делать. Да, вот так, если мне не изменяет память.

— Может, это был кто-то вообще неизвестный? Может, на этих скалах кто-то живет? — пыталась предположить Юласси.

— Не знаю. Все говорили, что вокруг никого не было. На скалах точно никто не живет.

— Хорошо. Я понимаю... Что именно хочет дренгир?

Он закрыл глаза и прислонился к холодной стенке пещеры.

— Я хочу узнать правду. Самое главное, что меня беспокоит — толкнул ли ее кто-то из них. Хотя это может показаться невысказанным, но других вариантов... попросту нет. Я хочу быть уверенным... Я верю Ланшане, верю ее словам. Ты можешь как-то мне помочь? — спросил он, открыв глаза.

В раздумьях Юласси водила лапой по мордочке, словно умывалась. Она не имела сомнения в своих возможностях, думая лишь о том, как лучше всё сделать, на совесть и без ошибки.

— Пусть дренгир сделает так: пригласит Ланшану сюда, и всех остальных — тоже. Потом пусть говорит что угодно, но обязательно нужно прямо спросить, толкнул ли ее кто-то из присутствующих, и если да, то зачем это сделал. Спрашивать нужно решительно. Я буду сидеть в сторонке и молчать. Потом скажу, кто совра, если смогу это уловить... Я это скажу, если буду совершенно уверена. Это всё, что могу сделать для дренгира.

Понимая, что пребывание в прайде теперь налагает на нее определенные обязательства, Юласси без колебаний согласилась сделать то, что хотел дренгир. Кроме того, история поразила шамани своей жестокостью и подлостью, потому холодная и отрешенная решимость овладела ею. Толкнуть со скалы! Низость этого поступка поражала ее сердце. «Намерение выведет. Ахмар не подведет», — остро глядя вдаль, думала она.

— Ланшану обязательно? — переспросил дренгир.

— Да. Она пусть тоже молчит.

Махнув лапой, он подозвал к себе первого попавшегося. Им оказался лев-подросток по имени Ласлар с еще смешной коротенькой гривой.

— Так, быстро иди и разыщи мне Ланшану, Найриша, Хлассара, Аннаю, Мариэль, Ирану и Валрана. Говори всем по дороге, что их ищет дренгир и что они должны срочно явиться на Большие скалы.

— Пусть мой дренгир извинит, я всех не запомнил... — сконфузился тот.

Они повторяли добрые пять раз, пока Тамалу не убедился, что Ласлар никого не забыл. Наконец, тот убежал выполнять порученное. Дренгир смотрел на Юласси; та же спряталась в уголке этой совсем небольшой пещеры, молча прислонившись всем телом к холодному камню стенки. Она закрыла глаза, не желая видеть мир, потому как это мешает молчанию ума и воле, безупречной воле, которую должна иметь шамани.

Так она и сидела, пока сначала не явились Хлассар и Анная. Они поинтересовались, зачем их вызвали, но не получили ответа:

— Увидите, — кратко сказал Тамалу.

Ничего им не оставалось, кроме как ждать. Потом пришла Мариэль, за нею Валран, потом Ирана и Найриш вместе. Дольше всего ждали на Ланшану. Томясь в ожидании, все начали болтать о всякой всячине. Пока никто не подозревал, зачем и почему их вызвал дренгир; когда появилась Ланшана, то некоторые догадались: придется ворошить былое.

— Снова, — очень тихо молвила Анная, чтобы ее слышал только Хлассар. Эта история в свое время порядком всем надоела; считалось, что Ланшана оступилась сама, либо же она таким странным способом пыталась привлечь к себе внимание, отчего на нее стали бросать косые взгляды.

— Мда, дренгир опять за свое.

— Никто ее не толкал. Сама упала. Ветер там знатный, на высоте. Сколько раз это повторять? — Анная не желала больше всех этих унижительных распросов.

— Угу...

Ланшана была больше всех обескуражена неожиданным сбором, тем более, что она сразу поняла его смысл.

— Мой дренгир, ведь мы уже проходили это. Не надо больше выяснений, — тихонько сказала она, чтоб не слышали чужие уши.

— Ланшани, ты сиди и молчи, прошу тебя.

Спорить она не стала и обреченно села слева от него. Она уж сама сомневалась, толкнули ли ее или же показалось. Ну не могут же свои в пропасть толкать, в самом деле!

— Мой дренгир, это снова то разбирательство с падением Ланшаны? — без обиняков спросил Валран. — Привет, Юласси!

— Привет!

Тамалу проигнорировал вопрос.

— Так... Встаньте в ряд, чтобы я вас видел.

Что они послушно сделали. Валран обменялся скептично-кислой миной с Хлассаром, особо не утаивая своего отношения к происходящему.

Заметив недовольную реакцию братьев и сестер по прайду, Ланшана еще больше сникла. «Ну зачем оно ему... Они же не могли меня толкнуть, чего их подозревать? И так никто ничего не узнает», — беспокойно думала она, желая скорейшего окончания этого действия.

Юласси аккуратно уместилась справа от дренгира, чтобы видеть всех лучше.

— Как догадались самые смекалистые из вас, мы снова возвращаемся к случаю с Ланшаной, вашей сестрой по прайду, — дренгир особо выделил последние слова. — Это потому, что выяснились... некоторые новые обстоятельства. Пока не могу сказать, какие, — дренгиру нужно было что-то придумать, для повода. — Мой вопрос снова покажется вам унижительным, но он неизменен: кто?

В ответ — мертвенное молчание. Вопрос действительно не понравился, особенно львам; но они не возмущались, потому как спрашивал дренгир, и нужно перетерпеть эти его причуды. Любит он свою племянницу, чего уж тут поделывать?

— Признаться лучше сейчас.

— Нам не в чем признаваться, мой дренгир, — начала Ирана, не вытерпев такого недоверия и унижения. — Да как же, как же кто-то из нас может толкнуть сестру по прайду?! С высоты! Чем мы заслужили такое отношение?

— Да, — добавила Мариэль. — Чем?

Дренгир не слушал.

— Мне нужно, чтобы каждый из вас сказал, каждый по отдельности. Скажите мне еще раз, что никто из вас этого не делал.

Это было немного чересчур, но никто не осмелился возразить.

— По порядку. Сначала ты, Найриш.

— Я не делал никакого вреда Ланшане, — сухо молвил тот. — Как я могу причинить ей вред, если мы... близки.

Ланшана благодарно посмотрела на него. Такого ей он никогда не говорил; сердце сразу растаяло, хоть в последние дни она обижалась на него, подозревая неладное. А тут еще Юласси сказала, что не любит он ее! Нет, не может быть! Да кто она, эта Юласси? Теперь же всё прошло, осталась лишь любовь к нему, а больше ничего.

Следующий была Анная.

— Ланшани, я не толкала тебя. И не знаю, кто сделал это, — искренне сказала она.

— Аннаи, милая, перестань, я знаю, да что за глупости...

Они с Аннаей — подруги детства.

Юласси понимала, что ввергла себя в нечто значительное, но в чем-то даже запрещенное, неправильное... «Тут-то и заканчивается мой поиск свободы», — подумала она. — «Теперь я не ищу ее, теперь мои силы служат прайду Иллари... Хорошо это или плохо?».

Валран сказал:

— Не толкал. Как я бы жил после этого?

— Да как... Ланшани, я не толкала тебя!.. Какой ужас! — настал черед Мариэль.

Юласси больше никого не слушала; мир отошел прочь. Теперь она видела только ее, Мариэль. По правде, Юласси и не нужны были эти признания: страх Мариэль она ощутила много раньше. Теперь же та умело врала, почти что веря своей лжи, как оно и должно быть, если хочешь хорошо обмануть. Но внешность не обманула Юласси, нет. Мариэль чувствовала ее взгляд, внимательный и поглощающий, почти всё время, что она пребывала тут; это волновало, беспокоило. «Зачем, зачем же она так смотрит на меня? И что за новые обстоятельства упоминал дренгир? Что происходит?».

Но пока Мариэль держалась, храня тайну бережно и хорошо; дренгир ничего не сможет узнать, слова тут бессильны, ими правды не добьешься. Это успокаивало и защищало. Соврать легко, только нужно не бояться и самому верить в ложь. «Совру, не раскроюсь, нет-нет», — знала Мариэль.

Юласси искала ее взгляда. «Давай же, хорошая такая, давай». Мариэль до невозможности угнетал ее взгляд, немигающий и непрерывный, потому она избегала его. Но вдруг решила ответить — может, Юласси, наконец, прекратит свои глупости? Но это ошибка, большая ошибка — вступить в состязание с шамани посредством взгляда, ответить на такой вызов. Решив взглянуть рассерженно и недовольно, Мариэль лишь на мгновение встретилась взглядом с Юласси.

Всё!

Мариэль поняла, что угодила в ловушку. Глаза шамани угнетали и подчиняли. Соревноваться тут глупо: Мариэль, которая жила обычной жизнью, с одной стороны; Юласси с другой, которую наставница еще с ранних лет, когда еще и пятна полностью не прошли, садила напротив себя и учила знанию.

— Смотри на меня, — властно говорила Эльрара.

Таково было упражнение: сидеть и смотреть друг другу в глаза. Поначалу это неизменно заканчивалось тяжелыми слезами для Юласси. Хотя она и думала по незнанию и юности, что это будет легко, а само упражнение — вторично и для забавы.

— Отнюдь. Для шамани это самое важное — взгляд. Я тебе его сделаю.

Глядели друг на друга по-разному: равнодушно, с яростью, с добротой, с насмешкой. Потом Юласси упражнялась на других, кто под лапу попадался. Даже на самой себе — Эльрара заставляла и на свое отражение во воде смотреть. И даже рычать на себя заставляла, отраженную на водной глади. Злобно так рычать. Это была одна из самых утомительных вещей.

Юласси следовало просто сказать после всего действия, кто же виновник, кто сбросил Ланшани со скалы, но всё пошло не так. Шамани встала, пошла прочь со своего темного угла прямо к ней. Время растянулось: для Мариэль каждый ее шаг казался вечностью.

— Зачем это сделала? — спросила Юласси.

— Я? Что... Что за?.. — пыталась она сопротивляться.

— Зачем это сделала? — не меняя тона, еще раз спросила Юласси, для верности приставив ей лапу к щеке. Вопреки страху Мариэль, она приставила лапу совсем легко, еле ощутимо, без тяжести и удара.

— Нет... Нет...

— Зачем?

Все остальные молча наблюдали сцену, вовсе не понимая, что происходит. Ланшана нерешительно попыталась вмешаться, стараясь сгладить неловкость:

— Юласси, Мариэль, ну что такое...

— Зачем? — совсем тихо спросила шамани, слегка тряхнув львицу лапой.

До чего же поглощал этот взгляд! Всё бы отдала Мариэль, чтобы освободиться от него, отпустить свою, всю жизнь послушную, волю на свободу, но не могла, как нельзя уцепиться за стенку, падая в пропасть. Ей нечего было отдавать.

— Я... Найриш, Найриш...

— Да-да, говори, говори, продолжай.

— Он с нею... Но на самом деле ему нужна я! Зачем ей тогда жить? Пусть уходит, я останусь с ним. Найриш не любит ее, Найриш любит меня... — очень усталым голосом говорила Мариэль. — Только меня!

А Юласси усмехнулась.

— Слушай же. Не будет тебе света в жизни, мрак будет душить тебя. Ты не узнаешь больше радости, новой жизни у тебя не будет. Ступай с тем, что дала тебе шамани.

Та отряхнулась, стараясь спастись от этих слов, вырваться. С огромным трудом отпрянув от лапы шамани, которая совсем ее не удерживала, Мариэль приблизилась к равнодушной стенке пещеры, пугаясь удивленных взглядов и самой себя.

— Думаешь, отмоешься? Отмоешься? Да? Иди, попробуй. Пробуй смыть! — с очень злой иронией сказала Юласси. От этого всем стало не по себе.

Безумным взглядом осмотрев всех вокруг, Мариэль сорвалась с места и мгновенно убежала.

Найриш сидел ни жив ни мертв. Он не знал об этом ничего. Да, Ланшана была нужна ему, чтобы стать ярлом, чего он страстно желал, Мариэль же для всего остального, о чем он ей и говорил, не таясь.

— Ты просто будь моей. А Ланшану я использую. Будем же хитрее, — так говорил.

А та вдруг решила решить проблему коварным и решительным образом. Зачем что-то делить? Сколько можно спрашивать: «Когда ты бросишь ее?».

Нет Ланшаны — нет забот. Ну, не вышло в этот раз, получится в следующий.

Но не сложилось.

Остальные сидели в изумлении. Дренгир обмяк, держа лапу на сердце. Нервы у него были крепкими, но такое! В его прайде! Сестра по прайду толкает свою же сестру в пропасть!

Юласси медленно подошла к Ланшане.

— Извини, что приношу лишь плохие вести... Но нет для меня выбора.

Тронув ее носом в щеку в знак поддержки, Юласси устало ушла, влача хвост, никому больше ничего не сказав.

— Уходите все. Кроме Найриша. Ты останешься, — наконец нашел слова дренгир, взяв себя в лапы.

Все ушли.

— Что ты об этом скажешь?

— Мой дренгир, — очень серьезно начал Найриш, — я понятия не имел, что она сбросила Ланшану со скалы. Да, это правда: мы были вместе. Но я совсем не хотел убивать Ланшану или чего-то в этом роде. Пусть дренгир пригласит эту Юласси, пусть она скажет, лгу ли я...

Так Тамалу и сделал, послав за Юласси. Та явно не имела особого желания приходить, но послушалась.

— Врет ли Найриш? Знал ли он? — прямо поставил вопрос дренгир, вовсе не таясь.

— Нет-нет, — вздохнув, сразу сказала Юласси. — Он ничего не знал и не мог знать.

Это было очевидно; даже не следует быть шамани, чтобы понимать, что льву это ни к чему.

Поговорив с Найришом, Тамалу отпустил его с миром. Тот действительно был ни при чем, он не желал смерти Ланшане. Найриш вообще ей плохого не желал, а просто думал о себе. Конечно, такое отношение ко львицам одобрить нельзя, но для льва, как говорится, оно выглядело так же, как и грязь на слоне — неприятно, но обычно и естественно.

— Дренгир еще не передумал принимать меня в прайд? Со мной ходят неприятности...

— Нет-нет... Это не неприятности, это — перемены. Но, проклятье, они происходят весьма болезненно. Впрочем, настоящие перемены происходят только так... — сказал дренгир.

Вечером Тамалу сообщил об этой неприятной новости всему прайду. Мариэль довольно быстро нашли, она не особо пряталась, и была кроткой, послушной. Тамалу устроил ей быстрый допрос, из коего стало ясно, что она не имела никакого плана, а сделала всё спонтанно.

— Я просто увидела ее со хвоста. И решила сбросить. Как-то само собой получилось, я даже себя испугалась, — без эмоций и стыда рассказывала она пораженным львам и львицам. Недолго думая, ей присудили изгнание, пожалев ее молодую жизнь. Убраться прочь ей следовало до рассвета.

Ланшана хотела поговорить с нею, но не вышло — говорить было решительно невозможно: Мариэль молчала, уставившись в одну точку. Ланшане было безумно горько от двойного предательства, от всей этой истории — это разрушало ее веру в других; стараясь не утратить эту веру, она просила дренгира не изгонять Мариэль, чтобы потом прийти с нею к миру и согласию, забыв об этих глупостях.

— Невозможно, Ланшани. Будь тверже. Ей здесь не место... — был ей ответ от дренгира.

У Мариэль было два младших брата, мама, отец. Нечего и говорить, что они себе места не находили, но не могли ничего поделать с таким позором и приговором.

На этом допросе и во всей этой суматохе Юласси не было. Она ушла от мира в укромном уголке, предавшись сновидению. Оно получилось плохо контролируемым и сумбурным, но удалось в нем ощутить Анлиль; таковым было ее слабо осознанное намерение. Юласси вернулась в мир с четким ощущением, что Анлиль ей ответила, но как именно, сказать было невозможно. Решив отложить всё до лучших времен, глубоким вечером после заката она пошла в прайд.

На нее смотрели со смесью опаски и уважения, а самые сообразительные поняли, почему их дренгир хочет оставить эту львицу в прайде. Кому же не захочется иметь такого помощника, как эта странная шамани? Юласси чувствовала себя немного неуютно: все были очень вежливы и бросали многозначительные взгляды. Она разлеглась возле полюбившихся ей каменных столбов, иногда посматривая на знаки, которые так пленили сегодня утром. В темноте они казались нечеткими, расплывчатыми, глубокими.

— Как Мариэль могла сделать это? — внезапно подошел сзади Алмар. Юласси рада его видеть, ведь сегодняшние события утомили ее; потому она тут же положила на него, стараясь забыться в его мягкой гриве.

— Ревность, — только и сказала Юласси. Не хотелось об этом говорить.

— Как ты это сделала? Как узнала правду?

— Сложно сказать. Просто я ощущаю ложь, и всё.

Вместо слов он обнял ее лапой.

В свою очередь, новость подняла новую волну беспокойства у шамани прайда Иллари, особенно в Эллази.

— Что это? Как она сделала это? — недоумевала Беата.

— Ясно одно... Она решила убрать Мариэль. Заставила ее говорить всякую чушь. Вот и получилось. Видели ее? Она сама не своя!

— Я слышала, что Найриш признался в том, что имел с нею связь, так что это правда... — вставила Амарель.

Эллази грубо прервала ее:

— Она всех дурачит! Всех подряд!

Посудачив, они решили найти Юласси, чтобы с нею поговорить и вывести на чистую воду. Первой ее нашла Амарель. Никаких сомнений не было — они с Алмаром вместе. Начала душить ревность.

— Юласси, можно тебя на мгновение? С тобой хотят поговорить, — требовательно и холодно сказала она. Бросила как будто равнодушный взгляд на Алмара, но тот никак не ответил.

Юласси согласилась, освободилась от его объятий, и они пошли по тропке к ручейку-водопою.

— Вы что, с Алмаром вместе? — по слишком уж безразличному тону и всему ее облику шамани, наконец, поняла, в чем дело.

— Мы нравимся друг другу, — уклончиво ответила Юласси, посмотрев в сторонку.

— Аааа. Ясно.

Амарель так и подмывало сказать Юласси какую-нибудь гадость или же просто броситься. Но она сдерживалась.

— Амарели, вот скажи правду. Почему твои наставницы невзлюбили меня? — прямо и без страха спросила Юласси, не имея никакой злости к Амарель, которая (шамани чувствовала это!) добра и отзывчива по натуре.

— Чужая ты. Вносишь беспорядок в жизнь прайда. Нам непонятна та спешка, с которой дренгир хочет принять тебя. В этом есть нечто странное.

— Я отнюдь не навязываюсь. Тамалу сам предложил мне. Поверь, если завтра прайд выскажется против, то я уйду. Не хочу быть вам помехой и вносить раздор. У вас хороший прайд, — грустно сказала Юласси.

— Никто из нас не понимает, что именно и как ты делаешь. Ты необычная шамани. Лично я... не знаю, что думать. Но мои наставницы говорят, что ты общаешься с темными силами, что ты — сущее зло. Вот скажи мне... правда ли это? Действительно, откуда эти знания и умения?

Юласси остановилась, Амарель тоже. Две юные львицы смотрели друг на друга. Ночь накрыла их, было много ветра и облаков, всё предвещало скорое наступление сезона дождей, — такое было в природе положение.

— Нет никакого зла, Амарели, как нету и никакого добра. Лишь мы творим его своей мыслью. Меня просто научили этому, а больше ничего.

— Ну допустим... — недоверчиво и неуверенно ответила Амарель, делая робкий шаг вперед. — Но зачем, зачем тебе Алмар?

— Мне он нравится, и кажется, что я нравлюсь ему. Ты ищешь подвоха? Его нет.

Амарель кивала в такт ее слов.

— Я не знаю, что думать. Я в растерянности.

Юласси подошла ближе, чтобы показать свое доброе расположение.

— Но в любом случае тебе придется завтра уйти... — задумчиво добавила Амарель, смотря на пыль земли.

Шамани не побоялась этих слов.

— Что ж... А что скажешь ты на сборе? Мне интересно.

— Я? Я не знаю, — честно ответила Амарель. Она действительно не знала. — Зачем ты нужна дренгиру, скажи мне? Почему он тебя так защищает? Из-за твоих способностей?

Юласси повела ушами.

— Наверное, да. Я знаю немногим больше тебя.

— Тогда что же ты за шамани? — не уставала повторять Амарель, пытаясь всё хорошо понять.

— Я обычная шамани.

— Не ври. Ты знаешь то, что не знаю я.

Закрыв глаза, Юласси тронула ее за плечо, но та увернулась.

— Для этого есть причины, Амарели, поверь. Я не могу их назвать, но они есть. Не думай об этом, это — не главное. На самом деле я о тебе самого лучшего мнения.

— Почему же? — недоверчиво спросила та, глядя свысока, прижав уши.

— Ты безупречно делаешь то, что должна, и то, что умеешь. Ты честна и умна.

— Допустим... Допустим... Знаешь что? Всё это хорошо. Но отпусти Алмара. Не забирай его, — самое главное беспокоило ее, всё остальное — пустяк.

Юласси с закрытыми глазами отрицательно кивала, давая знать, что рада бы помочь, да это невозможно.

— Не могу. Только если он не захочет быть свободным. По-другому просто не выйдет.

«Что я делаю?!», — подумала львица Амарель. Она не могла поверить, что положила на ее милость, начала просить отпустить Алмара, начала унижаться! Как она могла поддаться такой слабости? «Что ж...». Решительно сделав шаг, потом

другой, она молча пошла; за ней последовала Юласси, потому как не о чем больше говорить. Шамани не понравилось то, как окончился разговор. Но в то же время это был не самый худший вариант.

Совсем скоро они подошли к месту, где их ждали Беата и Эллази. Разговора не получилось:

— Мы тебя раскусили, — уверенно начала наступать Эллази. — Но у тебя ничего не выйдет.

— Что же именно вы раскусили? — скептически спросила Юласси, подобрав хвост и внимательно наблюдая за ними.

— Ты хочешь всех одурачить. Ты хочешь остаться в прайде, хочешь быть первой. Не знаю, с чем ты связана. Но нас обмануть не удастся. Ты в Иллари не останешься. Чужая не может быть львицей Союза. И не может быть шамани.

— Что ж, раз так, то так, — ответила Юласси, не имея никакого желания с ней пререкаться. Собственно, ее пребывание в этом прайде вряд ли принесет пользу, как считает дренгир... Она как-то резко и точно поняла: слишком много противостояния; ей мира и спокойствия не будет, если она решит остаться.

«Ах, Алмар... Не судьба... ну и пусть», — подумала Юласси, пока Эллази разражалась вовсю довольством и злобой.

— Да, уходи завтра же! Время уже истекло!

Ощувив себя чужой и бесполезной, Юласси молча ушла, бросив взгляд на них: недобрую и косную Эллази, которая уже считала себя победившей; Беату, которая после каждого сказанного предложения смотрела на Эллази, стараясь найти одобрение; Амарель, которую одолевали сложные, смешанные чувства.

Перед сном Юласси-шамани подошла к дренгире Тамалу.

— Пусть Тамалу не беспокоится и не делает завтра общий сбор.

— Почему же? Ты передумала? — в его голосе звучали нотки испуга и тревоги.

— Вовсе нет. Мне нравится ваш прайд; в нем я чувую общую силу и единение. Но некоторые не примут меня никогда. Ваши шамани в странном заблуждении относительно моей скромной персоны. Я не смогла их убедить, что не желаю зла. Я вполне готова найти с ними общий язык. Но они никогда меня не примут.

— Я им головы отгрызу! Кто они такие, в конце концов?! — разъярился дренгир. Ведь Юласси нужна ему!

— Не надо отгрызать никому головы, Тамалу. Особенно Амарель. Пусть лев обратит на нее внимание; она хоть и не знает некоторых вещей, которые знаю я, но умна и хорошо знает свое дело.

— Какое дело? — не понял он.

— Умеет лечить.

— Этого мало. Союз стал великим в свое время благодаря шамани. И вовсе не благодаря тому, что те умели хорошо лечить, а потому, что были такие, как ты.

— Лев...

— Слушать не хочу. Иди спать. Завтра будет общий сбор, и ты должна войти во прайд Иллари. Я сделаю всё для этого.

«Посмотрим», — подумала она. Пожелав друг другу спокойной ночи, они разошлись. Юласси хотела найти Алмара, и нашла его: он мирно спал вместе с несколькими львами на западных скалах, которые здесь называют Большими. Она хотела провести с ним оставшееся время, но тот устал за день и пребывал в глубоком сне. Не тревожа его, Юласси улеглась рядом и вскоре уснула без особых мыслей и чувств.

Утром он ее нежно возвращал в мир. Юласси уже пробудилась, но продолжала лежать, закрыв глаза — пусть возвращает, еще, еще немного...

— Юласси, вставай, — молвил он на ухо и снова лизнул ее щеку.

— Ммммм...

— Уже общий сбор. Тебе нельзя опоздать, — объяснил он причину своей настойчивости.

Юласси приподнялась. Солнце уже высоко!

— Я так долго спала? — искренне удивилась Юласси. У нее ведь привычка подниматься с рассветом.

— Не хотел тебя будить, — оправдался Алмар, — но уже время. Пошли.

Сон сняло, как лапой, и Юласси вскоре переминалась с лапы на лапу возле каменных столбов, где очень большим полукругом собрались все, кто только мог. Юласси скромно стала в сторонке вместе с Алмаром; рядом волею случая оказался уже старый знакомый Валран.

— О, Юласси! Доброе утро, — весело молвил он.

— И для тебя доброе. Ну, что здесь?

По всему видно — он очень рад ее видеть. Время от времени Валран бросал взгляды на Алмара; Юласси уловила — это скрытое еще, тихое, но уже соперничество меж двумя самцами. «Эх, остаться бы», — еще раз подумала она.

— Тех, кто хочет тебя видеть в нашем прайде, намного больше, чем тех, кто пока упирается в глупые старые традиции, — улыбнулся он. — Несколько голов против, но, думаю, после обсуждения они сдадутся. Для этого дренгир сделал очень многое. Он очень многое сделал для того, чтобы всех убедить...

— Я этого не знала, — призналась Юласси. — А что за обсуждение?

— Увидишь. Сначала будем отдавать голоса. Потом будет обсуждение. Потом можно еще раз голосовать. Третий раз уже нельзя.

Юласси также узнала, что дренгир очень сильно поругался с Эллази и Беатой; что прайд разделился на две неравновесные части: одна — большая, это те, кто за Юласси; вторая — совсем маленькая, это Эллази, Беата и несколько их родственников, а также Найриш. Но этой небольшой части было вполне достаточно, чтобы испортить все планы Тамалу. Услышав, что Найриш против, Алмар молвил:

— Я пойду, с ним поговорю, — и ушел.

Валран тронул Юласси лапой:

— Я думаю, тебе нужно пойти к дренгиру...

Тут же в подтверждение его слов к шамани подошла Амалса, прошептав на ухо:

— Не стой здесь, иди в центр. Ведь это ради тебя.

Она приободряющее подмигнула, считая, что Юласси робеет и боится. На самом деле она не боялась ничего, просто не знала, что делать; лишь грусть была в ее сердце, ведь лишь считанные мгновения оставались до ухода, в необходимости коего сомнений не оставалось. Как это всегда бывает с запрещенным и недоступным, очень захотелось остаться. Она успела полюбить прайд Иллари.

Юласси села около дренгира, который уже начал вступительную речь. Снова представив всем Юласси, он начал всячески ее расхваливать: отличная охотница, отличная шамани, отличная львица. Делал упор на старую традицию принятия «свежей крови» в прайд. Намекнул, что она ему нужна как дренгиру. Заметил, что Юласси может «помогать шамани прайда Иллари» и может лечить всех, кто в этом будет нуждаться.

После этой речи Тамалу молвил:

— Итак, давайте примем решение. Кто за то, чтобы львица Юласси стала частью нашего прайда?

Она, признаться, заволновалась.

Прайд разделился на несколько частей. Те, что были за, двинулись на правую сторону. Небольшая группа тех, кто против — налево. Никуда не ушли те, кто решил ничего не высказывать. В этом случае считалось, будто их в прайде нету: решение принималось без них; быть посередине, ничего не высказывать вообще-то было дурным тоном, воспринималось не как знак мудрости, а наоборот — недалекости и трусости. Посередине не побоялись остаться Амарель и некая старая львица, которую Юласси не знала по имени, но вместе с нею нянчила малышкой. Слева были Эллази, Беата, Найриш, остальных же четверых Юласси не знала. Почему-то не было Малу. Удивительно, но там Юласси не видела родственников Мариэль; они, наверное, стыдились поступка своей дочери. Это много меньше правой части, где около пятидесяти голов, но вполне достаточно для того, чтобы не дать Юласси войти во прайд.

Выждав для верности, дренгир громко молвил:

— Я вижу, что левая группа весьма большая... Если так, то Юласси не может войти в наш прайд. Я бы очень хотел узнать, почему же? Я, ваш дренгир Тамалу, глубоко убежден, что Юласси следует войти в наш прайд. Говорите.

Вопреки ожиданиям шамани, сначала высказались незнакомые львы и львицы:

— Мы ее не знаем!

— Слишком уж спешно оно всё!

Дренгир добавил:

— Смею заметить, что те, кто сейчас на длинной охоте, все высказались «за». Они даже не знали Юласси, но поверили мне на слово, что она достойная львица. А вот вы отчего мне не верите?

Хороший вопрос. Те засомневались и предпочли промолчать.

— Малу не мог проголосовать «за», — наконец, вышла вперед Эллази. — Этого не может быть!

Гримаса истинного презрения исказила Тамалу.

— Ты хочешь уличить меня во лжи? Или наших посыльных?

— Нет, ни в коем случае, — поспешила оправдаться Эллази.

— Тогда уж поверь на слово.

Кто-то засмеялся среди общего молчания, да так весело, что Юласси еле удержалась от смешка.

— Я львица прайда Иллари и его главная шамани. Хочу сказать, что...

И понеслась. Юласси узнала про себя много: она как-то подозрительно быстро втерлась всем в доверие; непонятно почему это вдруг чужая, привыкшая к свободе, вдруг хочет в прайд; непонятно, что она за шамани, ведь в Морлае всякие бывают, хорошие и не очень; а ее способности определенно не идут от хорошего источника, в чем Эллази безусловно уверена; и шамани прайда Иллари отнюдь не нужны такие ученицы, как она.

Признаться, говорила она хорошо, толково, без выпадов и грубостей. Никто ее не перебивал.

— Что ж. Таково твое мнение, Эллази. Но хочу заметить, что ты неправа. У тебя много предубеждений и странных мыслей.

— Если дренгир так считает, то пусть. Но я никогда не дам своего согласия. Я имею на это право как часть нашего прайда, — Эллази гордо удалилась в ряды.

Тамалу вздохнул; Аралса, стоящая рядом с ним, не скрывала своего крайнего недовольства и презрения к Эллази. Она-то знала, что истинная суть протеста Эллази — зависть и страх утратить свое положение. Но оно и так было не слишком за-видным: никто ее особо не уважал.

— Юласси, ты хочешь что-нибудь сказать? Можешь говорить, — обратился к ней Тамалу.

Это застало шамани врасплох; но следовало молвить небольшую речь в свою защиту. Пусть ее запомнят достойно уходящей. Она вышла совсем вперед, прямо в центр, что вызвало волну тишины и любопытства. Было очень неловко из-за множества глаз, устремленных на тебя. Но шамани умеют справляться со многими вещами, и вот уже Юласси негромко говорила свою немного несвязную, но искреннюю речь:

— Я о Союзе слышала еще в Морлае, и всё, что я слышала, мне нравилось. И вот, путешествуя по Большому миру, волею случая я попала во прайд Иллари. Мне он понравился... Вы дружны, смелы, у вас много жизни... Я тут много чего нашла. Но не хочу быть тяжестью, обузой и раздором для вас всех. Я понимаю, что невозможно убедить того, кто твердо стоит на своем. Юласси могла бы прислужиться прайду Иллари, но если в прайде нету согласия насчет нее, то ей следует уйти. Кстати, никакой особой тайны из своих нехитрых знаний я не делаю — моя наставница показала в свое время несколько простеньких вещей, а ваша шамани Эллази превратила это в нечто страшное, злобное и великое. Это не так... Не знаю, что еще сказать, потому на этом и закончу.

Юласси молча ушла назад и спокойно села за спиной дренгира, уже зная наперед свою участь.

Тамалу дал слово еще нескольким львам и львицам из правой группы. Суть их речей была простой: Юласси «хорошая, интересная и очень необычная» львица, которую они хотят видеть в прайде, но поскольку есть те, кто против, то, видимо, не судьба...

На этом обсуждение подошло к своему концу, дальше разговоры были бессмысленны. Тамалу собрал всех назад в общую толпу, потом тяжело сказал:

— Давайте определимся еще раз. Может, кто-то изменил мнение.

И снова прайд разделился. Посередке теперь осталась только Амарель. С левой группы исчез Найриш — видимо, Алмар таки с ним поговорил. Больше никаких изменений не было.

— Как жаль! — молвила громко Аралса, не тая чувств в себе.

Тамалу обернулся и начать говорить так, будто вокруг никого не было, кроме него и Юласси, но громко и ясно, чтобы слышали остальные:

— Юласси, прайд не может принять тебя. Может, оно и к лучшему... Нет смысла тебе оставаться в таком прайде. Не храни на нас обид.

— Хорошо. Прощайте все, — с готовностью ответила она, раздумывая, как лучше всего попрощаться с Алмаром. Какая же нелепость! Ведь она говорила ему, что останется... Ну зачем? Зачем же было давать себе и ему это глупое обещание, которое теперь будет их мучить длинными вечерами? Краем чуткого уха она уловила слова: «Так не должно быть». Кому они принадлежали, сказать не могла.

Ну пусть так... Юласси собралась, посмотрела вдаль и сделала несколько решительных шагов навстречу прайду, чтобы найти там Алмара, поцеловать, а потом просто отправиться в Большой мир.

Все провожали ее взглядом.

Находить Алмара не пришлось — он уже шел ей навстречу, решительный и серьезный. Юласси не знала и не могла ощутить, на что он решился и что задумал.

«Верно, хочет попрощаться... Ну и ладно, пусть все видят, пусть...», — подумала она, тоскуя.

— Прощай, Алмар, — сказала Юласси и вся подалась к нему, чтобы запомнить.

Но тот вместо прощания обнял лапой спрятавшуюся в гриве Юласси и громко сказал:

— Стой. Ты никуда не уйдешь!

— Но я... — изумленная Юласси хотела возразить, что не может остаться.

— Почему прайд вынужден слушаться кучки глупцов? Ты хочешь остаться в прайде? Так ведь, Юласси?

— Но...

— Скажи же!

— Да, но...

— Посмотри, сколько же тех, кто хочет тебя в нем видеть! Дренгир за тебя! Не слушайте их! Эллази и Беата просто две глупые твари, которые завидуют тебе! Мы не должны упустить Юласси!

— Да как ты смеешь?! — разъярилась Эллази.

— Это я-то глупая? — вспыхнула Беата.

— Молчать! — зарычал Алмар.

Поднялся шум и суматоха. Кто-то одобрял сказанное Алмаром, кто-то говорил о бардаке и беспорядке, кто-то говорил, что законы строги, но они законы и прочее и прочее.

Юласси слегка попыталась высвободиться от его хватки, чтобы стать возле него, кроме того, ей не хватало воздуха от его сильного объятия, но Алмар не отпустил, словно боялся, что она убежит.

Наконец, Тамалу не выдержал всего этого и зарычал. Снова воцарилась тишина.

— Алмар, я понимаю. Но таковы законы... — без особого энтузиазма молвил он.

— Она тебе небезразлична, понимаю... Воля прайда такова... — добавила Амалса.

— Прайда? Вот весь прайд! — он махнул лапой, указав на сторонников Юласси. — Мы не должны слушать Эллази и Беату, мой дренгир! Всех остальных они просто подбили против. Ведь это их родня! Это же очевидно!

— Они — тоже наш прайд, — неуверенно отвечал Тамалу, стараясь быть хорошим и последовательным дренгиром, который следует строгости и порядку.

Алмар смотрел только на дренгира; все его движения и слова были настолько уверенны и резки, что Юласси было одновременно страшно и хорошо у него на груди.

— Дренгир же сам говорил, как нужна нам Юласси, как он хочет видеть ее в прайде. Дренгир ведь сам говорил, что Эллази и Беата бестолковые и глупые! — зло говорил он. — Ведь были такие слова. Пусть же все знают: если прайд пойдет за Эллази, которая только и знает, что лепить интриги, то я уйду! Лучше умереть в Большом мире, нежели жить в прайде, где происходят такие вещи!

— Алмар, не надо, что ты делаешь... — тихо молвила Юласси.

Это было очень смелое заявление с его стороны, даже слишком.

— Таков закон, Алмар! — серьезно ответил какой-то лев.

— Но он прав! Ведь это просто чушь — не впускать Юласси только потому, что Эллази этого не хочет! — это сказала Млиррана.

— Беата...

— Да у нее вообще своей головы нету, кто еще этого не знает за столько лет?

— Эй! — снова возмутилась Беата.

— Закон...

— Законы были придуманы нами же!

— Не нами, а нашими предками...

— Неважно! Ты что, не потомок своих предков?

— Хватит ерунды! Оставьте Юласси у нас! — смело выпрыгнул Алаас, но его тут же бесцеремонно оттащили, как несмышленное дитя.

Тамалу взволновался; только теперь он понял, нет, скорее даже не понял, а ощутил, насколько большие перемены происходят сейчас перед его глазами. Понимая, что ему сейчас нужны мудрость и находчивость, дренгир скреб когтями землю и размышлял, как лучше и правильней поступить. Он не придавал значения знакам и знамениям, но теперь судьба безжалостно бросала их в него, да так, что невозможно было от них увернуться. Стало понятно — Юласси быть в прайде, никак иначе.

— Так, прекратить ссоры! — молвил он, решившись. Все оставили споры и начали внимать дренгиру. — Ситуация сложная. Алмар, не нужно никуда уходить.

Тот, наконец, отпустил Юласси из своих объятий на свободу и пошел ко своим. Шамани провожала его взглядом, чувствуя те особые удовольствие и благодарность львицы, которую защитил лев. «Ну и суматоху я подняла», — подумала она, пугаясь самой себя.

— Нет никакой сложности, мой дренгир! Ты должен поступить по закону, — Эллази отнюдь не собиралась сдаваться; она вышла вперед, став недалеко от Юласси.

— Мы пока не принимаем ее в прайд. Она просто останется еще на некоторое время, — спокойно ответил Тамалу.

Юласси ощутила нервность Эллази и некое странное чувство, больше всего похожее на обиду.

— Но ее гостевое право закончилось! Три дня истекло! — и она с истой ненавистью посмотрела на Юласси. Шамани даже ощутила холодную волну по груди; но ей это нипочем, она сама может подарить такой взгляд, что Эллази от него станет худо, если не еще хуже.

— Придется ей остаться уже не как гостье, а как участнику... разбирательства, — нашелся дренгир. Он знал, что нужно напустить туман слов: — Тут особый случай, который нуждается во всяческом рассмотрении. Да и к тому же, она может просто выйти за границы, потом снова войти, и закон не будет нарушен — снова пойдет счет трем дням.

— Я всё поняла... — как-то обреченно молвила Эллази, прижав уши. — Всё поняла!

— Эллази, возможно, тут были сказаны для тебя несправедливые грубости. С этим я разберусь. Я хочу, чтобы ты прислушалась ко прайду и моему мнению, поскольку дело особенное и очень важное.

— Я не нужна тебе больше, дренгир, так ведь? — горько молвила она.

— Не говори такого. Это неправда.

Эллази фальшиво рассмеялась.

— Тогда что же такого особенного и важного в этой львице, что дренгир не чтит закон?

— Я чту закон... У нее есть способности, есть то, что принесет пользу прайду, — вздохнул он.

Всё же она была львицей прайда, понимал Тамалу, и не стоило совсем уж обижать ее невниманием и равнодушием. Да, она всегда была странной и одержимой всякими глупостями, коими пичкала всех вокруг, но она — часть прайда, и, в конце концов, тоже может избавить от головной боли, если надо.

— Так, сбор окончен... — громко огласил Тамалу, но жестами показал, что Юласси и Эллази должны остаться, что они и сделали. Остальные разошлись, всю занятые обсуждениями. — Слушай, чего ты, в самом деле? Может, просто помирись наконец? И на этом всё кончится. Давай начистоту поговорим. Чего ты не любишь ее?

— А почему я должна? — подняв голову, спросила Эллази. — Она решила тебя обмануть, мой дренгир. Тебя, меня, всех.

Юласси сидела молча.

— Как обмануть, Эллази? В чем? Скажи же мне, может, я чего не знаю.

— Ее силы не от добра. Ее возможности — не ее, а злых духов, которые ей помогают.

— Каких злых духов, Эллази? Ты что, видела их? Что за духи?

— Я видела, — уверенно сказала она.

Но дренгир лишь ухмыльнулся:

— А я не видел, Эллази.

— Ты и не можешь. Ты не шамани.

— Разве есть какие-то злые духи, Юласси? Что это? — обратился лев к ней.

— Если Эллази очень в них поверит, то они для нее будут, — серьезно ответила Юласси, подразумевая только это и ничто иное.

— Вот скажи, разве она причинила нечто плохое для любого из нас? — Тамалу не бросал надежды убедить Эллази.

— Да уж, не так она глупа, чтобы сразу это делать... А эта история с Мариэль? В ней же всё нечисто! Подумай сам: как она могла сбросить Ланшану со скалы?

— Ланшана говорит, что ее сбросили, и это так. Найриш во многом подтвердил слова Мариэль. Это правда. Я догадывался, что это кто-то из них, разве что не знал, кто именно. Теперь благодаря Юласси я узнал это! Вот оно, Эллази, вот...

— Она просто повлияла на нее! — оскалилась Эллази.

— Зачем мне это, Эллази? Зачем... Подумай же сама... Смысла нет в твоих словах... — Юласси не пыталась защититься, нечего шамани в себе защищать, просто та говорила уж полную ерунду.

— Ты, наверное, из тех, кто ворует детей! Ты не думай, что я совсем глупа! Знаю я таких, знаю!

Юласси грустно улыбнулась:

— Неужели я похожа на такую шамани?.. Если бы я хотела украсть львенка, то давно сделала бы это, а не играла с детьми полдня напролет.

— Зачем львице воровать львенка, что за глупости? — ухватился Тамалу за эту, на его взгляд, явную несуразицу.

— Такое есть, мой дренгир! Поверь мне! — Эллази махнула хвостом и подняла пыль лапой в чувстве своей правоты.

Для справедливости Юласси заметила:

— Да, Тамалу, такое может быть. Объясни же ему, Эллази, зачем некоторые шамани воруют детей.

— Откуда я знаю, зачем. Своих не могут иметь! — фыркнула Эллази, не желая что-то объяснять, поскольку сама не знала, зачем.

— Ах, нет же... Всё гораздо страшнее. Они убивают их, чтобы получить таким страшным путем много силы...

Тамалу почесал за ухом от удивления, Эллази была тоже весьма обескуражена. А Юласси продолжила:

— Но такую шамани, как правило, почти любой увидит за сотню прыжков: от нее веет холодом и страхом, отчего они умирают в безумии совсем молодыми... Либо же им нужно хорошо прятаться. Но я не о том. Эллази, знаешь, я бы ушла с прайда, чтобы не мучить его, хотя мне здесь нравится. И если совсем искренне, — Юласси приложила лапу к сердцу, чтобы ей было больше веры, — осталась я лишь потому, что Алмар сказал мне: «Стой!». Я... влюбилась в него и не смогла ослушаться.

Эллази всё темнела и темнела, и Юласси уже ждала вспышку ярости.

— Алмар — пара для Амарель. Вот, ты забрала его у нее. Теперь она не найдет себе места! И зачем ты это сделала? Зачем?

— Я не выбираю, он выбирает, — вздохнула Юласси.

— Всё это только слова... За всем этим — умысел, только не знаю, какой. Но я узнаю! — пообещала Эллази.

— Нету никакого умысла. Эллази... Давай поговорим с глазу на глаз. Я расскажу тебе правду. Расскажу, почему дренгир решил меня оставить и почему же я владею своими небольшими силами, — Юласси решила действовать прямо и бесхитростно, пойти на риск, рассказав всю правду о них самих и шамани вообще, решила принять ответственность за такое решение...

Только никому это решение не понадобилось.

— Да, нашла кого обмануть. Не выйдет. К гиене тебя и твою ложь, — бросила Эллази и удалилась, снова подняв пыль земли лапой.

Остались дренгир и Юласси.

— Извини, — только и сказал он.

— Я понимаю ее.

В заботах и раздумьях миновал этот день. Юласси снова пошла на вечернюю охоту вместе со всеми, не находя себе занятия и места. Она не знала, что когда она уже далеко в саванне быстро следовала за Амалсой, за Большими скалами случайно-намеренно встретились Алмар и Амарель. Для него это была случайность, для нее — намеренность, поскольку она искала этой встречи, но сделала всё, чтобы она казалась мимолетной и непреднамеренной.

— Ты встал сегодня на ее защиту...

— Да, — уверенно сказал он.

— Почему же?

— А ты что, против нее?

— Нет, я бы так не сказала.

— Тогда почему спрашиваешь? — ответил Алмар. Но в нем зашевелилась жалость и доброта, собственные слова показались чересчур грубыми. Он знал ее хорошо, эту свою первую любовь, знал хорошо характер и повадки; по прошествии времени понимал, что она не та, кто ему нужна. Но всё же Алмар любил ее той частью души, где навсегда живет память о тех, кого мы когда-то любили.

Алмар не хотел причинить Амарели страданий и зла, а потому смягчился.

— Но она же чужая, совсем чужая... Почему, Алмар? — спросила она полным тоски голосом.

— Я не знаю, Амарели. Но это так.

Она молча сидела, закрыв глаза, ощущая, как медленно из сердца уходит надежда, оставляя после себя много темноты и печали.

Алмар лизнул ее щеку и шепнул на ухо:

— Прости... Буду правдив. С этим я не могу ничего поделать. Не печалься, а найди свое.

И ушел. Амарель даже и не знала, сколько так просидела. «Ну и пусть уходит... Всё, пусть себе идет к ней, и больше не возвращается! Всё!», — твердо решила она, решительно пошла прочь с этого места, лишь только две слезы вдруг решили ее предать. Но ничего — они быстро истерты, и Амарель снова приобрела свой серьезный и благородный вид, как и ее предки, славный род Асмаллари, который так трагично и неожиданно прервался восемь лет назад со смертью отца и его двух братьев, в последней, глупой и кровавой стычке со львами-северняками.

«Будь я нравом полегче, уже бы его и забыла», — думала она, а лапы несли ее к водопою. Амарель желала лишь попить воды, но потом душу потянуло на странствия, и она долго бродила вдоль ручья, а потом пошла на Холмы дождя, как их здесь называли, потому что в дождь их верхушки касались тяжелых облаков; иногда она давала волю чувствам, но осторожно, осмотревшись по сторонам, чтобы никто не увидел... Иногда смотрела во воду ручья, где вода поспокойней, чтобы приглядеться к себе: «Может, я просто некрасива?». Всматривалась и не могла себе определенно ответить; может, красива, может и нет. «Ладно, пусть другие судят», — и бросала это занятие. Луна сияла вовсю, чтобы Амарель могла видеть, куда идти; звезды помогали ей в этом, но слабо. Иногда ненастоящая шамани прайда Иллари останавливалась и думала: «Отчего же они на небе? Зачем же они светят каждую ночь? И что это за белая полоса, которая тянется вдоль? Эллази говорит, что это небесные духи. Но кто знает наверняка...», — неслышно говорила себе самой честная Амарель. — «Может, Юласси знает? Мало ли чего там говорят в Морлае... Хотя, нет. Нет! Этого еще не хватало — у нее спрашивать».

Потом она бросала и это бессмысленное занятие.

Когда Амарель вернулась в прайд, чтобы прилечь рядом со своей мамой и предаться сну, то остановилась возле Юласси и Алмара. Оба они во сне покоились рядом, а их головы и мордочки были настолько близко, что не оставалось никаких сомнений, и они словно не дышали воздухом мира, а друг другом.

Амарель долго стояла над ними, не в силах ни уйти, ни что-либо сделать. Подумала: «Вот взять и удушить обоих, и не будет у них радости, и их самих не будет, а я — буду. Нет, не удушишь сразу двоих... Отравить... Чем? Ну известно, чем. Строфантом. Действует быстро и надежно, как ничто другое. Проклятье, о чем же это я думаю... Как низка ревность и зависть, фу!». Удивившись самой себе, Амарель приставила лапу к глазам от стыда за эти мысли. Внезапно справа подул слабый холодный ветер, словно из глубокой пещеры; Амарель даже обернулась в ту сторону. Никакого ветра на самом деле не было, ей показалось. Для верности махнула лапой, лизнула нос. Нет, никакого холода нет, ветра тоже, справа никого и ничего нет... Посмотрев туда на мгновение больше, чем это обычно бывает, Амарель вконец смирилась со судьбой и пошла спать. Утро вечера мудренее.

Поутру дренгир узнал, что Беата и Эллази куда-то ушли. Потом быстро выяснилось, что не просто куда-то, а в Хартланд — сообщить конунгу о своеволии дренгира Тамалу, который не обращает внимания на законы. Это дренгиру сообщила сестра Беаты.

— Мы спасем свой прайд, — молвила Эллази Беате, та согласно кивнула. Хотели взять вместе с собой Амарель, но та проявила упорство и отказалась, за что получила тяжелые слова от Эллази:

— Мы думали, ты уже взрослая и умная, а ты еще глупый ребенок!

— Всегда знала, что с тебя большого толку не будет! — и себе вставила Беата.

Но Амарель не имела никакого настроения для путешествия, ей было всё равно. А к наставницам она и так особого уважения не питала, по крови своего рода будучи независимой и умной.

В свою очередь львы и львицы прайда, обсудив эту новость, решили, что поддержат дренгира, а там будь что будет.

Тамалу отнюдь не огорчился от такого поворота событий. Напротив, был даже рад. Если они расскажут конунгу всё как есть, то тот несомненно поймет, что к чему. Дренгир знал, что Кигали сам активно ищет себе шамани в Хартланд, он поймет Тамалу лучше всех и всячески посодействует. «Лишь бы они ему лишнего не наговорили», — довольно думал дренгир Иллари. Проблема начинала решаться сама собой. Этими соображениями он поделился с Юласси; та заметила, что всё верно, но в любом случае с Эллази и Беатой ужиться будет трудно, как ни крути.

Беата и Эллази без отдыха шли целый день, даже в полдень, отчего изрядно устали. Удивительно, но уже вечером они пришли в Хартланд.

Конунг в этот вечер сидел вместе со своим помощником, решая дела, которые требовали его внимания. Не желая сидеть внутри пещеры, коих он не любил, разместился около нее. Внутри пещеры спали его львица и дочь, а где был сын — он не знал. Больше рядом никого не было: на скалу конунга редко кто заглядывает без спроса. Небо облачное, предвещаая ранний дождевой сезон, отчего настроение у Кигали не ахти.

— Разведчицы Хлаалу говорят, что на западе снова объявились гунналы.

— Это когда стало известно? Почему мне лично не сказали? — всполошился конунг.

— Сегодня прибежала посыльная. Мой конунг просил его не беспокоить днем, а потому...

— ...а потому тебя стоит скормить крокодилам, мой друг.

— Мой конунг да простит.

— Ладно. Что там? Где посыльная?

— Отдыхает. Позвать?

Конунг махнул лапой.

— Нет... А какая именно пришла? Шаласса или Сэрмалла?

— Не знаю, не помню их по именам... — помощник сжался и уменьшился в размере. Но обошлось.

— Вот еще одна причина скормить тебя крокодилам. Так, давай конкретно о гунналах.

— Подробностей нет. Это хлаальцы узнали от знакомых свободных. Они медленно движутся с юга на север, — с готовностью доложил помощник.

Немного подумав, Кигали молвил:

— Значит, они идут на тот самый прайд Венгари. Мда, и всё это у нас под боком... Нехорошо!

— Это те, о коих упоминал Таар? Получается, это совсем недалеко от прайда Юнити.

— Да, — кивнул конунг. — Наверное, гунналы идут на Венгари для боя.

— Зачем? — недоуменно спросил помощник.

— Не знаю. Может, у них между собой вражда. О гунналах мало что было слышно последние годы, а венгарицы так вообще появились совсем недавно. Всё это мне не нравится.

— Мне тоже, мой конунг. Что будем делать?

— Пока ничего... Пусть наблюдают. Наверное, вскоре нужно будет готовиться к возвращению наших старых знакомых. Я уже знаю, что у них новый, ретивый правитель Адилу, и энтузиазма у него хоть отбавляй. Ничего. Отбавим. Впрочем, я завтра сам с посыльной поговорю.

Поняв, что эта тема закрыта, помощник перешел к следующей:

— В прайде Регноран большой скандал.

— Очень удивлюсь, если они проживут хотя бы сезон без приключений. Что теперь? — конунг играл с камушком на земле.

— Один из львов прайда вдруг начал среди ночи орать похабщину, приставать к одной из львиц. Его хотели успокоить, и он ударил одного из ярлов...

— Позорище какое, — скривился Кигали.

Послышался мягкий шелест быстрого бега.

— Мой конунг! — быстро и ловко взобравшись по знакомым камням, пред Кигали и его помощником предстала одна из львиц. — Пришли из прайда Иллари!

— Аааа... Ну пусть посыльная ждет до завтра, пусть отдохнет, если ничего срочного, — равнодушно махнул он лапой.

Но львица отрицательно покачала головой.

— Это не посыльная. Это две шамани прайда. Они желают видеть только конунга лично, — многозначительно заметила она.

Кигали с помощником переглянулись. Что могло случиться в прайде, если две львицы сами пришли в Хартланд? Это интересно.

— Что ж. Зови.

Мгновение, и перед конунгом Эллази делает глубокий поклон. Беату она предусмотрительно не взяла с собой, а отправила ее к двоюродной сестре, которая здесь жила.

Кигали с любопытством спросил:

— Что привело тебя? Да, напomini мне свое имя.

— Меня зовут Эллази, я шамани прайда Иллари.

— Ах да, Эллази... Помню, помню. Извини, просто эта голова забывает множество имен. Слушаю тебя.

Эллази быстро, не жалея черных красок, рассказала о Юласси и о том, что дренгир вовсе не желает слушать ту часть прайда, которая говорит свое решительное «нет». Тем самым, дренгир нарушает закон и обижает их, шамани, которые уже много лет правдой служат прайду Иллари и Союзу. По мере ее рассказа Кигали всё больше и больше удивлялся; потом, когда она закончила, перво-наперво отправил прочь своего помощника.

— Так что прошу у конунга защиты и поддержки, потому что это совсем никуда не годится.

Кигали долго почесывал подбородок внешней стороной большой лапы.

— Дело это серьезное и важное, потому его нужно всячески рассмотреть. Ты согласна?

— Непременно согласна, мой конунг, — слегка поклонилась Эллази, выражая подчинение.

— То, что дренгир Тамалу не обращает внимания на ваше мнение, безусловно заслуживает порицания. Но почему же дренгир и прайд так поддерживает эту Юласси? Кстати, и сколько тех, кто говорит «нет»?

— Она всех обманывает. Она связалась с темными силами, на всех влияет и очень опасна. Ну а нас, гм... семь. Да, верно, семь.

— Немало.

— Немало, мой конунг, — вторила ему Эллази.

— Она не сможет войти в прайд. Три голоса против — это уже никаких шансов. А тут целых семь. Ведь мы с тобою знаем: только весь прайд может принять кого-либо в прайд Союза. Либо же конунг лично. А я ее принимать пока не собираюсь, — ухмыльнулся Кигали.

— Именно, именно, — с готовностью кивала Эллази.

— Я сейчас же отправлю посыльную во твой прайд, чтобы Тамалу объяснил, что происходит. Ну, а за нарушение гостевого права он, несомненно, будет наказан. И будь уверена, что вскоре я лично приду в прайд Иллари. Так что не волнуйся. Теперь же, если хочешь, иди назад домой, а хочешь — оставайся.

— Я завтра же утром пойду домой. Не могу надолго бросать свой прайд.

— Благодарю тебя за преданность.

Эллази снова глубоко поклонилась и пошла прочь. Конунг сидел со странной улыбкой, временами с энтузиазмом топая лапой по земле. Наконец, топнув посильнее, сказал сам себе:

— Нет, не обманула! Таки правда! Таки правда...

Он всё отлично понял.

Теперь следовало получше всё разузнать у самого Тамалу. Конунгу тут же захотелось самому отправиться в прайд Иллари завтра же, но это невозможно: завтра его ждут другие дела. Потому он тут же, лично, пошел искать посыльных, не ожидая прихода помощников.

— Ахмая, иди-ка сюда, — позвал он первую же посыльную, которая попала на глаза.

— Да, мой конунг? — скромная молодая львица, высокая, с длинными лапами и еще более длинным хвостом, тут же подошла к нему. Ростом она почти что вровень Кигали, а на некоторых львов вообще смотрела сверху вниз, отчего ей трудно найти себе пару. Кроме того, слишком уж большие лапы считались некрасивой чертой, а у Ахмай — именно такие. Но зато львам нравился ее длинный хвост, с которым она могла сделать очень редкий трюк: взять и свободно укусить себя за него, что в детстве немало забавляло ее друзей.

— Ты покушала? Ничего не болит? Лапки не изранены? — конунг всегда с трепетом и нежностью относился к посыльным; его забота о них иногда приобретала забавные формы, но все они хорошо знали о его причудах, и принимали их как должное.

— Нет, мой конунг, всё хорошо. Лапки не изранены, я сыта и здорова.

— Тогда у нас будет дело. Беги в прайд Иллари и узнай всё у Тамалу о новой львице во прайде. Пусть расскажет всё. Спроси его, то ли это, что я думаю, или нет.

Хоть и молодая, но уже с опытом, Ахмая не стала задавать никаких вопросов, а желала лишь удостовериться, что хорошо всё запомнила:

— В прайд Иллари, к Тамалу, узнать всё о новой львице во прайде. Спросить, то ли это, что думает конунг, или нет. Пусть лучше всё расскажет мне.

— Да, — довольно молвил конунг.

— Когда идти?

— Сейчас, милая. Уладь свои дела и отправляйся.

— Как конунг скажет, — подчинилась Ахмая.

Зоркая и всеведущая Эллази уже успела разузнать, что львица, с которой только что говорил конунг — посыльная. Ей не терпелось узнать, с какой целью та пойдет в прайд, а потому, поймав момент, подошла к ней возле озера-вододея:

— Добрый вечер, сестра.

— Добрый, сестра. Ахмая, — тут же представилась она, имея большой опыт путешествий. Чтобы не тратить время зря, стоит сразу огласить свое имя.

— Эллази. Ты идешь в мой прайд? — осторожно спросила она.

— Да, — ответила та, спокойно лакая воду.

— Можно спросить, с чем ты туда идешь?

— С тем, чем и все посыльные. Сообщением.

— А каким, если не секрет?

Ответом был взгляд с недоумением и насмешкой. Секрет, конечно же секрет! Посыльные не могут ничего говорить. Что за бестактность? Ахмая равнодушно смолчала и отправилась в путь. Эллази ничего не оставалось, кроме как наблюдать, как та скрывается в траве.

Ранним утром она разбудила сонную Беату, и они отправились домой. По дороге Эллази всё думала, думала, думала...

— Всё это бесполезно... — вдруг молвила она.

— Что бесполезно? — испуганно спросила Беата.

— Тамалу наврет посыльной. Конунг ничего толком не узнает. А когда он придет лично, то дренгир с Юласси еще что-то придумают. Она что-то придумает... Она хитра...

— Они придумают? Юласси что, договорилась с Тамалу?

— Я не знаю, что думать. Может и так.

Немного помолчали.

— А может, ну ее? — робко спросила Беата. — В конце концов, пусть себе будет. Пусть живет. Она и так ничего плохого не сделала.

— Это пока не сделала, — оскалилась Эллази.

— Ну, когда сделает, то вот мы ее на этом и схватим. И всем всё будет понятно, — мудро заметила Беата, несмотря на скудный ум. — Отчего так не сделать?

Эллази остановилась, за нею остановилась Беата в нерешительности.

— Потом будет поздно! Она нас просто уберет... Мы будем никем, Беата, никем! Ты понимаешь? Никем! Тамалу только и знает: Юласси, Юласси, Юласси. Больше ни о чем не думает. Юласси то, Юласси это! Проклятье, ненавижу! — и она зарычала от досады и обиды.

— Да пусть. Это пройдет, наверное... — мирно сказала Беата, созерцая небо. — Зачем все эти ссоры? Ну шакал с ней, с этой Юласси, раз так хочет быть в прайде, то пусть будет...

«Дети меня уже, верно, заждались», — размышляла Беата. Ей действительно надоели все эти приключения; никакого интереса к изгнанию Юласси из прайда она больше не испытывала. В мире есть более интересные и нужные дела.

— Беата, какая же ты... — Эллази хотела сказать «глупая», но сдержалась. — Ты слишком добрая. Она начнет расправляться с нами. По одному. Ей же помогает само зло, она сама — истинное зло. Видела ли ты ее глаза?

— Видела, — испуганно кивнула Беата.

— У нормальной львицы таких глаз быть не может. Не может! Они горят и переливаются, это же жуть... Смотришь и видишь одну темень, черноту. Ужас!

Беата притихла, подобрала хвост поближе и не желала больше говорить, боясь сказать еще какую глупость. «Попробуй тут разберись», — подумала она. Эллази впала в ярость, расхаживала перед ней кругами и взывала то к небу, то к горизонту. Спустя некоторое время они пошли дальше.

Смутные мысли терзали Эллази. «Брать ее нужно хитростью и коварством, как и она сама... Беспощадной хитростью и коварством...». Рождался план, медленно, но верно, обрастал мелочами и деталями. «Нужно быть осторожной с нею: она умна, у нее чутье, ошибаться нельзя... Если бы можно было просто ее убить! Но

не выйдет, она всё учует. Да и будет ясно, что это моих лап дело... Нет, нет... Хитрее, хитрее...».

Эллази со сомнением смотрела на свою подругу. Та, не зная как угодить Эллази, лишь только слабо улыбалась. «Нет, Беата глупа. К тому же мягка. Не сможет держать тайны, не имеет выдержки. Нет». Эллази решила ее в союзники не брать. О Малу и думать глупо. Амарель...

Да, именно! Амарель. То, что надо. Целеустремленная, серьезная. «Наверняка ненавидит Юласси из-за Алмара... А за него она жизнь отдаст и не подумает о себе. Да, она хороший союзник. Она, только она. Больше никто. Мы спасем свой прайд, она всё поймет, она примет мои мысли и план... Нужно убедить ее, надавить, подтолкнуть на край».

Эллази с неким вдохновением думала об Амарель; в конце концов, она ведь единственная, кто сможет продолжить их линию шамани, никак иначе. До этого Эллази не особо заботилась о продолжении линии, не особо ее интересовали собственные же ученики, она была занята собой; но теперь это было важнее всего на свете. Она, Эллази, не должна позволить этой Юласси всем заправлять, кто бы она ни была и какие знания не имела...

«А, действительно, откуда ее силы?», — со сомнением подумала Эллази, смотря на белейшие облака — предвестники будущих дождей. Она всем говорила о неких злых и темных силах, духах, но Эллази ведь знала, что никогда их не видела, и всё это лишь слова для чужих ушей. «Маловато мне рассказала Амааса о шамани из Морлая. Маловато вообще рассказала в свое время. Не всё, точно не всё...», — подумала она, вовсе не подозревая, насколько близка к истине. Но тут же позабыла об этом, а потому истина убежала прочь незамеченной.

Теперь главное, чтобы всё получилось.

Эллази болтала с Беатой на разные отвлеченные темы, а когда пришли, усталые и в дорожной пыли, то нечаянно первой встретили Аралсу. Хоть они и не слишком любили друг друга, но завели разговор:

— Добрый вечер.

— Добрый, — ответила Аралса. С легким сарказмом спросила: — Ну что, как поход?

Эллази сделала очень неопределенный жест.

— Эм... Пока я шла сюда, то немного подумала и пришла к выводу, что ей нужно дать... если не шанс... то по крайней мере, мы были слишком резки с нею.

Беата удивленно уставилась на подругу.

— Да, Беата, не смотри на меня так. Нам следует хорошо подумать и ничего не делать сгоряча.

Аралса в удивлении подняла бровь. Она была весьма поражена, причем приятно. Весьма неожиданно.

— Вот даже как. И что ж теперь?

— Нет, это отнюдь не значит, что я уже готова отдать за Юласси свой голос. Нет. Но я думаю, что стоит ей побыть в нашем прайде, если все так этого желают. А там посмотрим... — рассудительно говорила Эллази.

Потом тоже самое она сказала дренгиру.

— Эллази, ты серьезно? — изумился он.

— Да.

— Я очень рад, действительно. Я знал, что это у тебя перейдет.

Она улыбнулась.

— Сегодня утром, кстати, пришла посыльная из Хартланда. И она всё еще здесь. Теперь я смогу сообщить конунгу хорошие новости!

Расчет Тамалу полностью подтвердился — конунг всё понял. Это начало именно тех перемен, о которых говорила Анлиль. Тамалу через посыльную ответил, что это именно «то», о чем думает конунг, очень кратко рассказал о Юласси, приглашал скорее к себе и советовал как-нибудь взять с собой Анлиль. С этим он отправил Ахмаю назад в Хартланд.

Эллази не стала терять время и решимость. Она начала искать Амарель, но выяснилось, что та ушла на охоту. Эллази, хоть и очень устала, но решила ее дождаться.

Амарель равнодушно брела по траве рядом со сестрами по прайду; охота не имела успеха. И ладно... Те ни о чем ее не спрашивали. Некоторые вполголоса поговаривали, не есть ли ошибкой поддержка Юласси. Может действительно, пусть идет с миром, и будет покой...

— Ведь смотрите, что творится с Амарель, — и сочувственно кивали в ее сторону.

Но такие разговоры не находили особого развития: посудачили, посудачили, и на этом конец.

Она желала отвлечься. Ведь утром Алмар и Юласси куда-то ушли, и с того времени никто их не видел. Но охота особого удовольствия и отвлечения не доставила. «Ладно, всё забудь, просто живи дальше. Всё, хватит», — решила она, когда, наконец, прибрела вместе с охотницами в прайд.

— Там... в ручье... еще есть кусок с дневной. Если кто голоден, то кушайте, — сказал им Сагвар, заметив их поникший вид. — Что, совсем неудачно?

— Могло быть и лучше. Ну да ладно, день на день не приходится, — сказала Элза. Все тяжело легли у кустов акации на песочек возле водопоя, чтоб отдохнуть, а потом пойти к уже спящему прайду.

«Вскоре кигелия должна вызреть... Нужно будет взять немного на запас», — не помня себя, подумала Амарель. — «Дожди скоро. Интересно, как там Эллази с Беатой, чего добились в главном прайде?..». И только о них подумала, как тут появилась ее наставница, легка на помине.

— Ох, вижу ты устала, Амарели, — без приветствия начала Эллази.

— Эллази, наверное, тоже, — чуть улыбнулась Амарель, сникнув; улыбка истерлась с ее мордочки медленно и печально.

— Как охота? — дергала хвостом Эллази.

— Говорить, что плохо, нельзя, потому ничего не скажу.

— Всё ясно, — Эллази быстренько улыбнулась старой шутке.

— Скоро кигелию нужно будет искать. А львица говорила, чтобы дренгир дал нам, наконец, пещеру, чтобы мы могли хранить...

Эллази нетерпеливо перебила ее:

— Амарели, слушай сюда. У меня к тебе очень серьезный разговор.

— Да? Какой же? — спросила Амарель и настолько устало зевнула, что Эллази поняла — нужно всё отменить до завтрашнего утра. Сейчас разговора не выйдет.

Она тронула ученицу лапой:

— Завтра утром сразу иди ко мне. Сегодня мы слишком устали.

— Это верно...

— Только не забудь. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Амарель прикрыла глаза, собираясь лишь чуть подремать, а потом найти место получше (на песке спать нехорошо), но тут же уснула, забыв обо всем. День истощил ее тело и душу.

Утром она встала и нашла Эллази на Больших скалах — та любила отдыхать только там. Наставница тут же взяла ученицу подальше от прайда, от чужих ушей, в открытый мир. Эллази начала разговор со всякой ерунды; признаться, Амарель не думала, что услышит в этом разговоре что-то серьезное и стоящее особого внимания. «Поболтаем о том, какая Юласси плохая или что-то в этом роде, и на этом конец», — скучно думала Амарель, вполуха прислушиваясь к наставнице, которая всё рассказывала о путешествии в Хартланд.

— Кстати, почему ты не высказалась против Юласси? — спросила та.

— Да мне уже как-то... всё равно. Голосов против и так было достаточно, но, как видим, они ничего не дали, — заметила Амарель, расположившись сверху на огромном, старом стволе дерева, которое упало невесть сколько лет назад. Свесив лапы и хвост, она предалась лени — надоело идти.

— И что, оставить всё как есть? — Эллази старалась взбудоражить и разозлить ее, чтобы превратить в свою сторонницу и верную помощницу.

— Я не хочу противиться. Если прайд решил, что ему нужна Юласси — пусть так будет. И, по крайней мере, — задумчиво молвила Амарель, — она не самый плохой вариант. Да, она чужая и всё такое... но общение с нею не было в тягость, должна признаться.

Эллази несогласно трясла головой в ответ на каждое слово.

— Она украла у тебя Алмара, — дернув хвостом, сказала она по слогам.

Это огорчило Амарель: она потемнела и поникла от этого жестокого напоминания. Она на мгновение отвернулась, потом снова посмотрела на наставницу.

— Да, так есть. Но Алмар сам так решил. Он выбирал! Так что пусть...

— Нет, не пусть! Нет, не пусть!

— Хм, что же львица предлагает? — с преувеличенной веселостью и насмешкой спросила Амарель. — Что же я такого могу сделать, а?

— Не я, а мы с тобой можем сделать.

Амарель равнодушно махнула лапой. «К гиене всё это». Никакие планы не интересовали, сердце переполняло смиренное безразличие к судьбе, тем более что против Юласси всё обречено на провал, ибо ее будет сложно обмануть или застать врасплох.

— Слушай же сюда... — сказала Эллази, не отрывая от нее взгляда, и тихо начала рассказывать. Амарель из вежливости подняла ухо, но продолжала с равнодушием и отрешенностью смотреть вдаль. У ее наставницы всегда находились всякие очень ценные идеи, всегда крайне важные и очень большой величины. Эллази склонна всё преувеличивать, крайне драматизировать, умея пустяковое делать очень важным, чему Амарель всегда удивлялась.

Впрочем... Впрочем, довольно быстро на ней отразилось беспокойство, уши наострились по-настоящему, взгляд устремился на наставницу, а рот слегка приоткрылся от удивления.

— Но это же... Нет, это слишком! — воскликнула она.

— Нет. Не слишком, — прижав уши, говорила Эллази, — это единственный путь. Мы должны быть тверды, если хотим спасти прайд. И не только прайд.

— Нет, нет... — помотала головой Амарель; думать было трудно, будто кто украл разум. — Это бред какой-то.

Эллази крунулась вокруг нее в нетерпении.

— Так говоришь теперь. Но подумай, что ты скажешь через несколько сезонов. Да, все посудачат: бедная Амарель, Юласси украли ее счастье. И забудут. А ты будешь жить, день за днем. Никакой жалости к тебе проявлять жизнь не будет. Придется существовать с этим до смерти, и всё только потому, что ты в свое время не

проявила настойчивости, — Эллази была сама решимость, говорила яростно и убедительно. — Только потому, что ты не расправилась со своими врагами и врагами прайда. Смелость! В тебе же кровь благородства, смелости... Решись... Не давай себя одурачить, не будь мягкой... Это нужно прайду... — она переходила на всё более тихий шепот.

— Юласси, ну ладно... Но Млиррана! — медленно поддавалась Амарель, ощущая, что слова Эллази будто втягивают ее вниз, на дно, в глубокую трясину.

Наставница с готовностью и быстротой ответила:

— А кто виновен во смерти твоего отца? Твоего рода?

Амарель бессильно махала лапой, будто забыв все слова.

— Ну... Северняки.

— Да. Но кто подвел? Кто предал? Благодаря кому всё случилось? Вспомни же, вспомни! — отряхивала ее наставница, держа загривок.

— Млиррана, — очень трудно сказала Амарель, спрятав голову в лапах, не желая больше так страдать. Эллази удовлетворенно молвила, уже глядя Амарель по загривку:

— Что ж... И ты всё оставишь? Помоги мне. И всё вернется на правильный путь. Мне только нужна твоя помощь. Впрочем, если ты не согласна, — грустным тоном добавила она, — то я приму этот вызов сама. Не сдамся. Но с твоей помощью всё будет много проще.

Амарели продолжала прятаться от мира, теряясь в мыслях и рвущих на все стороны желаниях. «О, небо, что мне делать? Довериться ли Эллази? Есть ли в этом правда и смысл?». Эллази не спешила; терпеливо выжидая, она продолжала гладить свою ученицу, стараясь молча подтолкнуть к правильному и единственному решению. Амарель, право, не знала, что делать.

«Но как же?... Это предательство... Но она предала твоего отца, это требует отмщения! Это всегда требовало, ты знала... Юласси... А что Юласси? Какое у нее право? Зачем она крадет его, зачем?», — Амарель билась лбом о лапы.

— Пусть львица кое-что мне пообещает...

— Что? Что? — наострила уши Эллази.

— Это будет глубочайшей тайной. И я больше не буду ученицей, больше не буду шамани... Я не хочу, не умею, не желаю больше. Хватит с меня этой борьбы. Я буду просто с Алмаром, больше ничего, и всё забудется, как страшный сон.

— Так значит ты сможешь мне? — самое главное интересовало Эллази, всё остальное было пустяком и никчемностью.

— Да... Но только если львица пообещает...

— Конечно, конечно, моя Амарель. Но почему ты решила, что тебе не нужно быть шамани?

— Хватит... После этого не смогу быть. Не хочу... Буду с Алмаром. Больше ничего не интересуется.

Она легко согласилась:

— Хорошо, как хочешь. Не будем терять ни мгновения. Пошли! — кивнула Эллази в сторону прайда; Амарель послушно последовала, думая только об одном. Страх и какая-то больная надежда переполняли ее, не оставляя никакого места для других чувств.

Обсудив подробности, решили, что всё сделают завтра утром. Амарель даже не верилось, что она принимает в этом участие; но другая, тайная сторона ее существа, говорила, что всё безразлично, главное — Алмар. И суть пустяки остальное, плевать, неважно...

Юласси спокойно лежала под баобабом недалеко от полубившихся ей каменных столбов, в полном одиночестве, как вдруг подошла сама Эллази, что было само по себе странно и неожиданно.

— Нет, ты не подумай, что я уже готова сказать «да», — сходу начала она. — Но вижу, что придется с тобой сладить. Что тут поделаешь... У меня будет к тебе небольшая просьба. Заодно и посмотрим, на что ты способна.

Юласси уловила ее смятение и нервозность. «Всё же решила пойти на мировую. Либо же Тамалу очень сильно прижал ее. В любом случае, это хорошо», — подумала Юласси. Решив всячески встретить ее инициативу, она тепло молвила:

— Внимательно слушаю львицу.

— Ты знаешь, как делать рамзану, чтобы унять боль в сердце и дать ему сил?

— Конечно! — это Юласси знала в совершенстве. Авиша знала, как учить. — Еще и аппетит от нее будет! Я умею сделать любую рамзану, но это не моя заслуга, а моей наставницы, — добавила она для скромности, которая, в сущности, не требовалась. Тот, кто учился у Авиши, мог сделать почти всё что угодно.

Эллази была рада этому, как ничему другому.

— Отлично! Слушай. У нас Млиррана постоянно ее принимает. Сердце у нее не очень, знаешь... Она уже привыкла, каждые пять-шесть дней ее просит, хотя сначала терпеть не могла. У меня ни сегодня, ни завтра особо времени нету. Приготовишь и дашь ей? Вот и вся просьба.

— Без проблем!

— Тогда подойдешь к ней и скажешь, что я поручила это тебе. Думаю, к завтрашнему утру справишься. Она привыкла по утрам.

— Да, — встала Юласси. — Управлюсь.

— Хорошо, — смерила ее взглядом Эллази. — Ладно. Тогда я пошла.

— Счастливо, — пожелала Юласси, но ответа не дождалась. «Очень хорошо. Всё становится на свои места, проблемы уходят сами собой», — довольно подумала она. Юласси не медля пошла к Тамалу, чтобы поделиться этими хорошими новостями; кроме того, он просил ее зайти в свободное время, так что стоило поспешить. И не забыть сказать Алмару... Ах, Алмар... «Сегодня с ним пойдем в ночь, точно пойдем. Только бы не сглупил, и сам меня пригласил», — светло думала она, шагая по низкой траве к дренгиру.

После недолгой беседы она отправилась на поиски нужных составляющих, хотя ее и приглашали на охоту. Но времени не было, Юласси отказалась. Спросила у Амарель, где у них панцири, и та без единого слова провела ее к месту, где они хранились: подле того самого камня, где она уснула вместе с Алаасом. Предложила пойти вместе, получила отказ, расспросила о том, что и где можно найти, получила скупой и точный ответ. «Нужно будет попросить Алмара поговорить с нею. Либо же пойти с нею в другой прайд», — грустно подумала Юласси, жалея Амарель, чувствуя ее хороший, но измученный грустью характер. — «Точно! Пойти с ней в прайд Велари, где есть Анлиль! Нужно будет поговорить с дренгиром. Там она и найдет того, кого захочет. А я как-нибудь помогу в этом; может, и чего Анлиль подскажет», — возликовала Юласси, лапы понесли быстрее. Это был хороший план.

Весь вечер она только тем и занималась, что делала рамзану. Требовалось многое: чистая вода, сладкий тростник для основы, мелко растертые листья шерризы, обязательно чуть-чуть строфанта (не важно, стебли или листья, а цветков в это время года нет). Не забыла подойти к Млирране:

— Эллази попросила сделать для львицы рамзану. Ведь правильно, что львица постоянно ее принимает?

— Да, — улыбнулась Млиррана, устало растянувшись на камне после целого дня со львятами, — уж привыкла. Хотя и не старая, но возраст уже подводит. Нравится она мне. После нее я бодрее.

— Хорошо, тогда завтра утром всё будет готово.

— Эллази решила с тобой примириться? — подмигнула Млиррана.

Помахав лапой в сомнениях, Юласси ответила:

— Трудно сказать. Может быть. Верно, она не знает, как помириться, вот и ищет всякие пути.

— Лучше уж так, чем никак, — снова подмигнула Млиррана. Потом как бы смешливым (но на самом деле вполне серьезно!) добавила: — Я рада, что ты среди нас.

Юласси посмотрела на землю, словно там было нечто крайне интересное.

— Спасибо.

Не без труда юная шамани Юласси нашла всё, что требовалось. Земли вокруг прайда она еще хорошо не знала, Амарели помогать не собиралась — потому всё заняло много времени. Алмар нашел ее, когда она как раз у ручья растирала листья в панцире. Понимая, что Юласси не может бросить свои заботы, он с удовольствием наблюдал за ее решительными и опытными действиями, иногда стараясь сделать какую-нибудь безобидную забавность: слегка тронуть панцирь, тронуть ее за лапу, запустить лапу в зеленую кашу.

— Нельзя, нельзя, — запрещала ему Юласси. — Лапы у тебя грязные.

Алмар только улыбался и любовался ею. Потом продолжал проказничать, стараясь обратить на себя внимание.

— Алмар, ну не надо...

— Ты же совсем со мной не говоришь. Занята своим делом.

— Ну хорошо, как раз время, — молвила она, растирая шерризу в панцире. — Я хотела кое-что тебя спросить, если ты не против, — молвила она, попутно раздумывая, сколько давать воды от строфанга.

— Слушаю тебя внимательно.

Он приблизился к ней, потом обнял, чтобы прижать к сердцу и ощутить ее безбрежное тепло. Алмар обожал одну незначительную, но очень важную и нежную деталь: Юласси всегда, когда он обнимал ее, ставила лапу ему на грудь, слегка выпустив когти, будто не желая его; сначала давление лапы было довольно сильным, но по мере его настойчивости оно всё слабело и слабело, она медленно поддавалась ему, Алмар был всё ближе и ближе, и лапа уж безвольно скользила вниз, волнуяще царапая гриву этими совсем слегка выпущенными когтями. Это было настолько чарующе, что Алмар несколько раз отстранялся, чтобы еще раз и еще испытать то самое неизменное чувство, поскольку Юласси делала так всегда...

— Ах, Алмар... Мне же спросить нужно, мне еще нужно доделать, а так я точно ничего не сделаю...

— Спрашивай! — отстранился он, лег, от радости и довольства кувырнулся вокруг себя, подняв пыль, а потом успокоился.

Юласси сделала небольшую паузу, чтобы Алмар понял серьезность темы, и не относился к ней шутливо.

— Алмар, расскажи мне об Амарель. Что у вас было?

— Между нами сейчас нет ничего близкого, что бы она ни говорила, — поспешил он заверить Юласси. — Она...

— Нет, Амарели ничего такого не говорит. Так что?

Он долго думал.

— Я любил ее, она любила меня. Она — моя первая любовь. Она многому меня научила. Я испытываю к ней нечто вроде...

Алмар махал лапой в бессилии передать чувства жалкими словами.

— Глубокой признательности и грустной нежности, — помогла ему Юласси, насыпая перетертую массу с другой панцирь с водой.

— Да, именно. Вроде того.

— Почему вы расстались?

— У нас не совсем похожие характеры. Но она хорошая львица, одна из лучших в нашем прайде, — кивал Алмар в такт внутреннему ритму мысли. — После нашего расставания она на меня злилась, но недолго...

— Мой Алмар, я спрашиваю лишь потому, что вижу, как ей трудно. Видишь, мне нужно знать, чтобы помочь Амарели. Ты же знаешь, нелегко, — сказала шамани. — Из-за этого она может надеть глупостей, хотя я верю в нее. Кстати, из нее могла бы получиться хорошая шамани. У Амарели есть сердце и ум, есть...

— Понимаю, понимаю. Я любил ее. Но что было, то было, — молвил Алмар. Потом задумчиво-мечтательно добавил: — Я так люблю, когда ты говоришь «мой Алмар»...

— А я так люблю, когда ты меня сильно обнимаешь...

После трогательной паузы Алмар вдруг спросил Юласси:

— Но постой. Почему ты говорила, что Амарель могла бы стать хорошей шамани? Ведь она и так неплохая, — он не особо придавал значения своим словам, лишь хотел внести ясность и справедливость, и быстро бы забыл о своем вопросе, но...

Тут Юласси рассказала всю странную тайну шамани Союза, полностью доверяясь ему. Рассказ был интересным и захватил его; они проболтали до глубокого вечера; сил оттого почти не осталось, потому Алмар и Юласси тут же уснули вместе.

— Возможно, я поспешила со словами, — говорила в сладком полусне Юласси у него на плече. — На самом деле она уже хорошая шамани. Ведь дело совсем не в знании, в конце концов, а в совсем другом...

Но в чем именно, Юласси не сказала, поскольку не хватило сил и сознания на объяснение; она тихо уснула на нем, вовсе не пытаясь сновидеть или выходить из тела. Отложила на другой раз: лучше ловить момент, пока он есть.

— Охотница моя, вставай, — разбудил ее Алмар, встав необычно рано для льва: сразу после рассвета. Но это благодаря просьбе Юласси, которая боялась проспать.

Юласси-шамани лизнула его в щеку, пошла посмотреть на рамзану — та за ночь вполне хорошо настоялась, следовало только дать сладкого тростника для сокрытия неприятной горечи и кислого вкуса. Вообще же, он был либо основой, либо добавкой для очень многих лекарств как простой и доступный компонент, хорошо скрывающий неприятный вкус. Тянуть особо нельзя, портится она весьма быстро, потому Юласси пошла искать Млиррану, чтобы предупредить о скорой готовности рамзаны. Также требовалось найти этот самый сладкий тростник. На это пришлось потратить неприятно много времени; но, тем не менее, вскоре Юласси трусцой бежала с его охапкой в зубах.

Юласси смешала его сок и мякоть с рамзаной; тростник был не очень хороший, потому пришлось сбегать еще раз. Сок этот вместе с мякиной добывался особым способом с помощью зубов; это было нудное дело, потому Юласси потихоньку пела себе под нос всё, что помнила.

Теперь главное — строфант. Она еще вчера его замочила в панцире, побольше, на всякий случай. «Осторожнее», — подумала Юласси, сливая воду из того панциря в первый, тщательно следя, чтобы ни малейший стебелек либо листочек не попали в рамзану. Взрослый лев может сразу испустить дух, съев несколько цветков либо с десятков листьев; в этом — уникальность строфанта. Ничто так не ядовито, как он; остальные яды дают о себе знать плохим самочувствием, отравляют долго и неспешно, а потому от них можно спасти, но не от строфанта. Некоторые шамани называют его «последний выход», хотя это название уж чересчур мрачно. Но в малых количествах он очень хорош для сердца и для бодрости вообще.

«И не побоялась Эллази мне отдать приготовление рамзаны для сердца... ладно там, поручила бы рамзану для хорошего сна, там ничего ядовитого не надо... Наверное, думает, что я без строфанта делать буду», — улыбнулась она сама себе. — «Либо сама не умеет с ним. Хотя это вряд ли».

Юласси заметила краем глаза, что некто медленно ходит в кустах акации, далеко справа. Мельком глянув, она смутно узнала окрас Амарель. «Не решается подойти», — догадалась Юласси, продолжая заниматься делом. Будто услышав мысли, Амарель вышла из них и направилась к ней. Юласси обратила на нее внимание. Юласси сдавило под горлом: у Амарели было очень много волнения и нервозности. На всякий случай она внутренне приготовилась к чему-то неожиданному, хорошо догадываясь, что всё это — из-за Алмара.

Но ничего особого не случилось. Без приветствия Амарель молвила:

— Юласси, мне нужно поговорить с тобой.

— Я слушаю.

Та, будто робея, стояла и не говорила ничего довольно долгое время, достаточно, чтобы Юласси с удивлением спросила:

— Амарели?

— Не здесь. Давай пройдемся.

Юласси чувствовала своим чутьем, что здесь есть некий подвох; но шамани не боятся. Юласси смело пошла вперед, оставив всю почти законченную работу недалеко от воды.

— Ну давай, только не очень долго.

— Да, да, не очень долго, — эхом повторила она.

Они и пошли по тропе, вниз по течению, следуя ее извилистым поворотам. Юласси наострила уши, чтобы лучше слышать Амарели и окружающее.

Она вспомнила, как в ту ночь, два дня назад, вылетела из тела, уснув возле Алмара; причиной этого, Юласси знала точно, было то, что Амарель стояла возле них, наблюдая за ними, спящими. Юласси же смотрела на нее сбоку, а та даже обернулась, учув присутствие второго тела Юласси, что было весьма неожиданно.

Та, видимо, пришла в себя и начала:

— Так ты останешься?

— Я еще в прайд не вхожу, но пока остаюсь. Так сказал дренгир. Да и твои наставницы, кажется, стали относиться ко мне лучше.

— Даже так, — Амарель не выглядела удивленной.

— Вчера ко мне подошла Эллази. Ее слова приятно меня удивили. Видишь, я не так уже и бесполезна — делаю рамзану, — улыбнулась Юласси.

— Вот как, — сдавленно молвила Амарель.

— Я рада, что так получилось, что я иду на мир с твоими наставницами... Амарели, давай поговорим душа в душу... Видишь ли, я бы не осталась в прайде, чтобы никого не ссорить, даже несмотря на просьбы дренгира, но задержало меня лишь одно, а точнее, один. Ты знаешь... Такова судьба... — сказала Юласси, пере-

ходя к главной и единственной теме. Наверняка Амарель пришла поговорить только об этом и ничем ином. «Ах да, нужно предложить вместе пойти к веларийцам. А по дороге я расскажу ей всё-всё, она поймет, и станет смотреть на вещи по-другому. Ну а в прайде Велари, глядишь, какой лев найдется», — думала Юласси.

Амарели молчала, и шамани сказала:

— Я поразились, когда ты не отдала голос против меня. Хотя у тебя были все причины. Почему?

— Ты поразились? — взгляд ее был до того обращен земле, но теперь она подняла его, чтобы увидеть темную глубину глаз шамани.

— Да.

— Потому, что я... Слушай, Юласси, беги делать рамзану, давай, — со спешкой и напором молвила Амарель, явно ее прогоняя. — Она испортиться может. Давай, быстро.

Юласси выдала из себя легкую обиду и недоумение:

— Но я думала, что мы с тобой побеседуем. Ты же сама предложила.

На самом же деле она ничуть не обижалась: дух шамани сложно чем-либо пронять, а тем более такой ерундой, как обидные слова.

— Нет времени. Я передумала, вот что. Не о чем нам говорить. Давай, иди, — Амарель чуть ли не толкнула Юласси, что было весьма непонятно.

Юласси, если честно, не понимала ее поведения, но с непонятным она, как и все шамани, встречалась не реже, чем со светилом над головой, потому отнюдь не растерялась, а сделала так, как настойчиво предлагала Амарель.

— Ладно, пока, Амарели.

— Беги же, чего стоишь! — та уж совсем истерично топнула лапой, сорвавшись на крик и рык.

«Дааа, нервы у нее начинают сдавать», — озабоченно подумала Юласси. Она пошла прочь; несколько раз накрывало, словно волной, чувство беспокойства и опасности; тогда она стелилась ближе к земле, вострила уши и оглядывалась, но оно тут же уходило. Выяснилось, что они вместе успели довольно далеко отойти. «Вот уж разговор получился, аж тревога взяла. С Алмаром советоваться не надо, это всё ему ни к чему... Ай ладно, что-нибудь придумаем, проживем-увидим», — подумала Юласси, когда без приключений возвратилась к своим панцирям.

Когда всё было готово, Юласси-шамани пошла искать Млиррану.

— Пусть львица идет со мной, — шамани быстро нашла ее. Та нарочно осталась смотреть за детьми, чтобы Юласси могла без труда ее найти. Млирране хотелось с ней поболтать с глазу на глаз, поскольку она была уже хорошо наслышана о ее удивительных способностях; кроме того, большинство находило общение с Юласси «приятным» и «немного странным» (Элза вообще по секрету рассказала, что начинает нервничать и теряться рядом с Юласси; когда Млиррана удивилась, то Элза молвила: «В ней очень много сосредоточенности, какого-то упорства... Но внешне она как бы легка и беззаботна... Уй, даже не знаю»). Никакой конкретной цели она не преследовала — это было простое любопытство и желание скрасить скучный день.

— Готово?

— Да, — кивнула Юласси.

— Тогда пошли.

Они отправились в свой небольшой путь.

— На Эллази это не похоже. Видимо, ты уже и с ней что-то сделала, — вдруг засмеялась Млиррана, причем надолго; видимо, был еще какой-то повод смеяться над Эллази.

— Для меня это большая неожиданность. Она сказала, что со мной «придется уживаться»...

— ...потому решила проверить, насколько полезной ты будешь для нее, — с весельем закивала Млиррана. — Ой... Юласси, вот давай поговорим откровенно.

— Хорошо.

— Расскажи мне что-нибудь о себе. Надоело всё выслушивать из чужих уст.

— Почему же львица хочет что-то услышать о моей скромной персоне? — Юласси приняла ее веселый и шуточный тон.

— Ну как почему? Должна же я что-то знать о львице моего любимого племянника. Кроме того, дренгир от тебя без ума, — снова начала смеяться Млиррана. — Без него-то никто бы тебя и слушать здесь не стал. Посидела бы денек под пристальным надзором, да и всё тут. Ой, ты только чего не подумай плохого... Нет, вот с тобой ходит нечто особое, так что рассказывай, — всё это львица говорила в таком смешливом тоне, что обижаться бы не стал никто.

Неожиданно! Юласси не знала, что Млиррана — тетка Алмара.

— Львица — тетя Алмара?

— Уже много лет.

— Ох, ну что ж. Ну, мы как бы с Алмаром...

— Да брось. Всем уже всё понятно, все мы видим, к чему у вас идут дела, — просто и бесхитростно молвила Млиррана.

Шамани хотела сказать совсем другое, но решила молча принять эти слова, ничего не возражая. В сущности, они ведь правдивы: всё так и есть.

— Тогда немного расскажу. Мать мою зовут Маалара. Надеюсь, ей сейчас хорошо, спокойно и она не скучает, — слабо улыбнулась своим мыслям Юласси. — У меня есть двое братьев, но они ушли в Большой мир еще тогда, когда я была совсем маленькой, помню их плохо. Они где-то сейчас путешествуют, и тоже, надеюсь, у них всё хорошо. Наставницу мою звали Эльрара, она была для меня как вторая мать, ну или бабушка — у нее весьма почтенный возраст. Моя амарах очень хорошая и весьма известная в Морлае шамани; конечно, Морлай большой, и, наверное, всюду о ней не знают, но когда мы путешествовали, то не было места, где бы ее не узнали. Вот так...

— Извини, а кто такая амарах? — осторожно спросила Млиррана, подняв бровь.

— Это тоже самое, что наставница. На древнем языке. Так принято говорить среди шамани.

— Ты можешь говорить на нем? — с некоей надеждой спросила она.

Юласси помечтала о такой возможности (вдруг захотелось выучить древний язык, да пока негде и не у кого), а сама ответила:

— Нет, совсем нет. Знаю только некоторые слова и несколько символов. Просто некоторые слова постоянно на слуху, их все говорят... Эльрара вполне неплохо его знала, могла даже что-то говорить, частенько обучала меня всяким фразам. Даже однажды на целых десять дней оставила меня со старым Шаналу, который-то не очень был мне рад. Говорил, что я вредная, — зажмурилась от воспоминаний Юласси, предаваясь легкому сплину. — Шаналу знает древний язык очень хорошо, он из некоего очень высокого рода; вроде его отец был правителем в некоем прайде за Большими горами, за владениями северняков, но это лишь слухи, я точно не знаю.

— А что за фразы?

— Ну например: «Во ми аррах но ми саллани, во ми хламмар но ми шаани». Это значит: «Я есть день, и я — ночь, я есть свет, и я — тьма».

Млиррана ничего не поняла и спросила:

— Что это значит?

— То, что для шамани всё начинается и заканчивается на себе; понимать это нужно правильно и не в узком смысле. Это вообще не имеет ничего общего со себя-любием. Поскольку каждое существо творит свой мир, то и получается, что шамани — тоже, и твое сознание — властелин мира... — объяснила Юласси, но решила оставить эту тему. — В общем, эти фразы — символы духа и знания шамани, не более и не менее. Нечто вроде пословиц или... сложно сказать... вот, очень хороший пример для понимания: у вас на одном с двух каменных столбов написано на древнем: «Чтобы быть шамани, нужно иметь печальное сердце и большую смелость».

— А Шаналу тоже шамани? Или он что-то вроде учителя?

Юласси приснула, потом рассмеялась.

— Пусть Млиррана меня извинит... Просто слова львицы да в уши кому-нибудь из Длинной долины... Ладно, еще раз прошу прощения. Да, он — шамани. Очень сильный.

— А что значит — очень сильный? — из праздного любопытства Млиррана спросила первое, что пришло в голову. Юласси рассказывала интересно, искусности в рассказе ей не занимать.

— Ну вот сидим мы вместе, Шаналу мне что-то рассказывает, я очень внимательно слушаю. Потом вдруг скажет: «Надоела ты мне, просто страсть. Тебя не корми, а только дай что послушать». Последнее что помню — как он лапу поднимает. Всё, я мгновенно сплю сном львенка, а Шаналу идет по своим делам. Хотя даже совсем неопытную шамани-ученицу пронять такой вещью много труднее, чем остальных, сопротивление было абсолютно бесполезным. Ой, он много чего выкидывал... Было у него чувство юмора, которое я только теперь начинаю оценивать, — Юласси ударила в собственный рассказ. — Мог и такое сделать: идем вместе; он говорит: «Юласси, я иду в горы, иди домой, к пещере»; я говорю: «Можно я со львом, пожалуйста, ну пожалуйста!». Шаналу говорит: «Да не стоит, долго будем носиться, дел у меня много». Я говорю обиженно: «Тогда зачем лев меня брал?». Он: «Забыл, старый уже». Ну я говорю: «Какая досада, что ж мне делать теперь?». Шаналу вдруг удивленно говорит: «Ой, смотри назад!». Я оборачиваюсь, там ничего нет. Только хочу идти дальше, вижу — он исчез, пропал, будто его не было. Всё, можно идти домой — искать бесполезно.

Млиррана слушала с открытым ртом: звучало всё это сказочно и фантастично, как пугающие рассказы в детстве.

— Или однажды сидим-лежим недалеко от его пещеры. Подходят три льва, невесть откуда забредшие. И начинают приставать ко мне, сказали грубость Шаналу, видя, что он старый. В общем, самая обычная шайка, коих в Морлае полно. Шаналу говорит: «Уходите, не беспокойте старика, умру еще нечаянно». Они: «Да куда мы не уйдем». У Шаналу было, видимо, доброе настроение. Он: «Как хотите. Пошли, Юласси». Ну я поднялась, последовала за ним, вижу — те как стояли на месте, так и стоят. Простояли до вечера, — засмеялась Юласси.

— Да ну, не может такого быть, — изумленно молвила Млиррана. — Как так?

— Ну вот так. Говорю же, он силен... — Юласси подошла к панцирям.

— Какая у тебя интересная жизнь!

Юласси всё мыла лапу в ручье, пока та не стала совершенно чистой. Улыбнулась своему отражению, а потом даже подмигнула.

— Да... Вот, всё готово, — молвила она, еще раз взболтав содержимое и забавно обливав собственную лапу. — Пусть Млиррана все досуха вылизет.

И снова вернулась к ручью, чтобы помыть лапу. Из кустов неподалеку неожиданно выскочил чем-то напуганный сурок, да так быстро, что Юласси на мгновение сама испугалась.

— Ммм... У тебя другая на вкус рамзана.

— Да, я знаю, она не очень, но по-другому не выйдет, — оправдывалась Юласси, сев напротив Млирраны. Такие вещи вкусными не бывают.

— Нет, она просто другая, не плохая.

Вылизав все досуха и умывшись, Млиррана и себе села напротив Юласси.

— Так говоришь, Шаналу был такой сильный.

— Да. Интересно, как он сейчас...

— И много ты по Морлаю путешествовала?

— Ой, — махнула Юласси лапой. — Не сосчитать наших путешествий. Много всякого мы повидали. Вот, на севере от Морлая, за небольшими горами, плохая саванна, а потом, говорят, пустыня... Там действительно бедные и ничтожные земли, но там еще даже кто-то умудряется жить. Прайды там очень маленькие, и все друг другу враги. Раз нечаянно зашли на границу земель какого-то прайда северняков, когда бродили на востоке, но они не очень дружелюбны, и мы пообещали себе туда больше не ходить...

— Да, мы тоже не очень любим северняков, — погрустнела Млиррана; Юласси заметила, что ее захватили какие-то свои, неприятные и очень личные мысли.

— Я слышала, лет десять назад у Союза была какая-то война с ними, — заметила Юласси.

Млиррана вздохнула, приложила лапу к груди и прикрыла глаза.

— Ну, тогда уже не война. Война была раньше, лет пятнадцать назад. А в мое время были разве что небольшие стычки на землях прайда Регноран, ведь он ближе всего... и к нам они заглядывали... я тогда была совсем юной. Ох...

Она открыла глаза. Юласси внимательно вглядывалась в них, замечая, что в них что-то не то, но что именно, она пока ответить не могла. «Зрачки... Отчего у нее такие большие зрачки?..», — тревожно подумала Юласси; считая это волнением из-за прошлых лет, она пока ничего не спрашивала, стараясь проявить такт.

— Юласси, знаешь... мне не очень хорошо, — молвила она, еще раз прижав лапу к груди; потом Млиррана сразу безвольно распласталась на боку, что было плохим знаком — это типичный признак действительно неважного самочувствия.

Шамани никак не могла внять, что именно происходит, потому лишь только легла рядом с ней, обняв лапой (это было неосознанно, потому как еще с самых ранних лет Эльрара научила Юласси, что возвышаться над тем, кому плохо, следует только по необходимости, а общаться нужно обнимая и находясь совсем рядом).

— Что случилось, Млиррани? Что такое?

— Вот тут, вот тут всё давит, — она царапала себя по груди. — Жар идет вверх, вверх, очень плохо, — она яростно оскалилась.

Юласси ощутила, как она вся напряглась, всем телом; лапы ровно выпрямились, голова запрокинулась назад. «Что такое, что? Что не так? Проклятье, это ни на что не похоже... Будто отравилась... Как строфантом... Да!». Юласси ощутила страх и пустоту; она, уже зная, что будет, приложила ухо к сердцу Млирраны. Да, бешено колотится. Да... Она умирает от строфанта, это неминуемо, что-то сделать уже нельзя. Юласси знала, что с умирающими нужно быть до последнего мгновения, нельзя бросать на произвол уходящую жизнь, потому снова обняла Млиррану и громко зашептала на ухо бесполезные слова:

— Шшшш, тихонько, тихонько, я тут, я тут...

— Что это? — простонала она сквозь тяжелое дыхание.

— Ничего, ничего, — Юласси совсем забылась от волнения и совершенно не знала, что ответить. — Тихо, тихо...

— Зачем, Юласси?.. — протянула она последнее «и» с тоской и желанием жизни.

— Я не знаю, это не я, я понятия не имею, всё было правильно, такого не могло случиться, — быстро говорила Юласси в растерянности. Она так и продолжала, продолжала, пока вдруг с ясностью, граничащей с безумием, не ощутила лапой, как Млиррана стала слишком мягкой и недвижимой; сквозь Юласси прошла последняя волна ее уходящей жизни, вызывая тяжелые страдания. Шамани даже и не заметила, как уткнулась ей в шею, закрыв глаза; теперь же она ошарашено осмотрела равнодушный мир вокруг. Что-то мокрое скатилось по щеке — только теперь Юласси заметила, что слез было очень много.

— Как так... Как так...

Мысли путались. Как, почему?! Она ведь сделала всё, как надо! Ошибки быть не может! «Но что пошло не так?! Всё было сделано как надо, на совесть... Разве что тут очень сильный строфант», — беспомощно она махнула лапой в размышлении. — «Либо его туда кто бросил. Когда я не видела. Амарель меня уводила прочь... нет, не может быть, это бред... где-то ты ошиблась, где-то ошиблась...». Юласси знала, что после такой ошибки путь у шамани только один; и неважно, кто в этом виноват — она или кто другой. Абсолютно неважно. Потому что говорила же Авиша: «Не оставляй любые снадобья без присмотра, никогда не оставляй». Юласси дала его Млирране. Юласси-шамани ошиблась.

— Не оставляй... будь осторожна... — тихо говорила Юласси, закрыв глаза. Она никуда не уходила, никуда было уходить. Это — конец. Путь только один.

В смятении подбежала к панцирям, хотя знала, что они чисты, потому как она помыла их еще раньше. Взглянула на примятую траву вокруг — может, есть какой чужой след? Нет, нет...

Она не заметила, как появилась Эллази; Юласси обернулась — а та уже стояла с роковым видом возле Млирраны.

— Юласси. Что ты наделала?!

Юная шамани только и смогла сказать совершенно честное:

— Я не знаю, что случилось. Этого не должно было случиться. Просто не должно...

Вместо ответа Эллази крикнула в сторону:

— Амарель! Быстро беги в прайд! Млиррана мертва!

В той стороне зашелестело: Амарель побежала сообщить всем плохие новости.

— Зачем ты убила ее? — с неподдельной яростью спросила Эллази. — Зачем?!

Юласси подошла к телу Млирраны, подошла совсем рядом, приставила лапу к сердцу и только качала головой («Нет! Нет!»), смотря прямо в глаза Эллази. Пусть никто не думает, что она собиралась ее убить, пусть имя ее не будет опорочено подлым убийством; Юласси тут же ушла бы из жизни вослед за Млирраной, но в панцирях ничего не осталось, а убежать за строфантом для себя — значит, просто убежать. Нет, Юласси ждала своей участи. Наверное, прайд ее убьет. Но она не убежит. Никогда.

Словно поняв, о чем думает Юласси, та заговорила:

— Давай, беги. Беги. Не буду тебя держать. Беги, трусиха. Убьют же, убьют, — тон ее был зазывающим; видимо, она действительно имела в виду именно это.

Но Юласси этот шанс не нужен. Она оставалась на месте; от бессилия она только гладила Млиррану по шерстке, прощаясь и выражая преданность.

— Убегай! Шанса больше не будет! — даже зарычала Эллази. Ей было невдомек, почему та не убегает. Это же разумно, это — единственный выход!

Отовсюду уже сбегались львы и львицы. Юласси продолжала стоять, зная, что будет дальше; она лишь не знала, что сказать прайду. Все подбегали и цепенели на месте в нескольких прыжках от Юласси, Эллази и Млирраны.

— Что случилось? — спросил кто-то.

— Юласси убила Млиррану. Юласси убила Млиррану! — всё громче и громче говорила Эллази, чтобы все вокруг хорошо слышали.

— Как?!

— Быть не может!

— Но почему?!

Подходить ближе пока никто не решался. Все смотрели на Юласси, в этих взглядах она не видела ничего доброго; впрочем, ничего иного ожидать не следовало.

— Млиррана умерла от строфанта. Но почему, я не знаю... Я сделала всё правильно, я не знаю, где ошибка, — негромко говорила Юласси, желая лишь оправдать свое имя перед уходом.

Львов и львиц собиралось всё больше, они создавали большое кольцо, которое окружало ее.

— Что случилось?..

— Млиррана мертва!..

— Быть того не может!..

— Но как?..

Эллази осмотрела всех, потом обошла по кругу Юласси и Млиррану, словно желая убедиться, что ее сестра по прайду действительно мертва.

— Юласси, ты зачем ее убила? — еще раз спросила Эллази пред толпой своим хорошо поставленным, четким голосом.

— Я не убивала. Я не хотела этого. Не знаю, что случилось...

В кругу пока еще не было ни льва Млирраны, ни ее двух сыновей.

— Но как же так? А кто должен знать? Что ты дала ей?

Все сидели тихо.

— Рамзану. Которую львица сказала мне сделать для нее.

— Что ж ты дала в нее? — уверенно спросила Эллази.

— Тростник, воду от строфанта, ш...

— Так ты давала воду от строфанта!

— Да...

— А знаешь ли ты, как ее готовить?

— Знаю... — молвила Юласси, растеряв свои силы и уверенность.

— Да мы уж видим, как ты знаешь! Строфант здесь очень сильный, потому его нужно очень мало! Мы видим, как ты знаешь! — яростно мельтешила Эллази пред Юласси, туда-сюда, туда-сюда.

Юласси медленно, но верно начинала верить, что всё именно так, и никак иначе. Она ошиблась, где-то, как-то, но ошиблась! Как же так можно... Как же так...

— Ужас какой! — воскликнула только пришедшая Беата, услышав скорбные новости. С Млирраной они ладили хорошо. Она первой подошла к ее телу. — Но как же так, Юласси?

— Я не знаю... Это строфант... Рамзану я давала...

— Ты что, кинула туда сам строфант? — ужаснулась Беата, думая, что эта юная львица действительно могла по незнанию так и сделать.

— Нет, лишь воду от него, — Юласси слова давались всё труднее, они утомляли и ни к чему не приводили.

Беата не стала верить на слово, что Млиррана умерла, потому наклонилась к ней, даже приставила ухо к сердцу.

— А сколько строфанта ты кинула в эту воду и когда? — спросила она, убедившись.

— Вчера, десять листьев.

— Но как же тогда... — недоумевала Беата.

— Что тут гадать. Видим то, что видим! — воскликнула Эллази, перебив ее.

— Правильно! — молвила Элза из толпы собравшихся.

— Ерунда какая-то, надо разобраться...

— Юласси не могла отравить Млиррану! — каким-то чудом сюда пробрался Алаас, хотя детей сюда не пустили. Его тут же оттащили подальше. — Пусти, зараза! — завопил он.

— Ах ты дрянь! — кто-то разозлился на него. Понемногу поднимался шум; много глаз зло смотрели на Юласси. «Скоро я уйду... Интересно, что там?», — вдруг спокойно подумала Юласси, приняв свою судьбу окончательно.

— Молчать! Что здесь такое!?! — зарычал опоздавший Тамалу, прибежавший вместе с Аралсой.

Ему начали наперебой объяснять, но он не слушал, уставившись на Юласси, Беату и Млиррану, которые находились в центре круга; Юласси была там, потому что куда-то идти не было смысла; Беата просто не желала уходить; Млиррана уж не могла никуда идти. Кто-то предложил унести ее тело, но тут же раздались возгласы несогласия — мертвых трогать не принято, разве что по очень большой необходимости. Но стали настаивать, что сейчас именно такая необходимость. Снова начал нарастать гул.

— Молчать!

Все снова стихли.

— Юласси, что случилось? — обратился Тамалу к ней.

Юласси вдруг начала плакать от сожаления и грусти. Глупость произошедшего убивала изнутри.

— Я дала ей рамзану. Не знаю почему... но маленькое... количество строфанта убило ее. Так не должно было быть... но это так, Тамалу. Я где-то ошиблась.

— А ну разорвать ее к гиенам за такие ошибки! — начал орать кто-то из задних рядов. Сагвар приказал мстителю заткнуть рот.

— Да... понимаю... — кивнул Тамалу, переглянувшись с Аралсой, у которой почему-то дрожала приложенная к шее лапа, и сказал. — За это тебя следует... судить.

— Уж разревелась! Слезы тебе не помогут, суд всё равно будет! — молвил старый лев. Некоторые согласно закивали, а Эллази кратко и громко добавила:

— Да!

Юласси осмотрела всех присутствующих.

— Нет-нет, мне спастись невозможно. Чтобы бы мне ни присудили, со мной всё равно кончено. Знаете... хотела бы я ее убить, то давно бы убежала... Это какая-то страшно глупая ошибка. Тамалу, — обратилась Юласси к нему, — нет смысла делать надо мною суда. Позволь мне уйти из жизни, как шамани: отравиться тем же, чем я отравила Млиррану. Это для меня единственный выход. Уже нет смысла в чем-либо разбираться.

— Пстой, но, может, это не ты виновна? — слабо возразил Тамалу.

— Неважно, важно, Тамалу. Неважно... Я дала ей рамзану — я отвечаю.

Дренгир впервые почувствовал себя настолько беспомощным и не знал, что ему сказать.

Юласси прижала уши, вздохнула поглубже и закрыла глаза. Снова стали спорить, шуметь, кто-то подошел к Млирране... Принюхавшись к запахам, посмотрела наверх. А там всё та же безбрежность, всё та же, когда она родилась. И она уйдет, а небо будет. «Говорила же Эльрара, говорила: нет смысла слишком сожалеть о жизни, ведь от смерти точно не убежать. Теперь я знаю свою судьбу. И говорили мне, говорили: «Осторожна будь!». Ну да ладно... Такую ошибку можно искупить своей жизнью; я буду чиста, имя любой шамани будет чисто в мире, и никто не скажет, что Юласси-шамани убежала, сделала подлость, была ненастоящей...».

Среди других затерялась Амарель. Юласси совсем случайно заметила ее пристальный, странный взгляд. Юласси встретила его; хватило небольших мгновений, чтобы понять суть того, что произошло на самом деле. Еще не доверяя чувствам, шамани глянула на Эллази, которая скрывала свое довольство, но уже плохо и небрежно; она расслабилась и решила, что уже можно отбросить чересчур траурный лик.

Неужели? Неужели это они?! Амарель и Эллази? Но какая же подлость! Да, какая же подлость... Еще никто не придумал, как защититься тогда, когда друзья бросаются на спину. Чуть раньше Юласси и подумать не могла, что такое может произойти, как не ожидает лев, что друзья вонзят в него когти во сне, а потому терялась, терялась в странных догадках, думая, где просчиталась, где ошиблась. Так вот где она ошиблась... В это слабо верилось разумом, но чувства шамани сильны: Юласси знала, как предательство изнутри разрывает Амарель, та не могла выдержать взгляда ни на мгновение. Эллази — это понятно, ей всё нипочем, лишь бы добиться своего. Что с нее взять? «Но Амарели! Почему? Почему...».

Юласси неслышно шептала эти слова. Амарель ничего не слышала, но догадалась, что именно она шепчет и провела когтями по земле.

Почему, зачем...

Амарель сейчас медленно умирает от этого чувства. Еще там, когда они шли у ручья, она поняла, какую ужасную ошибку совершает; но духа не хватило на решение. Да, она согласилась помочь Эллази. Та напирала, убеждала, и, наконец, сломала. Убрать Юласси — Алмар будет твой; убрать Млиррану — тогда отомстишь за смерть отца и его братьев. Ведь в свое время Млиррана была молодой, совсем неопытной разведчицей; будучи в авангарде небольшой группы, она не заметила северняков, потому львы Иллари встретились с ними, отчего в бессмысленной и жестокой стычке не стало всего рода Амарель. Кроме того, у Эллази были какие-то свои счеты с нею, хотя какие именно, Амарель так и не узнала. И нужно было сделать всего ничего:

— Мы будем за ней наблюдать. Когда я прикажу, только отвлеку ее ненадолго, а я всё сделаю, — Эллази держала Амарель за плечо, будто боялась, что ученица в страхе убежит.

— Почему не сделать этого ночью? — спросила Амарель, не желая делать низкого поступка, еще желая отступить и обойтись малой кровью.

— Не выйдет. Будет заметно: рамзана ведь смешивается только за несколько мгновений до приема. Так надежнее. Ты лишь отвлеку. Поверь, она убежит прочь, тут же убежит. Никто ничего не будет знать. А тебе ведь еще жить! Жить, Амарель! Все о тебе забудут завтра, никто тебе не поможет, если ты не поможешь себе сама. А Млиррана... Ты ее не любила давно.

— Но не настолько...

— Из-за нее рода твоего больше нет, осталась только ты и твоя мать!

Тогда это даже показалось убедительным...

И вот всё случилось, как и хотела Эллази.

Ну, правда, не совсем. Юласси никуда не убежала.

Амарель совсем не ожидала такого. В конце концов, что для Юласси прайд Иллари, кто такая Млиррана, если своя жизнь в опасности? Но нет! Больше того, она решила уйти из жизни так, как делают шаманы в таких случаях. Настоящие... А кто она?

«Кто я такая?! И вот ее не будет, всё отлично! А как я буду жить с Алмаром? Каждый день ничто на свете не даст мне забыть, как именно я достигла своего счастья... Счастья?! Вот оно, ха-ха, поймала за хвост! За чем я гналась? Всё это точно его не принесет... Да-да. Перед смертью я вспомню все свои поступки и умру от сознания того, насколько я ничтожна. Нет, род Асмаллари умер не в Сакканском ущелье, ох нет. Он умер вчера, когда я согласилась на эту низость. Млирраны нету, Юласси тоже скоро не будет — что ж, я довольна, отлично, прекрасно! Отчего я не прыгаю от радости?!».

На нее покосилась Ланшана, стоящая рядом. Амарель начинала говорить сама с собой.

— Амарели, всё в порядке? — грустно спросила она, считая, что та очень опечалена смертью Млирраны. Та безумно посмотрела на Ланшану, отчего она сделала шаг назад — настолько отчаянным был этот взгляд.

«Вот Юласси. Она настоящая. Кто же я? Как я жила? А за что боролась? Что я сделала? Училась у Эллази, да? А кто такая Эллази? Сейчас ты видишь, кто такая Эллази! Вот твои учителя, ха-ха! Все долгие годы!».

Она посмотрела на свою «наставницу». Эллази ничего не поняла в ее облике, но на всякий случай еле кивнула, мол, всё пошло лучше некуда.

Амарель поняла, остро поняла: вся ее жизнь — фальшь, ничтожество, ерунда. Она училась совсем не у тех; но больше того, они хорошо ее научили, Эллази смогла сделать ее такой же, какой есть сама — мелочной и страшно подлой. Можно радоваться: они победили этим сильную шамани Юласси, можно прыгать до небес от восторга...

«Не шамани я. И даже не львица прайда Иллари. И не дочь своего рода. Ради любви я это делала? Ха-ха... Кому она нужна, добытая таким способом... Жизнь, что ты сделала со мной? Алмар... зачем...».

Силы ее иссякли, она плюхнулась на землю, уткнулась в лапы, роняя скупые, настоящие слезы.

— Что ж... — решил Тамалу. — Хорошо, Юласси. Делай так, как знаешь...

Прибежал Алмар, весь в пыли от неистовой спешки. Юласси обрадовалась ему, несмотря ни на что. Он уже всё знал.

— Но как так? Что случилось? — задал он обычный для сегодняшнего дня вопрос, подбежав к ней вплотную. Он не сторонился нее, наоборот, сел совсем рядом, и плевать хотел на мнение остальных.

Все недовольно загудели.

— Алмар... Алмар... Я ошиблась... — она боялась прикорннуть к нему, чтобы потом никто не осуждал его, но очень хотелось.

— Что же теперь будет? — растерянно спросил он.

Юласси больше не терялась и не боялась, вернув себе спокойствие духа и отведенность; судьба была определена, к этому приходят все, поздно или рано, ну и

пусть. Она, может быть, и хотела бы ужаснуться, убежать, спрятаться, забыть обо всём; но ее воля и намерение слишком сильны и стойки, она хорошо помнит саму себя и свою смерть, как и любая шамани, которая действительно следует пути.

— Я должна уйти за Млирраной, мой Алмар.

— Но как же? Что за ерунда?

— Я приняла ответственность за нее. Вследствие моей вины она ушла, и я должна за ней. Таков путь шамани, — очень просто молвила она, словно о погоде.

— Но нужно всё выяснить, расследовать, — это сказал Сагвар; он не хотел, чтобы Юласси уходила. Некому будет рассказать тайны души, а в прайде не будет больше оживления и света — останется лишь тоска обычных дней.

— Тут нечего особо расследовать, — вздохнула Эллази.

Алмар что-то горячо шептал на ухо Юласси.

— Но разве есть такая традиция среди шамани, Эллази? — искал выхода Тамалу. Он умолял глазами сказать «нет», пусть даже это будет настоящей ложью. Но та тут же сказала:

— Есть!

— Ладно. Прощайте, — только и сказала Юласси. Хватит слов. Она сделала шаг, но Алмар преградил путь.

— Никуда ты не пойдешь.

— Нет выбора для меня, Алмар.

— Есть, я сказал!

Вместо этого Юласси его обошла, хотя безумно не хотелось. «Что ж я, куда ж я... Нет, с этим жить я не смогу. Теперь не узнать, что произошло. Может, я ошиблась, действительно, а Амарель просто плачет от тоски за Млирраной. Да я в любом случае виновна — нельзя оставлять ничего без присмотра. Говорила же Авиша».

Алмар снова преградил дорогу.

— Стой, я говорю.

— Не могу, мой Алмар, — она снова обошла его. Тот не стал играть в игры, бросился ей прямо на спину, по-настоящему, повалив на землю — а вдруг таки решит убежать? Тогда он ее не догонит — львицу не догнать.

— Ты никуда не пойдешь. Я тебя не пущу, — говорил ей на ухо.

— А что ты мне прикажешь делать? — сдавшись, спросила она.

— Тебя изгонят, ты останешься жива. Я уйду с тобой. Ты же не хотела этого!

— Алмар, но это твоя тетья...

— Всё равно. Люблю тебя больше жизни. Не дам тебе уйти. Не дал тогда. Не дам сейчас. Это не ты сделала, я верю в это. Ты не могла, ты не могла!

Юласси молчала. На жизнь этого дня уходило слишком много сил, они уже кончились; когда Алмар ослабил свою хватку, она не поднялась.

— Ты это... Ей не дай уйти, — посоветовал кто-то. — От наказания сбежать хочет. Не смотри на эти хитрости.

В ответ Алмар очень грязно пообещал откусить советчику голову, если он не замолчит.

Амарель больше не могла на это смотреть. Она знала — Юласси поймает момент не сейчас, так потом, и решится. Себя уже поздно спасать; но она еще может сделать то, что должна. «Нет, нет. Нельзя терять ни мгновения. Сейчас или никогда!». Себя она уже в расчет не брала — некого было брать. Нужно сделать поступок, как их делали Асмаллари. Сначала хотелось истерично броситься вперед, в попытках всё рассказать, молить о прощении и выть от жалости. Но нет!

О нет. Нужно сохранить последние остатки достоинства, никак иначе. Она просто всё расскажет, как есть, чтобы ложь и подлость больше не таились в ней. А потом...

Но потом будет позже. А сейчас — самое время. Хватит.

— Мне нужно кое-что сказать, — сказала она, да так громко, веско, уверенно, что все замерли. Замерли даже те, кто уже начал забирать тело Млирраны прочь — всё же решили тут не оставлять. Так о совершенной подлости не говорят, потому ожидали совсем другого. Только Эллази притихла, прижалась к земле, даже чуть оскалилась. Она догадалась по всему виду Амарель, что будет. «Предала! Предала!», — метались мысли, ища выход.

— Юласси невиновна, — сказала Амарель, сделав паузу, чтобы все почувствовали вес этих слов. Юласси отняла влажный нос от земли, в которую уткнулась немногим ранее, забыв обо всём. Она внимательно прислушалась.

— Что ты хочешь сказать, Амарели? — осторожно спросил дренгир. Аралса махала лапой, мол, быстрее продолжай.

— В этом виновна я. Эллази дала строфант в тот момент, когда я отвлекла Юласси под лживым предлогом. Эллази хочет, чтобы Юласси исчезла из жизни прайда. Эллази завидует ей. Да, Эллази? — весело она спросила свою «наставницу», та аж сделала шаг назад.

— Я же...

Кто-то вздохнул, словно задышался. Что-то упало. А может даже кто-то.

— ...просто согласилась на это из глупости, — Амарель не хватило сил сказать, почему именно она согласилась. Лишь посмотрела на Алмара — он, наверное, поймет. Но нет. Он сейчас воплощенная ярость.

— Ты с ума сошла! — попыталась защититься Эллази.

— Какой ужас... — молвила Беата.

— Доченька, ты чего такое говоришь? — испуганно спросила Асатра́, мама Амарели.

— Так ведь, Юласси? — очень печально спросила Амарель. — Ведь я вела тебя возле ручья, говоря свои глупости, помнишь? В это время Эллази всё и сделала. А ты наверное думала, что это со мной, что за ерунду я говорю, наверное, хотела мне помочь...

Юласси лишь еле заметно кивнула.

— Хватит такое говорить! Ты что?! — зарычала Эллази. Это не произвело на Амарель никакого впечатления.

— Со мной всё кончено. И с тобой тоже. Не волнуйся. Она, — Амарель указала лапой на шамани, — раскусит тебя очень быстро, даже если мне тут никто не поверит.

— Отчего ж ты, Амарели, так поздно сказала возвращаться назад?! — Юласси помнила, хорошо помнила, как Амарель просила ее идти прочь. — Почему ж ты так опоздала с решением?!

Та ничего не ответила.

Алмар очень зло и тихо сказал:

— Убирайся отсюда, не то я тебя убью.

Асатра бросилась к дочери.

Нервы Эллази полностью сдали. Она поняла, что если промедлить, то ей будет конец. А чего ж? Детей у нее нет. Ничто теперь не связывает ее с прайдом Иллапри. «А, ну его всё!». Она сорвалась с места, сделав огромный прыжок, и со всей прытью львицы быстро убежала прочь.

Поднялись невероятные шум и суматоха. Валран и еще пару львов бросились вдогонку, но напрасно; Алмар не отходил от Юласси, которая сидела ни жива ни мертва; многие просто плакали или молча переживали увиденное; удивительно, но Амарель никто не трогал вообще, и она сидела в одиночестве. Совсем рядом ее что-то спрашивала мать, но она не слышала.

— Мой Алмар, это так трудно, так трудно... — говорила Юласси ему на ухо.

— Я знаю, тихо, тише, всё хорошо... — он лизнул ее в щеку.

— Но для меня это ничего не меняет, — Юласси была упорной, хотя весьма дрогнула. Намерение было сломлено: она не знала, в ответе ли за то, что произошло, или же нет. Она лично дала рамзану Млирране! Нельзя бросать снадобья без примотра! Но... Как же подло ее предали! Такое даже в голову придти не могло, хотя чувство предупреждало... — Я всё равно виновата, и нет для меня вы...

— Этого не будет, пока я жив.

Юласси смолчала, решив всё обдумать позже.

Тамалу, наконец, собрался, и отдал распоряжения: Млиррану унести на восток и не отходить от нее, пока не простятся с нею сыновья; посыльную — в Хартланд, сообщить о случившемся; Амарель — завтра судить, когда придет конунг (а он придет), а пред тем дренгир лично ее допросит; Эллази — шакал с ней, с грязной свиньей; нужно допросить Беату, чем дренгир тоже займется; Алмару лично присмотреть за Юласси, дабы она чего не вздумала.

Усталый закат последних дней сухого сезона. Элза глянула на облака, птиц в небе, цвет уходящего солнца и еще множество неясных, смутных признаков и вынесла приговор:

— Быть ночью или завтра утром дождю, или даже тяжелой грозе. Укройтесь на ночь.

Она предвещает погоду, как ее мать; это в роду передавалось с поколения в поколение. Все вздохнули, кто тяжело, кто с легкостью. Сезон дождей бывает не очень приятен сам по себе, но обилен добычей.

Тамалу расспросил Беату. Та ничего не знала, только приговаривала:

— Ужас какой, не могу поверить!

Она совершенно не поняла, что именно случилось; для нее всё было загадочной, большой странностью и ошибкой. То, что Эллази могла отравить Млиррану, а Амарель помочь в этом — было сверх понимания Беаты.

— Найти мне Амарель! — приказал дренгир, когда принесли весть о том, что в прайде и окрестностях ее нигде нет; на зов она не откликнулась.

Поиски ничего не дали.

— Наверно, убежала, — молвил дренгир и сел между двух столбов.

По его просьбе пришла мать Амарели.

— Какой позор для рода... Это конец... Она была моей светлой надеждой! Что ж мне теперь...

— Я сам страшно опечален.

Асатра притихла, Тамалу устало смотрел на один из столбов, на те самые символы, которые так понравились Юласси.

— Что с ней будет?

— Не знаю. Наверное, она ушла в мир, так что мы ничего не решаем.

— Не могла она этого сделать, не попрощавшись со мной!

Дренгир немного помолчал, раздумывая.

— Тогда она вернется. Видимо, где-то бродит от стыда. Завтра будет конунг, возьмем ее, будем разбираться и судить.

— Но зачем нам конунг? — испуганно спросила Асатра сквозь слезы.

— Его лично интересует это дело, — сказал полуправду Тамалу. Но Асатра в его слова не вцепилась, приняв всё как есть.

— И что с ней будет?

— Ее больше не будет в прайде Иллари. Надеюсь, она сможет простить себя и найти жизнь в Большом мире. Это всё, что можно сделать.

— Да...

— Эллази обманула ее. И...

— Тварь! Будь она проклята! — со всей душой сказала Асатра.

Тамалу стало не по себе от этого материнского проклятия.

— Думаю, мы узнаем, что именно она наговорила Амарель. Я бы очень хотел с ней пообщаться. Всё выяснить... Только вот зачем она согласилась?

Мать лишь снова заплакала. Догадки у нее были, но она предпочла их сохранить в себе.

**

— Алмар, мне нужно пойти, — слабо попыталась встать Юласси, но чуткая и сильная лапа остановила ее. Они целый оставшийся день сидели около старого баобаба, к ним никто не подходил; Юласси предпочла бы прогуляться, чтобы развеять гнусное настроение (если сидеть на месте, то мысли не дают покоя), но Алмар не позволял. Из лучших побуждений и страха за нее он не отходил ни на шаг. Он смутно боялся, что Юласси, улучив момент, убежит от него, чтобы исполнить задуманное. Она ж... своенравная. Кто их поймет, этих шамани.

— Стоять. Не дам.

— Мне нужно! — возмущенно молвила она.

Алмар и ухом не повел.

— Я обещаю, что вернусь.

Он будто ничего не слышит.

— Алмар, ну я серьезно. Я вернусь. Мне по делу.

Он посмотрел на нее:

— Обещаешь?

— Конечно.

— Ладно.

Так и случилось: Юласси очень быстро вернулась назад.

— Сколько же бед я принесла вашему прайду... — подходя, очень тихо молвила она, сама испугавшись своих слов.

— Это, скорее, мы тебе. Представить себе не могу такое предательство, — он тронул ее лапой. — И тут нет твоей вины! Почему ж тогда стремиться к смерти? Ты расслабься, поспи. Всё образуется.

Что-то зашелестело в редких листьях баобаба. Только теперь Юласси ощутила запах дождя.

— Алмар, ты не думай, что... — она разлеглась возле него. Капли из неба падали всё чаще; баобаб был не лучшим укрытием, но ей сейчас даже нравилось мокнуть под дождем, словно он смывал всё, что случилось за день. Она говорила ровным, спокойным голосом, положив голову на его плечо, смотря куда-то в горизонт, а может, и дальше: — Я хочу жить, очень хочу жить, как и все. Воля моя не то что сломлена, просто я уж не знаю, что думать, как поступать... Вот знаешь, случилось непоправимое, и есть в этом моя вина; хоть меня предали, но я не делала всё так, как должно, и не была осторожна. Я мечусь меж долгом и жизнью, а в жизни этой есть ты, и я слишком... люблю тебя. Но вина ест меня изнутри, я ничего не мо-

гу с этим поделаться; потому мне очень трудно. Мой Алмар... — она закрыла глаза и потерлась щекой о его шерсть. Он мурлыкал, чтобы для ее души было хорошо и спокойно. И просто внимательно слушал, ничуть не перебивая: — Я же прекрасно знаю, как искупается такая вина; после такого ухода имя шамани чисто, никто не сможет ее упрекнуть, потому что она приняла ответственность. Или он... Но я не буду лгать — я боюсь. Была бы здесь моя наставница Эльрара... Как я хочу ее совета... Но мне не хватит сил даже для простого выхода из тела, не то что уйти к ней в сновидении... Чувствует ли она, что мне трудно?.. Да, наверно...

— Что? Куда уйти из тела? — спросил он, но осторожно: когда любишь, боишься всякой грубости и случайной обиды. Алмар просто не понял, о чем речь.

Вместо ответа Юласси лизнула его в щеку. «Ладно, действительно — время спать».

— Юласси, душа моя, — обратился Алмар к ней.

— Что? — мурлыкнула она.

— Я сейчас... Скоро приду. Но ты веди себя хорошо!

Он обещал матери зайти перед сном, ведь она просила. Надо сказать, мать Алмара весьма осторожно ставилась к увлечению сына (ну, она считала это увлечением) этой Юласси. Мало ли что... Мало ли чего ей надо! А вот после этого случая, после смерти двоюродной сестры... Мщения и обиды к Юласси не было, но опасность появилась — эта львица таит в себе многие беспокойства и происшествия. Зачем сыну такая? Да тем более шамани, да еще с такими способностями!

Юласси, не дождавшись его, мирно уснула. «Так и силы мои уйдут... Сколько я уже не сновижую?.. Только и трачу себя на чувства... на события...», — напоследок подумала она.

Юласси принесла беду — так потихоньку говорили в прайде. Кто соглашался, кто нет. Но молва была. Сначала не стало в прайде Мариэль (ее, кстати, никто не видел после изгнания); потом Эллази и Млирраны; завтра предстанет перед конунгом Амарель.

Всё это вызывало споры.

Валран разлегся под небольшим каменным навесом у Больших скал, где взрослые львы и львицы иногда укрывались от дождя на ночлег. Он ворочался с боку на бок — не давал спать оживленный разговор. Ему страшно хотелось уснуть, поскольку день был в беготне и заботах.

— Когда она пришла в прайд, то всё стало брюхом кверху.

— Да, что есть, то есть.

— А как знать. Вдруг она специально это делает? — вставила свое веское слово неразговорчивая Хамала.

— То есть?

— Ну, не знаю... Делает что-то с ними. Влияет как-то.

— Да уж.

— Всё может быть.

Львицы прайда Иллари вяло развивали эту тему, приходя к выводу, что «всё может быть» и «добро с нею не ходит».

Валрану это сотрясение воздуха вконец надоело; отчасти он хотел спать, отчасти — глупость и несправедливость этого разговора казалась ему очевидной. Он резко встал и подошел к ним, неодобрительно кивая.

— Мариэль оказалась дрянью. Эллази оказалась дрянью. Амарель недалеко от них убежала.

Те молчали, нервно теребя хвостами.

— Это нам должно быть стыдно перед Юласси, — молвил он и плюхнулся на свое место.

— Ты еще слишком молод, чтобы...

— Ага, — грубо прервал он эту тираду.

Потом добавил:

— Сколько же зависти, интриг и лицемерия вскрыла эта львица в нашем прайде...

Юласси рано утром не встала, вопреки своему давнему обычаю. Ей было уютно и покойно возле Алмара, который тоже не вставал — не хотел тревожить. События вчерашнего дня походили на плохой сон; Юласси уже устала размышлять. Решила, что дождется конунга и его суда. Как сказал Тамалу, свой вердикт он вынесет не только для Амарель, но и для нее. «Что ж... Наверное, прикажет мне убраться. А то вон что творится. Ну и ладно, пусть решают. Будет, как будет». Впав в некое ментальное оцепенение, она просто дремала возле Алмара, который иногда делал что-нибудь милое: то в щеку лизнет, то спрячет ее в гриве. Она не оставалась в долгу: растягиваясь всем телом, вздыхала и мурлыкала.

Потом Алмар всё же ушел по своим делам, оставив ее. Лежать было хорошо и приятно, солнце спряталось в облаках; многие ушли на охоту, ведь погода была в самый раз.

Ждала прибытия конунга не только Юласси. Его ждал весь прайд. Тамалу снова приказал разыскать Амарель, но поиски пока что были безуспешны.

Юласси так и коротала свое время, дремля и не думая ни о чем. Закрыв глаза, вспомнила мать и Эльрару. Вдруг она ощутила чье-то присутствие сзади. Юласси сначала не хотела обращать на это внимание, считая это кознями своего беспокойного ума, но чувство упорно не исчезало, а потому сквозь лень пришлось обернуться.

Чутье не обмануло. Мрачным и недвижимым там стоял один из сыновей Млирраны, старший. Юласси совершенно забыла его имя, стало неловко и постыдно. Она знала: страшные новости они двое узнали поздно ночью, когда возвратились в прайд. Он ничего не делал, просто смотрел на нее спокойным, без суеты, взглядом; таким, например, смотрят мимоходом на отражение во воде.

— Убить тебя, что ли... — настолько задумчиво молвил он, что Юласси отметила без страха и дрожи: «Убьет». Но он ничего не делал.

— Я не желала смерти твоей матери. Мы шли, весело говорили, а потом нас предали и она умерла.

— Знаю... Надеюсь, у Эллази и Амарель хватит ума не попадаться мне на глаза. Но вот что мне делать с тобой? Не было бы тебя, не было бы вообще ничего.

— Я согласна, — кивнула Юласси, продолжая беззащитно лежать. Если он на что-то решился, ну так и пусть.

— Тамалу говорил, чтобы я или брат тебя не вздумали трогать.

— Делай то, что считаешь нужным. На мне огромная вина.

— Верно.

Юласси внезапно подумала: «А ведь так. Почему ты еще тут сидишь. Ну? Для тебя нет выбора. Долг. Слово шамани. Принятие ответственности. Что моя жизнь? Ты же всё знаешь, ты шамани, — смерть рядом с нами».

— Думаю, тебе не следует особо заботиться.

— Почему же? — вежливо осведомился лев.

— Я сейчас уйду и сделаю то, что должна была сделать еще вчера.

Он немного подумал.

— Мне говорили, что ты хотела отравиться. Это оно?

— Да. Такова традиция. Я не должна была оставлять рамзану. Этому наставницы учат своих учеников. Я училась плохо.

Он еще немного подумал.

— Почему ты решила именно сейчас?

— Ты мне напомнил. Скажи пожалуйста свое имя.

— Матарр.

— Прости, Матарр, если сможешь. Я пойду. Пора.

— Как знаешь.

И Юласси встала, медленно ушла; он лишь проводил ее взглядом, несколько не препятствуя ее уходу.

Лапы ступали по древней, вечной земле. «Эльрара говорила, что мир вечен». Выходит, трава и цветы под лапами, все в росе после ночного дождя, — частицы вечности. Вот как. «А смерть — лишь переход. Так тоже говорила Эльрара. Потому не стоит суетиться; никто ж не суетится, когда переходит от одного дерева к другому. Боимся лишь боли, которая часто преследует смерть, и неизвестности. Хотя... Шаналу говорил, что это всё глупости. Он говорил, что это конец, или же медленное угасание сознания, но никак не переход. «Не придавай себе так много значения!», — говорил он. А он — *видящий*. И Эльрара — *видящая*. Но вот даже они не знают, что суть гибель. Вот проклятье. Чему верить? Сейчас узнаю».

Вспомнила о подобных случаях. Например, амарах Аяна пошла вослед за своим учеником, который умер из-за укуса барсука — он вдруг получил огонь в крови, который Аяна вылечить не смогла. Но, говорят, он был для нее не только и даже не столько учеником. «Умереть из-за того, что укусил барсук... Определенно, в смерти иногда плохое чувство юмора», — подумала Юласси. Шамани Ханалу принял очень большую дозу наралэ, пристрастившись к нему; его предупреждали, что это опасно и не принесет силы, но Ханалу лишь смеялся и говорил, что в бреду ему лучше, чем в буднях реальности. Решив, что он сможет остаться в иллюзорном мире, который дарит наралэ, Ханалу съел огромное количество и умер. «Может, он действительно там? Как знать...».

Ну и, конечно же, наставницы всегда рассказывали полулегендарную историю о шамани (каждый раз ее звали по-разному), которая ошиблась в приготовлении снадобья (каждый раз разного), добавив туда слишком много строфанта (шасиры, белладонны, ядовитой ибоги и прочее и прочее). Тот, кому его дали, отравился; шамани тут же ушла вослед. Эта история преследовала одну цель — тот, кто учится, должен осознать всю ответственность, а также должен понять, что его ждет в случае ошибки. Конечно же, ученики понимали, что история выдуманная, тем более если отравой был не строфант; ведь только от него умирают сразу и быстро, всем остальным отравиться много труднее, и отравление длится неизмеримо больше. Юласси только теперь заметила такую деталь: то, что шамани должна уйти из жизни после такого проступка, воспринималось само собой, вариант «а я ничего делать не буду» не рассматривался никогда.

Но что же делать в ее случае?

Юласси помнила, где на землях прайда Иллари есть строфант, много строфанта. Потому шла туда, легко и уверенно, пугаясь этой собственной уверенности и отрешенности. Воздух был душным, облака низкими.

Шамани выскочила на странное низкое дерево, которое росло не прямо, как все обычные деревья, а совсем криво, потому по нему можно было свободно лазить. «Думаю, я уже на месте».

Юласси не сразу заметила кое-кого, поскольку этот кое-кто был совсем рядом, в трех прыжках.

Это была Амарель.

Она лежала на боку без движения и жизни. Юласси всё поняла, но со слабой надеждой, спрыгнув с дерева, подошла к ней. «А вдруг жива!». Нет, этого «вдруг» не случилось. Она не выдержала терзаний.

— Что ж теперь... — безвольно села Юласси. Она заметила панцирь рядом с Амарели, явно ею принесенный; это был символ, дабы ни у кого не осталось сомнений в мотиве и причинах этого смелого, темного поступка.

Юласси вспомнила, как спорили Эльрара и Мался-амарах. Эльрара говорила, что самоубийство — лишь потакание себе, больше ничего, которое ничего не показывает, кроме бессилия. Мался ответила: «Знаешь, нужно иметь дух, чтобы решиться на такое «потакание себе», нужно иметь».

У Юласси не было никакой ненависти или обиды на Амарель; теперь она видела перед собой лишь жертву судьбы, любви и чужого предательства. Она осторожно провела лапой три полоски на ее щеке — символ шамани. Юласси осмотрелась — вдруг рядом есть хирайя, чтобы запечатлеть его черным соком. Но не было. Ну пусть будет так, пусть они невидимы, но они есть. «Амарели, вместе мы могли бы сдвинуть горы», — подумала она, прильнув к матери-земле и оставив лапу на Амарели, выражая так прощание и грусть от ее ухода.

Сзади раздался шелест.

— До чего ж ты непослушная львица, бегать за... тобой... что это?

Юласси поднялась.

— Алмар, это Амарели.

Он подбежал. Ничего не сказав, сначала дотронулся к ней лапой, словно не решаясь ни на что, но потом обнял, простив любой ее поступок.

— Нет, нет... Лучше бы ты ушла в Большой мир. Ты простила бы себя... Зачем же так?

— Она очень любила тебя, Алмар.

— Я не стою таких страданий, зачем же...

Юласси и Алмар прекратили разговор; она лишь наблюдала за собственным кончиком хвоста, словно тот жил собственной жизнью; Алмар продолжал обнимать Амарель.

— А знаешь...

— Да?

— Мы когда начали... в общем, мы любили друг друга... Мы были еще совсем маленькие, подростки, у меня даже и гривы хорошей не было... Да... Знаешь, как оно бывает — в любви говоришь часто всякое, что никогда не сбудется. Я ей сказал: «Буду любить тебя вечно». А она так серьезно ответила: «Я тоже буду любить тебя вечно»... Видишь, я солгал. А она — нет.

Юласси нечего было ответить. Что тут скажешь? Всякое намерение и решимость в ней иссякли, Юласси не чувствовала за собой силы, ощутила слабость и нерешительность, свойственную всякой львице.

Словно угадав течение ее мыслей, Алмар молвил, встав:

— Ты сюда бежала, потому что?..

— Да.

— Если уйдешь ты, то я, наверно, сойду с ума. Слишком много утрат.

Он вдруг обнял ее.

— Ты ненавидишь меня, наверное... Я принесла столько бед, — ощутила тяжесть судьбы Юласси.

— Я очень люблю тебя, несмотря ни на что. Ты никому не причинила зла. Ты виновата лишь в том, что однажды пришла в прайд Иллари.

— Да, но...

— Тише.

Юласси подчинилась, сдалась и вся расслабилась, растворившись в нем.

— Идем... Ее нужно оставить.

Такова традиция: возле мертвых не надлежит долго находиться, а тем более слишком долго тосковать возле них.

Он обнял Амарель так же, как когда-то давно, и поцеловал в щеку. Юласси же погладила Амарель по шерстке и снова провела эти три полоски на щеке и шее, этот символ пути знания.

Молча они ушли в прайд.

Тамалу был занят разрешением спора между двумя хозяйками охоты, Амалсой и Селларой, как тут к нему прибежала Ахмая, посыльная из Хартланда. Дренгир тут же спросил:

— Что, идет?

— Да, очень скоро конунг будет тут.

— Думал, вы будете на рассвете.

— С нами идет Анлиль, — слегка наморщила мордочку Ахмая, — старая шамани Велари. И чего ей здесь надо? Не пойму.

«Ого!», — подумал про себя Тамалу, а сам ответил:

— Да, странно. Ладно, иди отдыхай, а мы будем принимать.

— Так что у вас здесь произошло? — понизив голос, любопытствовала Ахмая.

— Одна львица изгнана, одна убежала из прайда, одна погибла и еще одна сейчас предстанет перед судом... если ее нашли и она не ушла в Большой мир.

— Ничего себе. Да что ж такое у вас творится? — изумилась Ахмая.

— Перемены, — только и сказал Тамалу, не находя ответа ни для себя, ни для нее. Действительно, это перемены, которые даются очень высокой платой.

— Да уж, сильные перемены... Ладно, пусть дренгир меня извинит.

— За что?

— За мысли вслух.

Тамалу ждал конунга у камней прайда; зная, что Кигали прикажет сделать общий сбор, он уже позаботился о том, чтобы все, кто только мог, собрались неподалеку.

Прибежал Валран с небольшим докладом:

— Амарель так и не нашли.

Дренгир кивнул.

Когда Юласси пришла с Алмаром в прайд, то узнала, что ее ищет Тамалу, потому сразу отправилась к нему. С ней пошел и Алмар.

— Мой дренгир, Амарель убила себя, — без предисловий начал он.

— Строфантом, — скупно добавила Юласси.

— Где она?

— Возле Острого камня, южнее тропы. Уже некого судить, — сказал Алмар.

Тамалу словно предвидел это событие и мало взволновался. Безо всяких лишних слов и чувств он начал говорить о деле:

— Тогда конунг будет решать лишь вопрос Юласси. Кстати, я попрошу тебя быть рядом со мной.

— Хорошо, — ответила она.

Алмар ушел, посчитав себя лишним.

— Лев так спокоен... — смотрела на дренгира Юласси.

— Дренгир должен быть спокоен. Кроме того, в положении Амарель смерть — единственный достойный выход. Ничего странного, — твердо молвил он. — А вот и конунг идет.

По тропе шел Кигали с небольшим окружением в шесть львов, также его сопровождали две весьма молодые львицы. И одна старая.

— Ты... еще хочешь быть в нашем недостойном тебя прайде? — спросил Тамалу.

— Я столько пережила в нем, что будет глупостью бросать его. Видимо, сама судьба приказала мне тут остаться. Но почему недостойном?

— Ты подумай и сразу найдешь ответ. Если ты просто уйдешь, никому ничего не сказав, то я пойму... Знаешь, мне действительно стыдно.

Больше времени говорить у дренгира не было, потому что подошел конунг вместе со своей компанией.

— Готовы умереть с тобой, — традиционное приветствие от дренгира.

— Здравствуй, Тамалу, — Кигали решил не соблюдать формальности; вообще же он — лев настроения, и мало кто понимал, что он на самом деле думает, что замышляет, чем живет. Но он правил хорошо, не жаловался никто.

Оттянув дренгира в сторону, он начал выяснять у него подробности. Юласси украдкой наблюдала, как Тамалу размахивал лапами, указывал то на Юласси, то на себя, то еще на кого-то. Рассказ был длинным, но, похоже, Кигали ничуть не уставал его слушать.

Юласси спокойно сидела в своем одиночестве, ожидая какого-нибудь решения конунга; она уже устала от всего этого, желая скорейшей развязки. Юная шамани чувствовала, что та наступит очень скоро, потому никуда не спешила, плывя по течению судьбы. Собственно, она не знала, что и думать: с равным успехом ее могут как изгнать, так и оставить. Вдруг конунгу не понравится вся эта смута и непонятные события, и он решит за лучшее прогнать Юласси подальше прочь, чтобы от нее не было беспокойства. Этого она не хотела, даже не потому, что хотела остаться в прайде (мнение о нем поблекло) или же здесь был Алмар. Если это произойдет — значит, всё было зря, все эти события не имели какого-либо окончания; столько жизни и эмоций за такое время Юласси успела здесь оставить — и просто так? Это будет жестокая насмешка судьбы.

А вот тихо подошла какая-то старая львица. Юласси ранее заметила — та пришла с конунгом. Ее присутствию она не придавала никакого значения, продолжая следить за конунгом и дренгиром, ожидая дальнейшие события.

Не давали покоя долг, Млиррана, вина; но Юласси устала за эти дни, силы ее истратились, потому беспокойство было не таким, как прежде. Юласси сполна оценила слова своей амарах: «Только действие имеет значение, а слова и постоянные мысли о действии чаще всего бессмысленны и жалки».

— Что у вас тут стряслось? — добрым голосом спросила та старая, незнакомая львица, рассматривая собравшийся прайд Иллари.

Юласси не хотелось пересказывать всё и сейчас, потому она скупой дала ответ:

— Весьма плохие вещи.

— А ты та самая Юласси, что пришла с Морлая?

— Да.

— Так что у вас приключилось? — не сдавалась львица.

— Две львицы умерли, две львицы исчезли. Всё это — из-за меня.

Это произвело на нее впечатление. Львица вздохнула, отчего-то посмотрев на лапы Юласси, но не ей в глаза, будто общалась с ними.

— О, как жаль. И думаешь, это всё из-за тебя?

— Вполне. Зачем себе лгать?

— Это верно, верно, — тут же согласилась львица, медленно и умудрено кивая головой, как это обычно делают старые львицы. — Но иногда очень важно суметь обмануть то, что мы называем собой.

Юласси ничего не ответила, не обдумывая ее слова. Они так и сидели вместе: Юласси слева, незнакомка справа. Вдруг подошла Аралса, лишь бросив взгляд на Юласси; она пришла не к ней, а к незнакомке:

— Анлиль, мое почтение. Давно не видела львицу.

— Здравствуй, Аралса. Как ты?

Они обнялись.

— Вполне хорошо.

— Что же у вас тут?

— Тамалу говорит: перемены. Я с ним согласна. Но они даются нам весьма трудно... Сейчас Кигали будет говорить речь и выносить свое решение. Должен был быть суд на Амарель. Но ее уже нет. Значит, он будет решать что-нибудь насчет тебя, Юласси, — Аралса участливо приложила лапу к ее шее.

Юласси не смогла сполна ответить на ее эмпатию, лишь кивнула головой. Сознание было занято совсем другим.

«Так, и эта львица — Анлиль? Так, так... Но я за ней ничего не чувствую! Она просто обычная, старая львица! Проклятье, что это за шутки такие? Это что, всё — большой, огромный обман и насмешка?!».

Юласси-шамани с подозрением и недоверием разглядывала ее, не желая так обманываться. Она верила, что здесь есть настоящие, хорошие шамани, с которыми можно разделить путь, ведь в одиночку будет трудно, она увязнет в буднях и неразделенности знания и ощущений. Юласси надеялась, что этот прайд и Союз смогут дать то, чего она хочет, взамен на ее преданность. Но теперь получалось еще одно разочарование; это очень расстроило Юласси. Она, продолжая ее разглядывать (а львица просто лежала на травке, лениво помахивая хвостом, неспешно рассматривая всё вокруг), старалась всё хорошенько понять.

«Так, но ведь Тамалу упоминал про огонь изнутри! У нее, у Анлиль! Он мог врать о всём, но только не об этом, откуда ему знать?.. Хотя... Но она... нет, это невозможно. С теми, у кого огонь изнутри, трудно усидеть рядом из-за чувства их силы! А тут... Может, это уж что-то со мной?», — огорченно подумала Юласси.

— Ты что, не веришь мне? — вдруг спросила львица.

— Нет, если можно так сказать. Я не верю, что ты — Анлиль, — Юласси из эмоций молвила неуважительное «ты».

— Хммм, надо же. Почему?

— Насколько я знаю, Анлиль — сильнейшая шамани, которая может очень многое. Но здесь я вижу... обычную львицу. Я-то знаю, каковы шамани. Я бы заметила настоящую Анлиль за сто прыжков, за десять сотен прыжков, — Юласси даже привстала; она решила бросить всякий контроль и отрешенность, предаться течению чувств и мыслей. — Или здесь все ненастоящие? Или здесь всё так?..

Она спросила уже саму себя, особо не надеясь на ответ:

— Неужели мне придется в одиночестве здесь идти по пути? Либо ни с чем уйти в Большой мир?

Анлиль совсем не прерывала Юласси; когда она, наконец, притихла, то молвила:

— Действительно, в мире так много ненастоящего, что меня это иногда пугает. Но я вспоминаю, что сама делаю свой мир, и обретаю покой.

— Да уж, — иронично ответила Юласси, уже даже насмехаясь над этой львицей («Пффф! Много ненастоящего! На себя посмотри...»), не обращая внимания на некоторые знаки, которые говорили о поспешности ее выводов; от волнения она их просто пропустила.

— А ты откуда обо мне знаешь? — спросила Анлилль.

— Дренгир рассказывал, — равнодушно ответила Юласси, не желая больше разговаривать. «Ладно, что тут поделаешь. Видимо, всё — ложь». Она отвернулась от старой львицы, рассматривая каменный столб от внезапной скуки.

Вдруг Юласси ощутила озноб во всём правом боку. Она была с ним хорошо знакома — это будто очень много мелких колючек вонзаются в тело, либо же напоминает течение некоей «острой» жидкости (так это ощущение описывала Эльрара). Юласси испугалась такого неожиданного и сильного ощущения, сразу обернулась...

...там сидела Анлилль, как и прежде, но совсем другая. Она смотрела прямо в глаза Юласси, взгляд этот было трудно выдержать; ее карие глаза в полном смысле пылали, и Юласси заворожено наблюдала за этой силой. Да, вот оно, то самое ощущение другой шамани! Оно обычно смутное и легкое, но здесь величина и тяжесть силы даже подавляла. Такого огня изнутри она еще не видала.

— Смотри вверх, — не иначе как приказала Анлилль, и Юласси послушаться не смела.

А после этого, когда она решилась, наконец, обратить на нее взор, то обнаружила всё такую же старую львицу, мирно лежащую на траве; только теперь Юласси поймала ее взгляд, теперь она поняла, почему Анлилль старательно прятала его раньше. Глаза — отражение души, они сразу выдавали.

— Я сама научилась прятать естество от других. Считай это моим достижением на тропе шамани, — очень просто улыбнулась она. — Полезная вещь; с нею видящему проще в прайде. Только вот взгляд, глаза — с ними, наверное, уж ничего не поделать. Хотя я так старалась, видимо, не судьба... уже... успеть научиться... поздновато немного... так и помру, — словно сказав нечто очень смешное, Анлилль душилась смехом.

Юласси сидела, ни жива ни мертва. Она еще не успела обрадоваться либо же хотя бы осмыслить увиденное; лишь только обернулась по сторонам, чтобы заметить реакцию остальных львов и львиц, но они, похоже, ничего не заметили. Анлилль показала себя только для нее. «Но как?..», — спросила саму себя Юласси.

— Так львица — Анлилль?! Действительно?

— Думаю, да, — смешно кивнула она, приложив лапу к шее.

— Ох... Проклятье...

Анлилль смотрела на юную шамани, и той было слегка не по себе от этого взгляда, который безо всякой трудности видел ее насквозь.

— У меня будет к Анлилль несколько вопросов, если она не возражает... Мне очень нужно...

— Совсем не возражает, но сейчас, — шамани Велари кивнула в сторону конунга, — время для речей конунга, решений, обсуждений и всего такого. Заодно я выслушаю всю здешнюю историю, которой доселе не знаю. А потом мы с тобой поболтаем.

Юласси хотела что-то добавить, но не получилось, потому как дренгир позвал к себе.

— Сейчас конунг будет говорить перед прайдом. Я тебя попрошу быть возле него, только не забудь — слева и позади, хорошо?

— Да. А что будет?

— Он будет перед всеми рассматривать твою особую ситуацию. Вообще же это должен был быть суд над Амарель, но ты сама понимаешь... Ну, так принято, — кивнул он, заметив ее непонимание. — Он хочет таким образом навести порядок в прайде.

— Оставим Амарель... Ее имя уже чисто.

Дренгир не нашелся, что сказать.

— Мне идти? — переспросила Юласси.

Он взглянул. Кигали еще не вышел в центр собравшегося полукругом прайда.

— Погоди... Конунг пришел ради тебя. Видишь, Анлиль тоже. И еще вот что: только конунг может принять кого-то в любой прайд единолично.

— Вот как... Чувствую себя неловко...

— У тебя есть несколько мгновений, чтобы всё обдумать. Хочешь ли ты остаться, либо не хочешь.

Конунг пошел.

— Всё... давай, иди, — молвил ей Тамалу.

**

— Все мы здесь собрались для того, чтобы разобраться с тех событиях, которые произошли в прайде Иллари в последние дни, — начал конунг. — Не будем же терять времени. Тамалу, расскажи нам всё. Если кто будет иметь какие замечания, то пусть не боится их вымолвить.

Замечаний ни у кого не было. Дренгир так и сделал — рассказал всё: как пришла Юласси в прайд; как загадочным образом она узнала о том, кто столкнул Ланшану; как путем подлости и предательства Эллази с Амарель хотели убрать прочь Юласси, заодно убив Млиррану; как убежала прочь Эллази, а Амарель совершила самоубийство (вздых удивления — об этом многие еще не знали), и Юласси тоже собиралась, но ее остановили.

— Прайд выглядит во весьма неприглядном свете, — сразу же отметил конунг после окончания рассказа Тамалу. — Признаться, мне не по себе.

— Но всё было хорошо, а вот с этой львицей пришли неприятности, — заметила Алимэ, вторая хозяйка охоты прайда. Она указывала на Юласси.

— Вам достаточно было одной молодой львицы, чтобы вы чуть не поубивали друг друга. Имейте стыд. Никому дурного она не сделала, а насколько мне известно — так даже многим помогала. Но случай с Млирраной требует от меня наказания виновных и всяческого рассмотрения, потому как это страшное происшествие. Подобного я не припомню.

Все согласно закивали.

— Эллази поступила жутко и недостойно. Амарель присоединилась к ней... да, я правильно говорю?

— Да, — сказали в унисон Аралса и Тамалу.

— Но они сами себя наказали. Осталась Юласси.

Она наострила уши, продолжая сидеть на месте.

— Мне уже сказали, что она хотела покончить с собой. Так ведь, Юласси? — обратился за ответом Кигали.

Она кивнула:

— Именно. Таков долг шамани.

— Есть ли такой долг, Анлиль? — он неожиданно обратился к ней.

Одиноко сидящая старая львица не отвечала долго, все аж утомились ждать ее слова. Конунг ждал, но ответа всё не было

— Анлиль? — спросил он.

— А... да?

— Есть ли традиция самоубийства, если ты кого-то отравил по ошибке? — громче спросил он.

— У шамани? — невозмутимо спросила Анлиль, рассматривая травинки перед собой.

Некоторые понимающе вздохнули. Чего еще ждать от старой львицы?

— У шамани.

— Да, конечно есть. Это правильно. Но к чему конунг это спросил?

— Ведь мы имеем похожий случай, — конунг указал на Юласси.

— Где? — нахмурилась Анлиль.

— Вот... Юласси... — и снова указал на нее Кигали.

— Я слышала всю историю. Юласси не травила никого по ошибке. Ее единственная ошибка разве в том, что она не смогла предвидеть такой подлости.

— Но ведь всё же она делала эту... как ее...

Юласси подсказала:

— Рамзану.

— Да. Рамзану.

— Ты посмотри назад, мой конунг, — молвила Анлиль.

Кигали послушно посмотрел.

— Сзади стоит дренгир этого прайда, возле него его львица, а потом двое твоих охранителей.

Все сидели и, затаив дыхание, слушали. Было интересно.

— И что?

— Часто ли приходит тебе в голову, что они сейчас бросятся тебе на спину и убьют, лишив Союза правителя?

— Наверное, не слишком часто, — подумав, ответил Кигали.

— Даже если будет предчувствие такого, то ты до конца не будешь уверен в своем чутье, ведь это — твои друзья. О друзьях думаешь хорошо. Как же Юласси могла предугадать, что сестры-шамани могут сделать то, что они сделали?

— Почему же тогда она решила покончить с собой?

— Молодость неопытна, — только и сказала Анлиль, вставая. Она подошла к Юласси и Кигали. Потом добавила: — Даже если она сознала бессмысленность своего поступка, то тогда ее порыв — жест духа, дабы никто не мог ее упрекнуть. И если она не довела свой порыв до конца, то ничего в этом порочного нет. Пусть кто-нибудь из вас попробует для интереса задумать лишить себя жизни и убедится, что довести до конца это трудновато, особо если причиной является чужая глупость и подлость.

— Юласси, что сама ты думаешь о своем случае? Ты виновна? — тут же спросил ее конунг.

— Виновна, и мне очень жаль.

— То есть, ты чувствуешь за собой вину?

— Да.

Аралса наклонилась к Тамалу:

— Что он делает? Зачем ее мучить? Что за ерунда?

Тамалу лишь положил свою лапу на ее:

— Сиди. Всё хорошо.

Кигали тем временем продолжал:

— Что ж, тогда можно придти к выводу, что здесь есть часть твоей вины.

Смысла и логики в таком выводе было исчезающее мало. Алмар сидел темнее тучи; мать, боясь, что он что-нибудь выкинет, да не перед кем-нибудь, а перед конунгом, неотрывно за ним следила, дабы вовремя сдержать.

— Ты не смогла всё предвидеть, потому погибла львица прайда Иллари. Хоть тебя и убеждают, что нету здесь твоей вины, но ты ее смутно чувствуешь.

Юласси царапнула когтями землю.

— Да.

— Тогда я должен вынести по тебе вердикт.

Сестра Аралсы, Амалса, молвила ей на ухо:

— Бред.

— Согласна. Тамалу... это ж полная... — возмутилась Аралса.

— Тихо вы! Так надо! — шикнул дренгир на них, зная задумку конунга.

— Зачем ее...

— Тихо! — зашипел он.

Кигали сделал круг перед прайдом, чтобы привлечь побольше внимания; но это было зря: все и так сидели без единого шороха. Юласси подумала: «Засудит. Прогонит. Вот же судьба, а! Испортила я здесь жизнь, и уйду...». Присмотрелась к нему, прислушалась — вдруг чутье шамани что выявит или хотя бы подскажет. Но нет, это было очень трудно.

— Поскольку себя ты считаешь виновной, то должна понести ответственность. Очевидно, что никакой прямой вины нет. Но! Ты причастна к этому, а потому теперь можешь выбрать из того, что я тебе предложу. Ты можешь уйти с миром прочь из прайда Иллари и Союза, если этого желаешь. Либо же ты, взяв ответственность за этот прайд, останешься в нем, поскольку после всех событий здесь не осталось шамани, и твоя жизнь для прайда сполна искупит твое чувство вины. Оно уйдет без следа, если ты разделишь его судьбу.

Беата не обратила никакого внимания на обидные слова конунга «нет шамани»; Малу же, который только сегодня утром пришел с длинной охоты, внутренне взбунтовался, поскольку считал себя сильным. И хорошим. Но взбунтовался только внутренне, а внешне и виду никакого не подал, поскольку подать голос при конунге, да еще с претензией, было для него просто больной, безумной смелостью.

— Илларицы... — Юласси обращалась не к конунгу, но к ним. — Если я уйду, то всё, что произошло, будет зря. Получится, что та, которая хотела попасть в прайд, просто уйдет по доброй воле после того, как в нем не стало четырех львиц. Потому хочу к вам, несмотря ни на что — так приказала судьба, я вижу это. Не знаю, нужна ли я вам, решайте сами. Останусь я. А вы уж как хотите, хоть удушите ночью. Но я не хочу, чтобы смерть Амарель и Млирраны была без смысла, потому останусь.

— Этот прайд тебя не стоит! — безо всякого страха громко молвил Сагвар.

Кигали пропустил мимо это замечание, и сказал ей:

— Тогда вот что. Юласси — ты теперь львица прайда Иллари. Поклянись ему в преданности.

— Клянусь в преданности прайду Иллари.

— Принимаешь ли ты Тамалу как своего правителя, а меня — как правителя над ним?

— Принимаю.

Юласси ждала каких-либо церемоний либо же чего-то в этом духе, но ничего не произошло. Вообще. Все сидели на своих местах, как и прежде, не выдавая особых эмоций.

— Если кто-нибудь хочет что сказать по этому поводу, то пусть говорит сейчас.

В ответ — молчание. Конунг добавил:

— У всего, что делаю я, есть веская причина. И если кто еще сомневается — пусть будет уверен, что и здесь есть своя. Поверьте, вы не будете жалеть об этом решении конунга Кигали.

Еще раз внимательно осмотрев всех, он молвил:

— А теперь принимайте свою сестру, — и ушел в сторону.

Сначала было мгновение неловкости, но потом Юласси увидела, что все, разбив полукруг, нестройно пошли прямо на нее.

Первой к ней подошла Амалса — она была ближе всего. Без лишних слов она села перед Юласси, правую лапу поднесла к левому плечу и безо всякой жалости расцарапала его.

— Принимай мою кровь.

Увидев, что Юласси не знает, что делать, прошептала:

— Щечкой к моему плечу...

Так она и сделала. Сначала потерлась щекой о плечо, потом обняла саму Амалсу. Потом подходили, подходили, подходили... Кто лишь обозначал отдачу крови новой сестре, лишь слегка проводя когтями по плечу — это не возбранялось; кто, вроде как Сагвар, так хлестал по нему, что у Юласси сжималось сердце от жалости. Иногда ей что-то говорили:

— Добро пожаловать...

— Ты ни в чем не виновата, помни это, — кто-то наступал ей на лапу.

Подошли все, даже сыновья Млирраны. Подошла Беата. Подошел и Малу, который пожалел рассекать плечо до крови.

Неведомым образом к ней смог просочиться Алаас. С первого раза расцарапать в кровь плечо у него не вышло, потому он яростно повторил попытку, вызвав тем самым тревожную заботу Юласси:

— Алаас, не надо, это...

Но он успешно сделал задуманное. Юласси приняла и его кровь.

— Я знал, что ты останешься, я знал! — полным восторга голосом прошептал он и быстро скрылся, потому что отец заметил его смелое своеволие и грозно направлялся к нему.

После принятия крови прайда левая щека и шея Юласси были все в крови, как после охоты; Аралса предупредила, что ее очень желательно не смывать — она должна сойти сама.

Юласси стала шамани прайда Иллари.

Но было еще кое-что. Юласси-шамани крайне требовалось поговорить с Анлиль; даже не столько потому, что требовались некие ответы, а просто из-за того, что она соскучилась по компании подобных ей.

Анлиль упряталась на Больших скалах, и Юласси нашла ее там.

— Анлиль?

Она открыла один глаз:

— Садись, садись, не стой, в лапах правды нет.

— Анлиль, я понимаю, что это весьма невежливо, но я хочу узнать мнение львицы, — Юласси села.

— О чем?

— Что мне следовало сделать? Не опозорила ли я наш путь своей робостью? — спросила она самое главное.

— Его невозможно опозорить. Можно лишь саму себя. Это о том, что ты не ушла вослед за Млирраной?

— Да.

— Мое мнение я уже высказала раньше. Мало кто в силах предугадать, когда друзья превратятся во врагов. Млиррану убила не ты или твоя ошибка. Ее убила Амарель.

— А Эллази?!

— Ее я вообще в расчет не беру. Я знала, что она птица очень низкого полета, но даже я не смогла предугадать такую низость. Впрочем, она поплатится за свой поступок, будь уверена, — Анлиль закивала головой, улыбаясь так, что Юласси стало страшновато.

— Анлиль, я хотела бы...

— Юласси, подойди ближе... Да. Вот так. Слушай же. Не знаю, кто были твои наставники, но должна отдать им должное — они настоящие и безупречно сделали всё, что должны были сделать. Что тут сказать, Морлай, свободные шамани... — со светлой грустью сказала Анлиль. Видимо, ее что-то связывало с Морлаем.

— Ее звали Эльрара. Я...

— Слушай же меня. У старой Анлиль не так много времени. Знаю твои вопросы, но хочу, чтобы ты знала — у меня не больше ответов, чем в тебе самой. Знаешь, я иду по пути уже очень много лет, но со временем появляются лишь вопросы, а ответов даже меньше, чем в молодости... Не думай, что я знаю нечто такое, что может перевернуть мир. Отнюдь. Я видящая, я достигла кое-каких успехов в знании и поиске силы, но будь уверена — часть моего существа остается абсолютно неизменной; по большому счету, я всё та же, что и много лет назад. Говорят, путь полностью меняет наше существо, но это неправда; и я в чем-то всё та же, какой была с рождения. Таковой и умру. Ты хороша и сильна, Юласси, ты пойдешь наверх лучше, чем я, потому буду говорить с тобою на равных, как со сестрой по пути.

— Но почему в Союзе есть ненастоящие шамани? Я никогда с таким не сталкивалась!

— Это длинная история, которую я тебе кратко перескажу. Видишь ли, ты была свободной шамани, которую взрастили такие же свободные наставники, потому многое для тебя непонятно... Союз существует давно, ему две сотни лет. Так вот. Шамани были сначала как бы сами по себе, а Союз — сам по себе. Они отнюдь не возникли в Союзе, да этого и не могло произойти — он появился позже. Когда появился Союз, со временем в нем появились и шамани. Тогдашние правители быстро оценили все преимущества их нахождения в прайде. Сначала они просто лечили остальных, но поколение сменяло поколение, и шамани начали использовать свои силы, помогая правителям Союза. Они уже не были обычными — они были шамани Союза. Жизнь потекла иначе. Это было время очень сильных шамани, потому что они обрели много свободного времени, они имели множество ситуаций для практики. Шамани Союза стали самыми сильными, и были в каждом прайде. Они были крайне полезны для правителей, но как оказалось, для самих шамани это не пошло на пользу. Их начали раздирать противоречия — они родились союзными львами и львицами, но знание шамани вело их в другую сторону, в сторону свободы, где нету никакой заинтересованности в завоеваниях и жизни прайда. Многие, по достижению определенной черты в жизни, вообще уходили прочь, в Большой мир; не потому что им не нравилась жизнь в Союзе, а потому, что наступало для них такое время — уходить... Особенно это касается львов. А утрата сильного или сильной шамани для правителя и прайда была невозможной. Отсюда происходили но-

вые конфликты... Амбиции правителей становились всё больше. Шамани продолжали помогать, но это шло в ущерб им, а также их знанию...

Анлилль перестала говорить, чтобы перевести дух, и собраться с мыслями. Потом продолжила:

— Неизвестно, кто и когда из нас решил, что пора это прекратить. Скорее всего, это решение пришло ко всем спонтанно. И не стоит забывать, что шамани много общались между собой, и обменивались опытом. Мало-помалу шамани стали отвлекать от себя внимание, и делались тем, чем были и давным-давно раньше — обычными целителями для прайдов. Но это только внешне, только игра в прятки. Раньше не все, но многие знали о силах шамани; теперь же здесь о них знают, кроме нас самих, совсем немногие львы и львицы. В Союзе теперь наши силы — тайна. Но в последнее время идущих по пути знания в Союзе осталось очень мало. Сильных шамани становилось все меньше и меньше. Сложно сказать почему. Такие времена. В некоторых случаях наставницы решали не обучать знаниям своих учеников, а делали из них простых целителей. Но все называли и называют их тоже «шамани», ибо остальным без разницы — они и так ничего в этом не понимают. Это оказалось огромной ошибкой. Ты сама смогла убедиться в ее последствиях. Я тоже допустила ее в свое время, но уж поздно.

— Надо же...

— Теперь шамани есть лишь в прайдах Хлаалу, Юнити, Регноран, Велари. Что ж, настало время перемен — теперь прайд Иллари трудным и загадочным образом также получил шамани. Это, безусловно, знак. Ты, Юласси, — живой знак перемен. Это фаталь, Юласси.

— Фаталь? — ей показалось, что она когда-то давным-давно слышала это слово.

— Судьба. А если точнее, те ее знамена, которые неотвратимо ведут к тому, что должно случиться. Знаки эти и есть фаталь. Судьбы ведут нас.

В этих словах была красота и печаль.

— Кстати! Когда будет время и желание, обязательно сходи в прайд Юнити.

— Почему?

— Там отличные шамани: Шелли и Нарра. У них три ученицы: Аврина, Иримэ и Шаана. Вот какая большая компания, — засмеялась Анлилль. — Обязательно познакомься с Шааной. У вас много общего!

— Я уже слышала о ней.

— Даже так! Очень хорошо... Она еще не совсем окрепла, она еще не полностью стоит на своих лапах, как ты. Свободные шамани делают это лучше и раньше. Но у нее талант, огромный талант, я никогда не видала такого за всю свою жизнь...

Она закрыла глаза, Юласси тоже. Находиться рядом с Анлилль, слушать ее плавную, уверенную речь было очень хорошо; нарастала та особая уверенность шамани, которая причудливым образом смешивается со смирением перед собственной судьбой. А потом старая Анлилль совсем буднично добавила:

— Извини, Юласси, я... аааах... немного посплю.

Юная шамани сразу же почтительно встала, слегка поклонилась и молвила:

— Большое спасибо и доброй ночи.

— И тебе доброй, Юласси. Будь безупречна.

Последние слова эхом стояли в сознании даже тогда, когда Юласси уже мирно засыпала рядом с любящим Алмаром, который никогда не бросал ее, несмотря ни на что. Она было подумала, что Анлилль сказала эти слова неким особым образом, придав им силу, чтобы Юласси хорошо их запомнила, но обдумать это не удалось, потому как она мягко уснула, не заметив собственного ухода в мир сна.

Но перед сном она чувствовала: вещи стали ясны. Вины больше не было. Юласси снова обрела свои волю, ясность и отрешенность; силы вернулись к ней. Теперь она служит прайду, и да будет так.

Поутру она хотела разыскать Анлиль, но ее усилия были напрасны, поскольку конунг рано поутру вместе со всеми ушел прочь. Юласси не находила себе места, ведь оставалось еще столько вопросов без ответа! Она так надеялась многое узнать! Но Тамалу вместо ответов дал ей лист растения хум, который многим поколениям служил материалом для написания.

— Это она просила передать тебе, — и ушел.

Юласси посмотрела. Там, на большом листе, был начертан единственный символ. Символ древнего языка, который Юласси знала безупречно. «Шамани». Тот же, что и на столбе прайда Иллари, только изящнее и красивее. Юная шамани только удивилась такому мастерству начертания, и почему-то всплакнула, но лишь на мгновение, поскольку день ждал других, новых дел и действий. Раз судьба вручила ей этот прайд, то нужно его принимать без сомнений. И жить вместе с ним переменами и новой жизнью.

Тогда она еще не знала, что в первый и последний раз видела Анлиль.

Так Юласси стала верной и преданной шамани прайда Иллари.

mso
2009 г.